

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ

**Тарзан из племени
обезьян
Возвращение Тарзана
Тарзан и его звери**

Тарзан

Эдгар Берроуз

**Тарзан из племени обезьян.
Возвращение Тарзана.
Тарзан и его звери (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1916

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берроуз Э. Р.

Тарзан из племени обезьян. Возвращение Тарзана. Тарзан и его звери (сборник) / Э. Р. Берроуз — «Азбука-Аттикус», 1916 — (Тарзан)

ISBN 978-5-389-12441-7

В 2012 году Тарзану, всемирно известному литературному герою, исполнилось 100 лет. Мог ли представить себе автор, Эдгар Райс Берроуз, бизнесмен-неудачник, решивший попробовать свои силы на литературном поприще, каким бестселлером окажется его роман о Тарзане? За первым романом, «Тарзан из племени обезьян», о приключениях потомка английских лордов, который вырос в джунглях, последовало 23 сиквела. Образ сильного, красивого, неустрашимого и справедливого героя, которому хочется подражать, сразу завоевал симпатии читателей. Писатель дает Тарзану возможность жить и в сказочных джунглях, и в мире людей; и тот постепенно не только знакомится с законами и благами цивилизации, но и подвергает их проверке. В настоящее издание вошли три первых романа Берроуза о Тарзане; они публикуются в новых переводах.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12441-7

© Берроуз Э. Р., 1916

© Азбука-Аттикус, 1916

Содержание

Тарзан из племени обезьян	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	53
Глава 12	59
Глава 13	64
Глава 14	71
Глава 15	76
Глава 16	79
Глава 17	84
Глава 18	90
Глава 19	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Эдгар Райс Берроуз
Тарзан из племени обезьян
Возвращение Тарзана
Тарзан и его звери

© А. Д. Степанов, перевод, 2016

© М. В. Тарасов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Тарзан из племени обезьян

Глава 1 В открытом море

Как-то раз, когда я гостил у знакомого, я услышал от него эту историю. Спешить было некуда, и за бутылочкой хорошего вина он начал свой рассказ. В течение нескольких дней, что я его слушал, сомнения насчет достоверности этой странной эпопеи не покидали меня.

Когда словоохотливый хозяин понял, что наговорил уже немало, а я все еще слушаю с недоверием, то, движимый обидой и ложным чувством гордости, он решил предъявить доказательства своего невероятного повествования и извлек на божий свет некую потрепанную рукопись и сухие официальные отчеты британского Министерства колоний.

Но даже после этого не берусь утверждать, что история была правдивой, поскольку сам я не был ее свидетелем. И все-таки рискну представить на ваш суд этот рассказ, позволив себе лишь заменить подлинные имена главных героев вымышленными, – иными словами, я верю, что такое *могло* произойти.

Пожелтевшие, покрытые плесенью страницы дневника человека, которого давно нет в живых, а также документы Министерства колоний вполне соответствуют событиям, поведанным моим приятелем, и я познакомлю вас с историей, почерпнутой сразу из нескольких весьма различных источников. Возможно, вы решите, что она не заслуживает доверия, но я надеюсь, что она покажется вам, по крайней мере, удивительной, примечательной и достойной внимания.

Итак, официальные материалы и дневник уже давно умершего человека подтверждают, что английский дворянин – назовем его Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком, – был направлен с весьма деликатным поручением в британские колонии на западном побережье Африки. В Лондоне стало известно, что некая европейская держава вербует простодушных обитателей

тамошних мест в свою туземную армию, преследуя только одну цель – отбирать каучук и слоновую кость у дикарей, живущих в джунглях на берегах Конго и Арувими. Аборигены британских колоний жаловались на вербовщиков, постоянно увлекающих их молодежь щедрыми обещаниями. Почти никто из молодых людей, покинувших родные места, не вернулся назад.

Англичане в колониях утверждали даже, что эти бедные туземцы попадали в самое настоящее рабство, поскольку белые офицеры заставляли их служить еще долгие годы по окончании обозначенного в контракте срока, пользуясь неграмотностью местного населения.

Тогда Министерство колоний послало в Британскую Западную Африку Джона Клейтона, снабдив его секретными инструкциями, с заданием расследовать жестокое и несправедливое обращение дружественной страны с чернокожими жителями британских колоний. Сразу заметим, однако, что это расследование не повлияет на нашу историю, поскольку оно так и не было проведено. Более того, Джон Клейтон так и не добрался до места своего назначения.

Клейтон представлял собой тот тип англичанина, который возникает в нашем сознании при воспоминании о самых доблестных подвигах британцев за всю их победную тысячелетнюю историю: он был мужествен и силен телом и духом.

Высокий, сероглазый, он имел правильные черты лица и отличался завидным здоровьем, которое закалили годы армейской службы. Однако честолюбивое желание сделать карьеру в политике заставило лорда просить о переводе из армии в Министерство колоний. И вот еще совсем молодой человек становится видным чиновником, которому дано непростое и ответственное поручение на службе ее величества.

Клейтон был польщен, но при этом не мог не волноваться. Он относился к заданию как к заслуженной награде за трудную армейскую службу и в то же время считал его первой ступенью на пути к дальнейшему возвышению, к важным и ответственным постам.

Но было и еще одно обстоятельство. Всего три месяца назад Клейтон женился на красавице Элис Резерфорд, и его приводила в ужас сама мысль о том, что ему придется отправиться в полные опасностей африканские джунгли вместе с юной леди. Он был уже готов отказаться от миссии ради супруги, но леди Элис не позволила этого сделать. Напротив, она уговорила Клейтона принять поручение и непременно взять ее с собой. Разумеется, у новобрачных имелись родственники – матери, братья, сестры, тетушки и кузины, и они наверняка обсуждали это решение; однако какие именно слова они говорили, история умалчивает.

Мы знаем только, что в мае 1888 года, ясным утром, сэр Джон, лорд Грейсток, и леди Элис сели на корабль, отправлявшийся из Дувра к африканскому берегу. Месяц спустя они прибыли в Фритаун, где перебрались на небольшое парусное судно под названием «Фувальда», которое должно было доставить их к месту назначения.

И вслед за этим сэр Джон, лорд Грейсток, и леди Элис, его супруга, бесследно исчезли: никогда больше ни один человек их не видел.

Через два месяца после того, как «Фувальда», закончив очистку днища, подняла якорь и вышла из порта Фритауна, с полдюжины британских военных кораблей пустились на ее поиски в южной части Атлантического океана. Почти сразу удалось обнаружить обломки – их нашли у берегов острова Святой Елены. Тогда решили, что все находившиеся на борту «Фувальды» погибли, и поиски прекратились, хотя надежда еще долгие годы теплилась в сердцах родных и близких.

«Фувальда» – баркентина водоизмещением в сто тонн, такие корабли можно часто увидеть в водах Южной Атлантики. Обычно они курсируют вдоль берега, ведут торговлю, а их команды, как правило, состоят из самых отчаянных головорезов и негодяев со всех стран и континентов, о ком уже давно плачет виселица.

«Фувальда» не была исключением. Офицерами на ней служили дочерна загорелые грубияны, ненавидевшие команду, и команда отвечала им полной взаимностью. Капитан был опытным моряком, но в обращении с матросами – человеком совершенно безжалостным. Он

использовал всего два аргумента в общении с ними: деревянный шкворень для закрепления канатов и револьвер. Впрочем, вряд ли тот пестрый сброд, которым ему приходилось командовать, смог бы понять какие-то другие доводы.

Уже на второй день после отплытия из Фритауна Джон Клейтон и его молодая жена оказались свидетелями таких сцен, какие, по их представлениям, могли разыгрываться только на страницах морских повестей и рассказов. В то утро и начала складываться цепочка обстоятельств, которые через много лет будут иметь необычайные последствия в судьбе их пока не рожденного ребенка, – такого история человечества еще не знала!

Двое моряков драили палубу, штурман стоял на вахте, а капитан подошел поговорить с Джоном Клейтоном и леди Элис. Они спокойно беседовали, не обращая ни малейшего внимания на матросов, которые, продолжая работать, приближались все ближе, и вскоре один из них оказался совсем рядом с капитаном. Если бы он просто прошел мимо, то никогда бы не случилась и вся эта удивительная история. Но именно в тот момент капитан повернулся, намереваясь отойти от лорда и леди Грейсток, наткнулся на матроса, поскользнулся и растянулся на мокрой палубе, перевернув заодно и ведро с грязной водой, которая окатила его с ног до головы.

Сцена эта могла бы даже показаться смешной, но только на мгновение. Капитан разразился отборной бранью, лицо его стало пунцовым от ярости и стыда. Он вскочил и одним ударом сбил матроса с ног. Моряк был немолод, слаб, и потому поступок капитана выглядел еще более жестоким. Другой матрос, однако, был и молод, и силен. Этот черноволосый усач с широкими плечами и бычьей шеей мог бы, пожалуй, помериться силой с медведем. Увидев, что его товарищ повержен, он с криком кинулся на капитана. Чтобы сбить обидчика с ног, ему тоже понадобился всего один удар.

Лицо капитана из пунцового сделалось белым: это был бунт на корабле. Но за годы морской службы ему довелось повидать и мятежи. Не успев подняться, он выдернул из кармана револьвер. В этот момент Джон Клейтон, увидев блеснувший на солнце металл, с необыкновенным проворством ударил капитана по руке, и пуля, которой надлежало попасть в сердце моряка, всего лишь задела ногу.

Затем в коротком разговоре с капитаном лорд дал ясно понять, что ему не нравится столь грубое обращение с командой и что в дальнейшем, пока он и леди Грейсток остаются на борту, он не намерен терпеть ничего подобного. В ответ капитан чуть было вновь не разразился бранью, но все же вовремя сдержался, резко развернулся и удалился, впрочем с самым грозным видом. Он понимал, что не следует вступать в конфликт, ибо у ее величества есть могучая рука, которая сумеет достать и наказать даже на краю света, – британский флот.

Оба матроса пришли в себя, и старик помог своему раненому товарищу подняться. Молодой моряк – по прозвищу Черный Майкл – оцупал свою ногу и, убедившись, что может на нее ступить, обратился к Клейтону со словами благодарности. И хотя тон его грубоватой речи не был приветливым, он говорил от сердца. Затем Черный Майкл повернулся и направился напрямик в кубрик, явно не собираясь пускаться в дальнейшие разглагольствования.

Лорд и леди Грейсток не видели его несколько дней. Капитан, когда они обращались к нему с вопросами, отвечал невнятно. Обедать супруги продолжали в капитанской каюте, как было и до неприятного инцидента. Капитан каждый раз давал понять, что служебные обязанности не позволяют ему принимать пищу в одно время с ними. Остальные офицеры, будучи людьми плохо воспитанными, неграмотными и мало отличавшимися от тех грубиянов, которыми они помыкали, только радовались, что им не приходится разговаривать с лощеным английским джентльменом и его леди. Супруги Клейтон оказались предоставлены самим себе.

Такое положение вещей превосходно соответствовало их желаниям, но в то же время отделяло их от жизни других обитателей корабля и в результате не позволило предотвратить события, которые вскоре обернулись кровавой трагедией. Казалось, в самой атмосфере уже ощущалось нечто такое, что обычно предвещает несчастье. Внешне, насколько могли судить

лорд и леди Грейсток, все шло по-прежнему, но как будто некое подводное течение влекло их к опасности, какой – оба еще не понимали, но уже предчувствовали, хотя никогда не говорили об этом.

На второй день после того, как Черный Майкл получил ранение, Клейтон вышел на палубу как раз в тот момент, когда четверо матросов выносили на руках своего товарища, покрытого потом и обнаженного, в то время как штурман держал в руках увесистый шкворень и молча наблюдал за ними. Клейтон не стал задавать вопросов – все было и так ясно – и на следующий день, едва завидев на горизонте величественные очертания британского военного корабля, решил на него пересечь. Клейтон понимал, что пребывание на грозно молчащей «Фувальде» не принесет ничего хорошего.

К полудню «Фувальда» оказалась на таком расстоянии от британского корабля, что можно было переговариваться. Клейтон уже было собрался потребовать у капитана, чтобы их с леди Элис переправили на этот корабль, но внезапно осознал, насколько смешно и нелепо будет выглядеть. Как он объяснит офицеру, командующему кораблем ее величества, свое желание отправиться обратно – точно в том направлении, откуда приплыл? Рассказать ему, что два непокорных матроса были жестоко наказаны своими офицерами? Да над ним только посмеются и к тому же сочтут за труса.

Джон Клейтон, лорд Грейсток, не стал требовать, чтобы его пересадили на британский военный корабль, мачты которого спустя время исчезли с горизонта, и в тот же день получил подтверждение самым мрачным своим подозрениям. Ему пришлось горько пожалеть о том, что всего несколько часов назад из ложной гордости он отказался от надежного убежища для своей молодой жены, а ведь это убежище было совсем рядом!

Вечером супруги Клейтон стояли у борта и смотрели, как исчезает за горизонтом военный корабль. К ним подошел тот самый матрос, которого несколько дней назад ударил капитан. Старик протирал медные части на палубе и, приблизившись к Клейтону, проговорил вполголоса:

– Скоро тут будет жарко, сэр, на этом судне, попомните мое слово. Очень жарко.

– Что ты имеешь в виду, приятель? – спросил Клейтон.

– А вы разве сами не видите? Вы не слыхали, что этот черт, наш капитан, и его помощники уже полкоманды перепороли? Двоих вчера и еще троих сегодня. Черного Майкла как отделали... А он не из тех, кто такое потерпит, клянусь Богом!

– Ты хочешь сказать, старина, что команда затевает мятеж? – спросил Клейтон.

– Мятеж! – воскликнул старик. – Мятеж! Убийство они затевают, вот что, сэр.

– И когда же?

– Скоро, очень скоро, сэр, а когда точно – не скажу. Я и так много наговорил. Это потому, что вы нам тогда помогли, я решил вас предупредить. Но вы лучше помалкивайте. А как услышите стрельбу, сидите в каюте и не высывайтесь. Да, лучше вам не болтать. А то и вам пуля достанется, клянусь Богом.

С этими словами старик двинулся дальше, делая свою работу, и вскоре был уже далеко.

– Перспективы самые веселые, Элис, – заметил Клейтон.

– Тебе следует предупредить капитана, Джон. Что, если столкновения еще можно избежать, – ответила она.

– Действительно следует, однако из чисто эгоистических соображений мне лучше помалкивать, как советует этот старик. Что бы они ни затеяли, они, скорее всего, пожалеют нас, ведь я заступился за этого Черного Майкла. Но если они узнают, что я их выдал, тогда пощады не жди.

– Джон, долг призывает тебя встать на сторону власти. Если ты не предупредишь капитана, то окажешься сообщником мятежников. Это то же самое, что помогать им придумывать или осуществлять план восстания.

– Дорогая, ты не понимаешь, – ответил Клейтон. – Я думаю только о тебе, и именно в этом заключается мой первейший долг. Капитан сам навлек беду на свою голову, так почему я должен подвергать свою жену риску быть вовлеченной в немыслимые опасности, и все ради того, чтобы предпринять попытку спасти капитана от возмездия за жестокость, к тому же попытку, по всей вероятности, тщетную? Ты и представления не имеешь, моя дорогая, что тут начнется, когда банда головорезов захватит «Фувальду».

– Долг – это долг, Джон, и никакими рассуждениями его не изменить. Я была бы дурной женой английского лорда, если бы просила его изменить долгу. Я понимаю, каким опасностям мы себя подвергаем, но я готова встретить их рядом с тобой.

– Будь по-твоему, Элис, – ответил Клейтон с улыбкой. – Может быть, мы и преувеличиваем опасность. Мне совсем не нравится обстановка на корабле, но не исключено, что все не так уж и плохо, а этот «старый мореход» всего лишь говорит о том, чего ему хотелось бы, и выдает желаемое за действительное. Мятеж в открытом море был обычным делом сто лет назад, но, слава богу, теперь 1888 год и такое развитие событий маловероятно. Смотри-ка, капитан идет к себе в каюту. Если и предупреждать его о мятеже, то поскорее, а то меня просто мутит от разговоров с этим негодяем.

Сказав это, лорд Грейсток направился к сходному трапу, по которому спустился капитан, и через минуту уже стучался в его каюту.

– Войдите, – проворчал тот.

Клейтон вошел и закрыл за собой дверь.

– Ну?

– Я должен передать вам суть разговора, который слышал сегодня. Возможно, он ничего не значит, но лучше, чтобы вы были предупреждены. Короче говоря, ваши люди замышляют мятеж и убийство.

– Ложь! – взревел капитан. – И если вы еще раз помешаете мне поддерживать дисциплину на моем корабле и вообще будете лезть в то, что вас не касается, то берегитесь, черт побери! Я не посмотрю, что вы английский лорд и все такое! Я тут капитан, и не суйте свой нос в мои дела!

Капитан довел себя до такого взвинченного состояния, что лицо его стало багровым и последние слова он выкрикнул громовым голосом, да еще одним кулаком ударил по столу, а другой поднес к самому носу Клейтона.

Грейсток ничуть не изменился в лице. Он стоял и спокойно наблюдал за капитанским гневом.

– Капитан Биллингс, – медленно произнес он наконец. – Прошу простить меня за прямоту, но я должен заметить, что вы настоящий осел.

Затем он повернулся и оставил капитана, сохраняя, как обычно, самый невозмутимый вид, а у такого человека, как Биллингс, это вызывало гнев больший, чем целый поток брани в свой адрес.

Если бы Клейтон попробовал как-то успокоить капитана, тот, вероятно, и пожалел бы о произнесенных сгоряча словах, однако теперь, когда Клейтон просто ушел, возможность какого-либо сотрудничества между этими людьми исчезла навсегда.

– Ну что ж, Элис, – сказал Клейтон, вернувшись к жене, – я мог бы и не сотрясать воздух. Это на редкость неблагодарный малый. Чуть не набросился на меня, как бешеный пес. Пусть и он, и его чертов корабль пойдут ко дну, мне нет до них дела. До тех пор пока мы не окажемся на берегу в полной безопасности, я буду заботиться только об одном – о нашем собственном благополучии. И первый, кто посмеет сунуться в нашу каюту, познакомится с моими револьверами. Как жаль, что оружие посерьезнее мы запаковали в багаж, который остался в трюме.

Вернувшись в каюту, они обнаружили сущий бедлам. Одежда из сумок и сундуков была разбросана повсюду, и даже постельное белье изорвано.

– По-видимому, кому-то наши пожитки нужнее, чем нам самим, – сказал Клейтон. – Давай-ка посмотрим, Элис, что у нас пропало.

Тщательный осмотр показал, что ничего не исчезло, кроме двух револьверов и небольшого запаса патронов к ним.

– Это как раз те вещи, которые мне больше всего хотелось бы сейчас иметь под рукой, – заметил Клейтон. – А то, что им понадобилось оружие, – дурной знак.

– Что нам делать, Джон? – спросила жена. – Наверное, ты был прав, когда говорил, что нам лучше всего сохранять нейтралитет. Если офицерам удастся справиться с мятежом – нам нечего бояться. А если мятежники победят – нам придется только уповать на то, что мы не попытались им помешать и не враждовали с ними.

– Ты совершенно права, Элис. Будем держаться середины.

Они принялись убирать каюту и вдруг оба заметили уголок листа бумаги под дверью. Клейтон нагнулся, чтобы подобрать листок, но в это мгновение кто-то как раз просовывал его с той стороны.

Не говоря ни слова, лорд Грейсток шагнул к двери и уже взялся за ручку, но жена остановила его.

– Не надо, Джон, – прошептала Элис. – Они не хотят, чтобы их видели, так не будем пытаться их увидеть. Не забудь: мы держимся середины.

Клейтон улыбнулся ей в ответ и отпустил дверную ручку. Они постояли в ожидании.

Затем Клейтон нагнулся и подобрал испачканный лист бумаги, неаккуратно сложенный вчетверо. Развернув его, они едва прочли послание, написанное печатными буквами: его автор явно не учился чистописанию. С трудом разобрав слова, супруги поняли, что это было предупреждение. Им предписывалось не сообщать никому о пропаже револьверов, а затем повторялись слова старого матроса: не высовываться, иначе – смерть.

– Похоже, с нами все будет в порядке, – сказал Клейтон с невеселой улыбкой. – Во всяком случае, все, что нам остается, – это сидеть и ждать, чем кончится дело.

Глава 2

Убежище в джунглях

Долго ждать не пришлось: уже на следующее утро, когда Клейтон совершал перед завтраком свою обычную прогулку по палубе, раздался выстрел, затем другой, третий. Зрелище, развернувшееся у него на глазах, подтвердило самые худшие опасения. Против кучки офицеров ополчилась вся пестрая команда «Фувальды» во главе с Черным Майклом.

После первого залпа офицеров матросы бросились искать укрытия, а затем стали палить в ответ, кто из-за мачты, кто спрятавшись за рулевой рубкой, а кто – за палубными надстройками. Пять ненавистных офицеров попали под перекрестный огонь. Капитану удалось застрелить двух мятежников, и те остались лежать, где упали. Но затем рухнул лицом вниз первый помощник, и по команде Черного Майкла матросы ринулись на четверых оставшихся в живых офицеров. В распоряжении бунтовщиков имелось всего шесть револьверов, и потому многие из них были вооружены баграми, топорами, тесаками и ломami.

У капитана вышли заряды, и в момент нападения он как раз перезаряжал револьвер. Пистолет второго помощника дал осечку; таким образом, офицеры располагали всего двумя стволами, способными противостоять бешеному натиску мятежников. Офицеры начали отступать. Сражающиеся стороны бранились и проклинали друг друга самым ужасным образом. Их крики вместе с выстрелами и стонами раненых превратили палубу «Фувальды» в настоящее поле боя.

Не успели офицеры отойти и на пять шагов, как нападающие настигли их. Здоровенный негр раскроил капитану череп до самого подбородка, а через мгновение пали и остальные: мертвые или истекающие кровью от десятков ударов и пуль, они лежали на палубе.

Восставшие действовали быстро и безжалостно, и во все время кровавой схватки Джон Клейтон стоял рядом со сходным трапом, задумчиво выпуская дым из своей трубки, как будто наблюдал за партией в крикет. Когда был повержен последний из офицеров, Клейтон решил вернуться к жене, чтобы никто из матросов не застал ее в каюте одну. Хотя внешне Клейтон сохранял самообладание, в душе у него все трепетало: его ужасала одна мысль, что его жена может оказаться в руках этих невежественных полуживотных.

Клейтон развернулся, намереваясь спуститься вниз по трапу, и увидел, что леди Грейсток стоит совсем рядом, на ступенях.

– Элис! Давно ли ты здесь? – воскликнул Клейтон.

– С самого начала, – ответила она. – Как все это ужасно, Джон! Как ужасно! На что же нам теперь надеяться?

– По крайней мере, на завтрак, я полагаю, – ответил он, улыбкой пытаясь приободрить ее. – Я их попрошу об этом. Пойдем, Элис. Следует дать им понять, что мы ожидаем вежливого обращения.

Матросы к тому времени безжалостно выбрасывали офицеров за борт, и мертвых, и еще живых. С тем же бессердечием они расставались и со своими убитыми и умирающими товарищами. Один из матросов увидел супругов Клейтон и бросился на них с топором:

– И этих тоже к рыбам!

Однако не успел он сделать и двух шагов, как его сразила пуля Черного Майкла. Гигант заорал, призвал всех к молчанию и, указывая на лорда и леди Грейсток, объявил:

– Это мои друзья, их не трогать. Понятно? Я теперь тут капитан, и вы будете делать то, что я скажу.

С этими словами он окинул матросов грозным взглядом.

Лорд и леди Грейсток с этого момента усердно следовали указаниям Черного Майкла. Они не видели никого из команды и почти ничего не знали о планах, которые строили эти

люди. Временами до них доносились отзвуки ссор и потасовок мятежников, а пару раз тишину взрывали зловещие звуки выстрелов. Однако Черный Майкл вполне подходил на роль предводителя шайки головорезов: он сумел подчинить их своей воле.

На пятый день после резни, когда погибли офицеры, впередсмотрящий увидел на горизонте землю. Черный Майкл не имел понятия, что это – остров или материк, но тем не менее сразу объявил, что если земля окажется пригодной для проживания, то лорд и леди Грейсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

– Несколько месяцев вы там сумеете прожить, – объяснил он Клейтону. – А к тому времени мы где-нибудь высадимся и разбежимся. Тогда я подумаю, как известить власти о том, где вы находитесь, а они вышлют военный корабль, чтобы забрать вас отсюда. Вы спросите: почему бы не посадить вас там, где живут люди? Ну нет, тогда у нас не будет ответов на вопросы, которые нам начнут задавать.

Клейтон заметил, что высаживать людей на неизвестный берег бесчеловечно: это значит оставить их на милость диких зверей, а может быть, и живущих здесь дикарей. Однако его слова не привели ни к чему, кроме вспышки гнева Черного Майкла, и Клейтону пришлось прекратить спор и мужественно сносить невзгоды.

Около трех часов пополудни корабль приблизился к живописному, поросшему лесом берегу. Увидев что-то вроде входа в закрытую гавань, Черный Майкл выслал на разведку шлюпку и велел разузнать, сможет ли «Фувальда» безопасно пройти через это устье. Примерно через час разведчики вернулись, доложив, что глубина достаточна для прохода в бухту, и еще до наступления темноты баркентина бросила якорь на тихом лоне вод этой гавани. Окружавшие бухту берега были покрыты субтропической растительностью, вдали возвышались холмы, почти повсеместно заросшие девственными лесами, – словом, никаких признаков, что этот край обитаем. Но условия для поддержания жизни людей здесь, несомненно, были: водились птицы и звери, которых то и дело замечали с борта «Фувальды», небольшая речка, впадавшая в бухту, обещала изобилие пресной воды.

Уже наступили сумерки, а Клейтон и леди Элис все еще молча стояли у борта судна. Из темных провалов огромного леса доносились дикие звуки: низкое рычание льва, резкие вскрики пантеры. Женщина в страхе прижималась к мужу, предчувствуя кошмары, которые готовила им ночная тьма дикого и пустынного берега.

Тем же вечером Черный Майкл сказал супругам, что наутро они должны высадиться на берег. Лорд и леди Грейсток попытались еще раз убедить его поискать более гостеприимное место, поближе к цивилизации, чтобы у них появилась надежда добраться до дружелюбно настроенных людей. Но никакие просьбы, угрозы и обещания наград не могли изменить решение Черного Майкла.

– На этом судне, – сказал он, – я единственный, кто не хотел бы вас умертвить. Пусть я при этом рискую собственной головой, но нет, Черный Майкл не из тех, кто забывает доброе дело. Вы спасли мне жизнь, и в ответ я сохраню ваши жизни – вот все, что в моих силах. Матросы не желают больше ждать, и, если мы вас не посадим утром, они могут и передумать. Я переправлю на берег все ваши вещи, а также кое-что из посуды и несколько старых парусов для палаток. И еды – столько, сколько нужно, чтобы продержаться до той поры, пока вы не научитесь добывать себе пищу. У вас будет оружие для защиты, и с ним вы сумеете дождаться прихода помощи. Когда я подыщу себе убежище, я дам знать британским властям о вас. Правда, я хоть убей не смогу объяснить, где именно мы вас высадили, потому что и сам этого не знаю. Но они поищут и найдут.

Лорд и леди Грейсток отправились к себе в каюту молча, погруженные в тягостные мысли. Клейтон не верил, что Черный Майкл действительно собирается сообщить британскому правительству об их обстоятельствах. Не был он уверен и в том, что на следующий день их не ждет предательство, когда они окажутся на берегу с матросами, которые должны

доставить их имущество. Как только рядом не будет Черного Майкла, любой из этих негодяев может пристрелить их, и это никак не запятнает совесть их капитана. И даже если удастся избежать такой судьбы, то разве не ждут их еще более страшные опасности? Если бы Клейтон был один, он сумел бы продержаться здесь многие годы, поскольку он сильный, атлетически сложенный человек. Но как выдержит эти испытания Элис и то крошечное существо, которому очень скоро предстоит появиться на свет среди лишений и опасностей первобытного мира? Клейтон ужасался, осознавая всю тяжесть и безысходность ситуации. Но милосердное Провидение спасло его от предвидения той жуткой участи, которая в действительности ожидала их в мрачных дебрях этого угрюмого мира.

Рано утром многочисленные сундуки и ящики лорда и леди Грейсток сначала подняли на палубу, а потом спустили в шлюпки, чтобы доставить на берег. Добра было очень много: супруги собирались провести в своем новом доме пять – восемь лет и, помимо самого необходимого, взяли с собой немало предметов роскоши.

Черный Майкл требовал, чтобы ни одна из принадлежащих супругам Клейтон вещей не осталась на судне. Поступал ли он так из сочувствия к ним или преследуя какие-то собственные интересы, сказать трудно. Однако можно не сомневаться, что, если бы в каком-то порту мира на борту подозрительного судна обнаружили имущество пропавшего английского чиновника, команде это было бы крайне сложно объяснить. Черный Майкл даже заставил матросов отдать Клейтону украденные у него револьверы. В шлюпки были уложены запасы солонины и сухарей, некоторое количество картофеля и бобов, спички, кастрюли и сковороды, ящик с инструментами, а также обещанные Черным Майклом старые паруса.

Словно опасаясь того же, о чем думал Клейтон, Черный Майкл решил лично проводить супругов на берег и был последним, кто покинул их, когда шлюпки, наполнив бочонки пресной водой, двинулись обратно к «Фувальде».

Лодки медленно продвигались по зеркалу вод маленькой бухты, а Клейтон и его жена молча провожали их взглядами. Обоих переполняло предчувствие несчастья и ощущение полной безнадежности. А в это время с вершины невысокой скалы за всем происходящим следили другие глаза – близко посаженные и злобно блестящие из-под лохматых лбов.

Когда «Фувальда» вышла из узкой горловины бухты и скрылась из виду, исчезнув за дальним мысом, леди Элис бросилась на шею мужу и разразилась рыданиями. Бедняжка стойко перенесла многое, но теперь, когда они остались одни на диком берегу, без всякой надежды на спасение, ее нервы не выдержали.

Клейтон и не пытался остановить ее слезы. Он даже подумал, что природа поступила мудро, дав женщине возможность излить наружу долго сдерживаемые чувства. Прошло немало времени, прежде чем бедная девочка – а она была еще сущим ребенком – взяла себя в руки.

– Ах, Джон, – сказала она наконец, – как все это ужасно. Что же нам делать? Что делать?

– Нам остается только одно, Элис, – ответил ее муж так спокойно, словно они сидели у себя дома, в уютной гостиной. – Работать. Труд – наше единственное спасение. Мы должны лишить себя времени на размышления, потому что за ними последует безумие. Надо работать и ждать. Я уверен – помощь придет, и придет скоро. Это случится, как только обнаружится, что «Фувальда» пропала, даже если Черный Майкл не сдержит своего слова.

– Ах, Джон, если бы все это касалось только тебя и меня, – снова заплакав, сказала Элис. – Мы выдержали бы все легко, но ведь...

– Да, дорогая, – тихо ответил Клейтон. – Я тоже думал об этом. Но надо встретить новые испытания так же, как все остальные: храбро и в уверенности, что мы сможем справиться с любыми обстоятельствами. Сотни тысяч лет назад наши предки, жившие в самые смутные времена, сталкивались с теми же трудностями, которые ждут нас сейчас, и, может быть, в тех же первобытных лесах. Но разве они не победили, если мы живы и находимся здесь? И чего мы не умеем делать из того, что умели они? Мы даже сильнее их: мы вооружены приобретен-

ными за долгие века знаниями, у нас есть средства для защиты, обороны и добывания пищи. Все это дала нам наука, и ничего из этого не знали они. По крайней мере, с помощью наших инструментов мы можем добиться того, чего они добивались с помощью камней и костей.

– Ах, Джон, хотела бы я быть мужчиной и разделять мужские взгляды, но я всего лишь женщина и слушаю голос сердца, а не разума. И этот голос подсказывает мне, что нас не ждет ничего, кроме невыразимого ужаса. Но я надеюсь, что ты прав, Джон. Я приложу все усилия и постараюсь стать смелой первобытной женщиной, достойной подругой первобытного мужчины.

Первым делом Клейтон решил построить для ночлега шалаш на берегу: хотя бы какое-то укрытие, способное защитить их от хищных зверей.

Он открыл ящик, в котором хранились ружья и боеприпасы, чтобы их обоих не смогли застигнуть врасплох во время работы, и затем вместе с Элис выбрал место для первой ночевки.

В ста ярдах от побережья обнаружилась ровная поляна, почти совсем свободная от деревьев. Здесь они наметили в дальнейшем построить дом, но пока что решили соорудить небольшое жилище на деревьях, чтобы туда не смогли добраться хищные звери, в чье царство они вторглись. С этой целью Клейтон выбрал четыре больших дерева, растущие на одном расстоянии друг от друга, образуя в основании почти правильный четырехугольник площадью около восьми квадратных футов. Он срубил длинные ветви других деревьев и сделал каркас на высоте около десяти футов над землей, плотно примотав концы ветвей к деревьям веревками, которые Черный Майкл позволил взять с собой с «Фувадьды». На этом каркасе Клейтон сделал настил из мелких ветвей, а на них положил широкие листья, которых вокруг было в изобилии. Все это он покрыл большим парусом, сложив его в несколько раз и как следует укрепив. Сверху, на семь футов выше, Клейтон разместил такую же, хотя и более легкую конструкцию, которая должна была служить крышей, а с боков завесил все сооружение парусиной.

В результате получилось очень уютное гнездышко, куда они перенесли одеяла и самые легкие вещи. Солнце уже клонилось к закату, и вечер был потрачен на устройство грубой лестницы, по которой леди Элис могла бы подниматься в свой новый дом.

В течение всего дня супруги наблюдали множество птиц с ярким оперением, а также прыгавших с ветки на ветку и кричавших обезьянок, которые рассматривали пришельцев и следили за постройкой удивительного гнезда с неослабевающим вниманием.

Клейтон и его жена постоянно опасливо озирались по сторонам, но ни разу не видели крупных хищников, хотя пару раз замечали своих человекообразных соседей – небольших обезьян, то и дело вскрикивавших на расположенных неподалеку скалах. Они оглядывались назад и жестах так же ясно, как если бы изъяснялись словами, выражали испуг перед чем-то ужасным, притаившимся в скалах.

Перед самым наступлением темноты лестница была закончена. Клейтон и его жена, наполнив сосуд водой из близлежащего ручья, поднялись в свое необычное жилище, где могли чувствовать себя в относительной безопасности.

Было очень жарко, и Клейтон оставил одну из штор открытой, закинув парусину на крышу. Они сидели по-турецки на одеялах. Леди Элис вглядывалась в темнеющие очертания леса. Вдруг она схватила Клейтона за руку:

– Джон, – прошептала она, – посмотри! Кто это там? Человек?

Клейтон посмотрел, куда она указывала, и увидел смутно видневшийся на фоне леса чей-то силуэт. Огромное двуногое существо, выпрямившись во весь рост, стояло на скале и словно прислушивалось. Через мгновение существо медленно повернулось и исчезло в зарослях.

– Кто это, Джон?

– Не знаю, Элис, – отвечал он мрачно. – Слишком темно, отсюда не разглядеть. Может быть, это всего лишь тень. Смотри, луна поднимается.

– Нет, Джон, это был не человек, а какая-то грубая пародия на человека. Мне страшно!

Муж обнял ее, начал шептать слова ободрения и любви. Затем опустил парусиновые стены, крепко примотал их к деревьям, оставив только небольшой просвет с видом на побережье. Клейтон лег лицом к просвету, положив рядом с собой ружье и револьверы.

Не успели супруги закрыть глаза, как из джунглей раздался страшный вой пантеры. Животное подходило все ближе и ближе, пока они не услышали его прямо под собой. В течение часа или даже дольше пантера фыркала и скребла когтями деревья, к которым было привязано их жилище. Но затем ее рев раздался уже на берегу, и Клейтон разглядел пантеру при ярком лунном свете: прекрасное животное, самое большое из всех, которых ему доводилось видеть.

Долгие часы, лежа в темноте, Клейтон и его супруга засыпали лишь урывками, поскольку ночные шумы великих джунглей, заполненных тысячами живых существ, постоянно держали их измученные нервы в напряжении. Сотни раз они вздрагивали и просыпались от пронзительных звуков или от еле слышного движения гигантских тел прямо под ними.

Глава 3

Жизнь и смерть

Ночь не принесла отдохновения, но зато рассвет дал чувство облегчения. Позавтракать пришлось солониной, кофе и бисквитами, а вслед за этим Клейтон приступил к постройке дома, поскольку понимал, что они не смогут чувствовать себя в безопасности ни днем ни ночью до той поры, пока четыре крепкие стены не станут надежной преградой для обитателей джунглей.

Дело оказалось нелегким. Потребовался почти месяц на постройку небольшой хижины. Клейтон сложил ее из толстых бревен и замазал щели глиной, обнаруженной им на глубине нескольких футов под верхним слоем почвы. Затем он принес с берега океана камней и соорудил в углу жилища очаг. Камни также были скреплены глиной, и глиной была обмазана хижина снаружи – толстым слоем в четыре дюйма.

Проем окна заделали ветвями в дюйм толщиной – так что получилась довольно крепкая решетка, способная выдержать натиск сильного животного. Таким образом, обитатели хижины получали доступ к свежему воздуху, не рискуя при этом своей безопасностью.

Остроконечную крышу Клейтон покрыл тонкими ветвями, а на них уложил траву и широкие пальмовые листья, в завершение замазав все глиной. Дверь он соорудил из досок ящиков, в которых были доставлены с корабля вещи. Клейтон набивал одну доску на другую: один слой вдоль, другой – поперек – до тех пор, пока не получилась конструкция в три дюйма толщиной и такой прочности, что оба они даже рассмеялись, глядя на нее.

Но дальше Клейтон столкнулся с большой трудностью: где взять петли, на которые эту тяжелую дверь можно было бы повесить? После двухдневной работы ему удалось соорудить из твердой древесины две большие и неуклюжие петли. На них водрузили дверь, и оказалось, что она довольно легко открывается и закрывается.

Стены штукатурили, уже когда заселились в дом, то есть сразу после возведения крыши. По ночам Клейтоны придвигали свои сундуки и ящики к двери, и это давало им ощущение безопасности. Изготовление кровати, стульев, стола и полок было не таким трудным делом по сравнению с предшествующей работой. К концу второго месяца они более-менее устроились, и если бы не постоянная угроза нападения диких зверей и не нарастающее чувство одиночества, они не замечали бы неудобств и не были бы так несчастны.

По ночам огромные животные храпели и рычали совсем рядом с их крошечной хижинкой, однако Клейтоны скоро привыкли к этим повторяющимся звукам, перестали обращать на них внимание и спокойно спали ночь напролет.

Трижды они мельком видели гигантские человекообразные фигуры, подобные той, которая испугала их в самую первую ночь. Впрочем, эти существа не подходили близко, и нельзя было с уверенностью сказать, люди ли это.

Птицы с ярким оперением и маленькие обезьянки вскоре привыкли к новым соседям. По-видимому, они никогда раньше не встречали людей и, как только у них прошел первый страх, стали подходить все ближе и ближе, движимые странным любопытством, столь распространенным среди диких обитателей лесов, джунглей и равнин. К концу первого месяца некоторые птицы осмелели до того, что брали кусочки пищи прямо из рук Клейтонов.

Как-то во второй половине дня Клейтон занимался строительством: он задумал расширить пространство дома. Вдруг забавные маленькие обезьянки с испуганными криками бросились удирать от ближайшей скалы, перепрыгивая с дерева на дерево. Они все время озирались, пока не остановились возле Клейтона. Обезьянки возбужденно стрекотали, словно стараясь предупредить о приближении какой-то опасности.

И вот наконец он увидел, чего так боялись обезьянки: то самое человекообразное чудовище, которое прежде замечал только мельком. Оно шло на них прямо через заросли, на задних лапах, время от времени вставая на все четыре конечности. Это была гигантская человекообразная обезьяна. Она издавала то гортанное рычание, то низкие лающие звуки.

В тот момент Клейтон находился довольно далеко от хижины, на краю поляны, где он присмотрел превосходное дерево, пригодное для строительства. Несколько месяцев относительной безопасности, когда он не встречал днем крупных хищников, сделали его беспечным. И теперь он увидел огромную обезьяну, которая неслась прямо на него через подлесок, отрезая ему путь к отступлению. Клейтон почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Он понимал, что, вооруженный одним только топором, не сможет оказать серьезного сопротивления этому ужасному чудовищу. И – боже мой! – что же тогда будет с Элис?

Однако надежда умирает последней, и Клейтон рванулся к хижине. На бегу он кричал жене, чтобы она укрылась в доме и заперлась на засов, если обезьяна отрежет ему путь.

Леди Грейсток как раз сидела неподалеку от хижины. Она слышала крики мужа и одновременно увидела, как обезьяна несется ему наперерез с невероятной для такого большого и массивного животного скоростью.

С отчаянным криком Элис подбежала к двери хижины. Оглянувшись на пороге, она увидела то, что наполнило ее душу ужасом: зверь успел преградить Джону путь к дому, и теперь человек принял стойку, сжимая обеими руками топор, чтобы обрушить его на разъяренное животное, готовившееся к последнему прыжку.

– Спрячься и закрой дверь на засов! – орал Клейтон. – Я прикончу этого малого топором!

Но и он сам, и леди Элис знали, что его ждет ужасная смерть.

Обезьяна была гигантской, она весила не меньше трех сотен фунтов. Ее злобные, близко посаженные глаза сверкали ненавистью. Она скалила клыки и издавала жуткое рычание, пугая жертву перед нападением. Всего в двадцати шагах за ее спиной была спасительная дверь хижины, и Клейтона охватила дрожь, когда он увидел, что его молодая жена выходит оттуда с ружьем в руках.

Леди Элис, которая боялась огнестрельного оружия и никогда к нему не притрагивалась, теперь бесстрашно направлялась к зверю, подобно львице, защищающей свое потомство.

– Вернись, Элис! – кричал Клейтон. – Бога ради, вернись!

Но она не обращала внимания на его слова. И как раз в этот момент обезьяна напала – Клейтон мужественно принял бой.

Человек мощно, изо всех сил взмахнул топором, но гигантское животное выхватило у него оружие и отшвырнуло в сторону. С жутким рычанием обезьяна приблизилась к своей жертве, но прежде, чем ее клыки впились в горло противника, раздался громкий выстрел – пуля вошла зверю между лопатками.

Бросив Клейтона на землю, обезьяна обернулась к новому врагу – это была напуганная девочка, тщетно пытавшаяся выстрелить снова. Элис не понимала, как действует ружье, и боек только зря бил по пустой гильзе. Видя приближающуюся обезьяну, Элис упала в обморок.

В тот же момент Клейтон вскочил на ноги и, совершенно не думая о том, что совершает бессмысленный поступок, ринулся к обезьяне, с тем чтобы оттащить ее от лежащей на земле женщины. Как ни странно, ему это легко удалось: огромная туша вдруг завалилась на бок. Пуля сделала свое дело, и обезьяна была мертва.

Быстро осмотрев Элис, Клейтон убедился, что она цела и невредима. По-видимому, зверь умер как раз в то мгновение, когда двинулся на нее. Клейтон осторожно взял на руки безвольное тело жены и перенес в хижину. Прошло еще долгих два часа, прежде чем леди Грейсток пришла в сознание.

Первые же ее слова вызвали у Джона смутные подозрения и опасения. Открыв глаза, Элис с удивлением осмотрела окружавшую ее обстановку, а затем довольным тоном произнесла:

– Ах, Джон, как хорошо быть дома! Я видела кошмарный сон, мой дорогой. Мне снилось, что мы вовсе не в Лондоне, а в каком-то ужасном месте, где на нас нападают огромные звери.

– Успокойся, Элис, успокойся, – говорил Клейтон, поглаживая ее по голове. – Попробуй заснуть и не обращай внимания на плохие сны.

Этой ночью у четы Клейтон родился сын. Он появился на свет в первозданных лесах, в час, когда леопард взвизгивал прямо под дверью хижины, а из-за холма слышались низкие звуки львиного рыка.

Леди Грейсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением гигантской человекообразной обезьяны. Она прожила еще год после рождения сына, но ни разу за это время не покинула хижину и так и не смогла понять, что находится вовсе не в Англии. Иногда она спрашивала мужа о странных звуках, раздающихся по ночам. Она не могла понять, куда подевались слуги и друзья, ее удивляло, что комната обставлена столь грубо сделанной мебелью. Клейтон не пытался ее обманывать и рассказывал об истинном положении вещей, но она не улавливала смысла его слов. В других отношениях она сохраняла разум, а радость, которую приносили ей маленький сын и постоянная забота мужа, сделали последний год самым счастливым в ее недолгой жизни.

Клейтон осознавал: сохрани она рассудок полностью, ей было бы не избежать множества волнений и страхов. И поэтому, хотя ему и было мучительно видеть ее состояние, иногда он даже радовался, что жена не понимает происходящего. Уже давно он оставил всякую надежду на спасение: помощь могла прийти только по воле случая. С неослабевающим рвением он трудился над тем, чтобы приукрасить их жилище.

Пол теперь покрывали шкуры льва и пантеры. Вдоль стен выстроились сервант и книжный шкаф. В вазах, вылепленных из местной глины, стояли прекрасные тропические цветы. На окнах появились занавески из травы и бамбука. А самым трудным делом, с которым сумел справиться Клейтон, пользуясь своим скудным набором инструментов, было изготовление досок: ими он аккуратно обшил стены, пол и потолок.

Его самого несколько удивляло, что он оказался способен к столь непривычному для себя труду. Однако эта работа Клейтону нравилась, поскольку он посвящал ее своей любимой и тому крошечному существу, которое стало отрадой их жизни, хотя его появление на свет божий многократно усилило и ответственность, и ощущение ужаса их положения.

В течение года на Клейтона несколько раз нападали большие обезьяны, которых, похоже, в окрестностях было множество. Но он уже не выходил из дома, не прихватив с собой ружье и револьвер, и потому ничуть не боялся этих свирепых зверей.

Ради безопасности Клейтон как следует укрепил окна и приделал к двери хитрый деревянный замок. Теперь, когда он отправлялся собирать фрукты или охотиться, ему не нужно было беспокоиться о том, что какой-нибудь зверь проникнет в их жилище. В первое время он мог настрелять дичи, не выходя из дома, прямо из окна. Но впоследствии животные стали бояться и остерегались приближаться к странному сооружению, из которого по временам раздавался ужасный грохот.

В свободные часы Клейтон читал, и нередко вслух для жены, те книги, которые они привезли из Англии. Среди них было много детских: книги с картинками, буквари, хрестоматии. Собираясь в дорогу, они рассчитывали пробыть в Африке долго, так что их будущий ребенок должен был успеть достаточно вырасти, чтобы суметь прочесть все это, прежде чем они вернутся домой. Кроме того, Клейтон вел дневник, по своей старой привычке он делал это по-французски. Он записывал все подробности их странного существования. Дневник всегда хранился в металлическом футляре.

Через год после рождения сына леди Элис умерла. Она скончалась ночью, так тихо и мирно, что только через несколько часов Клейтон понял: его жены больше нет. Ужас своего положения он осознал далеко не сразу и вряд ли даже сумел полностью оценить и масштаб

приключившегося горя, и страшную ответственность, которую налагала на него теперь необходимость заботы о крошечном существе, грудном ребенке, его сыне.

Последняя запись в дневнике была сделана наутро после смерти леди Элис. В ней Клейтон перечисляет скорбные подробности, и этот сухой перечень вызывает еще большую жалость. В строках, написанных Клейтоном, сквозит страшная усталость от бесконечных несчастий и безнадежности, и последний удар тем более не мог пробудить его к жизни, полной дальнейших страданий:

Мой малютка плачет от голода.

О, Элис, Элис, что же мне делать?

Написав эти строки, Джон Клейтон бессильно уронил голову на руки, – он сидел за столом, который смастерил для той, что теперь лежала на постели спокойная и холодная.

Тишину нарушал только жалобный плач крошечного человеческого существа в колыбели.

Глава 4

Обезьяны

В непроходимом лесу, в миле от океанского побережья, бушевал Керчак – вождь обезьяньего племени. Молодые и еще слабые самцы спасались бегством от его гнева, забираясь на самые высокие ветви деревьев. Рискуя жизнью, они цеплялись даже за такие ветки, которые едва ли могли выдержать их вес, лишь бы забраться подальше от слепой ярости старого Керчака. Другие сородичи разбегались кто куда, но взбешенный зверь все же успел перекусить позвонки одному из них своими гигантскими, покрытыми пеной клыками.

Молодой самке не посчастливилось: она ухватилась за слишком тонкую ветку и упала с высоты к самым ногам Керчака. Издав дикий вопль, вождь кинулся на нее и выдрал кусок мяса из бока, а затем принялся яростно колотить ее по голове и плечам здоровенным суком. Он бил ее до тех пор, пока не проломил несчастной череп.

Затем он заметил Калу, которая возвращалась с поисков пищи для своего младенца. Резкие крики обезьян предупредили ее, что надо удирать, но Керчак был уже близко, в двух шагах. Он чуть не ухватил Калу за лодыжку, но в последний момент она сумела совершить отчаянный прыжок с одного дерева на другое – к таким опасным прыжкам обезьяны прибегают только в случае крайней необходимости, когда нет других способов спасти свою жизнь. Все прошло удачно, но когда она ухватилась за сук, от сильного толчка расцепил свои ручонки крошечный малыш, который изо всех сил цеплялся за ее шею. Несчастливая мать увидела, как ее дитя, переворачиваясь в воздухе, падает на землю с высоты в тридцать футов.

С ужасным воплем Кала кинулась за ним, совсем забыв об опасности, исходившей от Керчака. Однако с земли она подобрала только лишенное жизни изуродованное тельце. Кала с горькими причитаниями прижала его к груди. Сам Керчак не смел в этот момент досаждать ей: со смертью детеныша приступ бешеного гнева вдруг прошел – так же внезапно, как и начался.

Керчак – вождь племени, огромный самец, весил, по всей вероятности, около трехсот пятидесяти фунтов. Лоб у него был очень низкий и покатый, глаза – налитые кровью, близко посаженные, нос – крупный плоский, уши – широкие и тонкие, но меньше по размеру, чем у сородичей.

Дикий нрав и могучая сила принесли ему первенство в маленьком обезьяньем племени, в котором он родился примерно двадцать лет назад. Теперь он был в расцвете сил, и никто в джунглях, где обитало племя, не мог оспорить его первенство. Его не осмеливались задирать даже большие звери других видов. Только старый слон Тантор, один из всех лесных обитателей, не боялся Керчака, и он же единственный, кто внушал обезьяньему вожаку страх. Когда Тантор трубил, Керчак вместе со своими подданными стремглав взбирался на самые высокие ветви.

Племя человекообразных обезьян, которым Керчак правил при помощи силы и клыков, насчитывало шесть-восемь семейств, каждое включало взрослого самца с самками и потомством, так что в целом набиралось шестьдесят или даже семьдесят обезьян.

Кала – самка девяти или десяти лет – была младшей женой самца по имени Тублат, что означало «сломанный нос», а детеныш, который разбился насмерть у нее на глазах, был ее первенцем. Однако, несмотря на молодость, Кала отличалась ростом и силой: красивое животное с круглым и высоким лбом, который указывал на ум более развитый, чем у остальных членов племени. Кроме того, она обладала сильно развитым материнским инстинктом и испытывала глубокое горе после потери детеныша. Но все-таки это была всего лишь обезьяна: огромное, свирепое животное, принадлежащее к разновидности, близкой к гориллам, – более развитой умственно, но обладающей той же силой, что и гориллы. Эти предшественники человека были самыми страшными и опасными зверями.

Когда обезьяны увидели, что Керчак больше не гневается, они стали вылезать из своих убежищ и снова занялись делами, которые прервал этот гнев.

Детеныши играли и резвились в кустах и на деревьях. Взрослые обезьяны или лежали на мягкой подстилке из палой листвы, или переворачивали повсюду валявшиеся древесные ветви и копались в земле в поисках жучков и червей, которые шли у них в пищу, или же забирались на деревья, отыскивая фрукты и орехи, охотясь за мелкими птицами.

Так продолжалось около часа, а затем Керчак созвал их и велел следовать за ним к морю.

Обезьяны по большей части перемещались по земле – по тем тропам, которые остались после слонов: только благодаря слонам здесь и появлялось некое подобие дорог, в этих запутанных лабиринтах кустарника, дикого винограда, вьющихся растений и деревьев. Обезьяны двигались на четырех лапах, неуклюже, опираясь на костяшки кулаков и рывками продвигая вперед свои массивные тела. Но когда приходилось передвигаться по нижним террасам деревьев, их движения становились куда быстрее. Они перелетали с ветки на ветку ничуть не хуже своих дальних родственников – обезьян мелких видов. Кала всю дорогу не расставалась с мертвым телом своего малыша, прижимая его к груди.

Вскоре после полудня племя достигло скалы, с которой открывался вид на море. Внизу находилась хижина, туда Керчак и вел сородичей. Он много раз видел, как умирали ему подобные из-за громкого звука, раздававшегося из маленькой черной палочки. Палочка принадлежала странной белой обезьяне, обитавшей в удивительном жилище. И Керчак твердо решил завладеть этой смертоносной вещью, а также заглянуть внутрь дома. Керчаку очень-очень хотелось вонзить свои зубы в шею непохожего на него животного, которое он давно ненавидел и боялся, и поэтому он часто являлся сюда вместе с племенем на разведку, поджидая минуту, когда белая обезьяна потеряет бдительность. Но с течением времени обезьяны перестали не только нападать, но даже показываться вблизи хижины, потому что каждый раз, когда это происходило, палочка раздражалась грохотом и посылала смерть кому-нибудь из членов племени.

Сегодня, однако, обитателя хижины не было видно на поляне, и со своего наблюдательного пункта обезьяны заметили, что дверь открыта. Медленно и осторожно ступая, они начали подкрадываться сквозь заросли.

Они не издавали ни рычания, ни пронзительных гневных воплей: черная палочка научила их вести себя тихо, они боялись ее разбудить. Все ближе и ближе подходили они, пока шедший первым Керчак не оказался у самой двери и не заглянул внутрь. За ним стояли два самца и Кала, по-прежнему прижимавшая к груди мертвое тельце.

Внутри жилища они увидели странную белую обезьяну: она спала прямо за столом. На кровати было еще чье-то тело, покрытое куском парусины, а из грубо сделанной колыбельки доносилось жалобное хныканье детеныша.

Керчак бесшумно вошел внутрь и присел на корточки, готовясь напасть, и в этот момент Джон Клейтон, вздрогнув, поднял голову.

Зрелище, которое предстало его глазам, должно быть, сковало его ужасом. Он увидел в дверях трех огромных самцов обезьян, а за ними выглядывали еще и другие, – сколько их было, он так и не узнал: револьверы висели на другой стене, рядом с ружьем, а Керчак уже бросился в атаку.

Когда вожак племени отпустил обмякшее тело, бывшее раньше Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком, то обратился к колыбельке. Однако Кала оказалась возле нее раньше и первой успела схватить младенца. Прежде чем вожак смог ей помешать, Кала молнией вылетела в дверь и укрывалась на высоком дереве.

Она взяла с собой сына Элис Клейтон, а мертвое тело своего детеныша опустила в колыбельку. Плач живого ребенка пробудил в ней те материнские чувства, которые уже не мог вызвать мертвый.

Забравшись высоко на ветви могучего дерева, Кала прижала кричащего младенца к груди, и вскоре инстинкт, который руководил этой свирепой самкой – тот же инстинкт, что таился в груди его нежной и прекрасной матери, инстинкт материнской любви, – сделал свое дело, и ребенок затих. Затем голод уничтожил ту пропасть, которая их разделяла: гигантская обезьяна стала кормить своим молоком сына английского лорда.

Другие обезьяны, проникнув в хижину, осторожно осматривали непонятные для них вещи. Убедившись, что Клейтон мертв, Керчак обратился к кровати, где лежал кто-то, покрытый парусиной. Керчак быстро приподнял угол покрывала, увидев тело женщины, откинул ткань и ухватился своими огромными волосатыми лапами за белую шею, но почти сразу разжал пальцы и выпустил холодную плоть. Он понял, что женщина мертва, отвернулся от нее и принялся за убранство комнаты, – тела леди Элис и лорда Джона его больше не интересовали.

Ему сразу бросилось в глаза висевшее на стене ружье, ведь он столько времени желал заполучить эту загадочную, смертоносную, громовую палку. Теперь она была в распоряжении Керчака, но ему не хватало смелости взять ее.

Осторожно он подошел к непонятной вещи, готовый удрать, как только она заговорит своим оглушительным голосом, – а этот голос он уже слышал, наблюдая за гибелью своих сородичей, которые по глупости или беспечности нападали на белую обезьяну. Где-то в глубине сознания животного теплилось понимание, что громовая палка опасна только в руках того, кто умеет с ней обращаться, но все же прошло несколько минут, прежде чем Керчак решился к ней притронуться. До этого он только ходил туда-сюда около стены, на которой висело ружье, при этом все время косился на него, боясь хотя бы на миг упустить из поля зрения предмет своего вожеления.

Опираясь на длинные руки так, как люди опираются на костыли, раскачивая свой массивный корпус из стороны в сторону при каждом шаге, вожак бродил вдоль стены, издавая рычащие звуки, изредка прерываемые оглушительными вскриками, ужасней которых нельзя ничего услышать в джунглях. Наконец он остановился прямо перед ружьем. Медленно поднял огромную лапу и почти дотронулся до блестящего ствола, но тут же отдернул лапу и снова принялся расхаживать туда-сюда. Казалось, что, принимая бесстрашный вид и дико рыча, зверь пытается подстегнуть собственную храбрость, довести ее до такой точки, когда наконец решится взять ружье. Он снова остановился и на этот раз сумел, пересилив страх, коснуться холодной стали, но опять сразу же отдернул лапу и принялся ходить.

Снова и снова повторялась странная церемония, но с каждым разом обезьяна обретала все большую уверенность в себе, и вот ружье было снято с крюка. Убедившись, что палка не причинила ему зла, Керчак принялся ее осматривать: внимательно оглядел по всей длине, заглянул в черноту ствола, потрогал прицел и мушку, затвор, приклад и, наконец, спусковой крючок.

Обезьяны, забравшиеся в дом, молча наблюдали за своим вожаком, в то время как остальные толпились снаружи, пытаясь хоть краем глаза увидеть, что творится внутри.

Палец Керчака нажал на спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, и обезьяны кинулись врассыпную.

Керчак был напуган не меньше других и даже забыл отбросить злосчастную палку, которая издала такой ужасный звук. Он рванулся с ружьем вон из хижины. Когда Керчак выбегал наружу, приклад ружья зацепился за дверь, и в результате она с силой захлопнулась за убегавшей обезьяной.

Керчак остановился неподалеку от хижины и обнаружил, что все еще держит ружье. Он сразу отшвырнул его, как отбросил бы раскаленный утюг, и никогда больше не пытался подбирать: звук выстрела оказался слишком сильным испытанием для нервов животного. Теперь Керчак понял, что ужасная палка останется безвредной, только если ее не трогать.

Лишь через час обезьяны снова решились подойти к хижине, чтобы продолжить ее осмотр. Однако, к своему разочарованию, они обнаружили: дверь заперта, и так прочно, что ее не открыть.

Хитроумный замок, сооруженный Клейтоном, сработал, когда из хижины выбежал Керчак. Обезьяны попытались пробраться внутрь через окна, но решетки выдержали их натиск. Пошумев какое-то время на поляне, они пустились в обратный путь.

Кала не спускалась с дерева со своим новообретенным детенышем, пока Керчак не велел ей слезть. Не услышав ноток гнева в его голосе, Кала легко спустилась по веткам и присоединилась к другим обезьянам.

Тех, кто из любопытства пытался посмотреть на странного детеныша, Кала предупреждала оскаленными клыками и угрожающим рычанием. Когда сородичи заверили Калу, что не причинят детенышу зла, она позволила им подойти поближе, но не разрешила его потрогать. Она понимала, как хрупок и нежен этот детеныш, и боялась, что грубые лапы ее соплеменников могут поранить малыша.

Для Калы путешествие оказалось непростым: она все время помнила о смерти своего сына и не отпускала найденыша, отчаянно прижимая его к себе одной лапой в течение всего перехода. Все другие детеныши держались за спины матерей, крепко вцепившись в их волосатые шеи. Но Кала действовала иначе: она держала тельце маленького лорда Грейстока у самой груди. Ее собственный малыш сорвался у нее со спины и разбился насмерть, и Кала не хотела, чтобы такое повторилось.

Глава 5

Белая обезьяна

Кала нежно заботилась о своем приемыше, но при этом удивлялась, почему же он не набирается сил и не становится таким же бойким, как детеныши у других матерей. Прошел почти год с того дня, когда она его подобрала, а он только начал ходить, не говоря уже о лазанье по деревьям, которое совсем ему не давалось.

Кала иногда переговаривалась с другими самками о своем детеныше, но никто из них не понимал, как это можно так отставать и так медленно учиться заботиться о себе самому. Дитя не умело даже добывать пищу, а ведь прошло больше двенадцати лун с тех пор, как Кала подобрала его.

Если бы они знали, что этот детеныш видел целых тринадцать лун до встречи с Калой, они решили бы, что он совершенно безнадежен: двух- или трехмесячные дети в их племени были более развиты, чем этот двухлетний.

Тублата, мужа Калы, он страшно злил, и если бы не постоянный присмотр самки, Тублат давно бы расправился с этим ребенком.

– Никогда ему не быть настоящей обезьяной, – утверждал Тублат. – Тебе придется опекать его всю жизнь. Зачем он племени? Одна только обуза. Давай оставим его спать в высокой траве, а ты родишь других, сильных обезьян, которые будут заботиться о нас в старости.

– Нет, Сломанный Нос, – отвечала Кала. – Если надо опекать его всю жизнь, пусть так и будет.

Тогда Тублат пошел к Керчаку, чтобы тот своей властью заставил Калу бросить маленького Тарзана – этим именем, означавшим «белая кожа», называли крошечного лорда Грейстока. Но едва Керчак приблизился к Кале, та пригрозила уйти из племени, если ее и ребенка не оставят в покое. Уход – неотъемлемое право жителя джунглей в том случае, если его не устраивает жизнь в племени, и потому Калу больше не трогали: она была сильной и здоровой молодой самкой, и племя не хотело ее терять.

С возрастом Тарзан стал двигаться быстрее, и к десяти годам уже прекрасно лазил по деревьям, а на земле умел проделывать многие удивительные вещи, которые не давались его маленьким братьям и сестрам. Он сильно отличался от них, и взрослые обезьяны часто поражались его необыкновенной ловкости, однако по силе и росту Тарзан отставал. В десять лет человекообразные обезьяны уже заканчивают расти и достигают иногда шести футов, в то время как Тарзан все еще был ребенком.

Но зато каким ребенком!

С раннего детства он приучился перелетать при помощи рук с ветки на ветку, как делала его огромная мать, а когда немного подрос, по целым дням резвился в вершинах деревьев вместе со своими младшими соплеменниками.

Он мог преодолеть в прыжке расстояние в двадцать футов на головокружительной высоте. Мог легко и безошибочно ухватиться за ветку, которая раскачивается от сильного ветра, предвещающего ураган. Мог спуститься вниз на землю с высоты в двадцать футов, живо перескакивая с ветки на ветку, или взлететь на самую верхушку высочайшего тропического дерева-гиганта с быстротой белки. Уже в десять лет он мог бы помериться силой с тридцатилетним мужчиной и был при этом куда проворнее самых тренированных атлетов. И с каждым днем он становился все более мужественным.

Жизнь его среди свирепых обезьян протекала счастливо, ибо его память не хранила воспоминаний о другой жизни и он не ведал, что в подлунном мире есть не только этот лес и дикие обитатели джунглей, которых он так хорошо понимал. Однако к десяти годам он начал осознавать огромную разницу между собой и своими соплеменниками. Тарзан вдруг устыдился

своего загорелого до черноты тела, поскольку оно было совершенно лишено растительности, как у презренной змеи Хисты и других рептилий. Он пытался избавиться от этого недостатка, натирая себя с ног до головы грязью, но грязь высыхала и отваливалась. К тому же ходить в таком виде оказалось крайне неудобно, и Тарзан решил, что лучше испытывать стыд, чем это неудобство.

Однажды Тарзан впервые увидел свое лицо в водах небольшого озера, к которому, случилось, приходило обезьянье племя. Стояла сухая погода, день выдался жаркий, и Тарзан вместе со своим двоюродным братом отправился к озеру, чтобы утолить жажду. Когда они наклонились к чистой и спокойной поверхности воды, их лица отразились, как в зеркале: свирепая и ужасная морда обезьяны и тонкие, нежные черты представителя одного из старых английских родов.

Тарзан ужаснулся. Мало того что он был лишен растительности, оказывается, у него еще и другая физиономия! И как только соплеменники могут смотреть на него? Этот маленький рот, эти крохотные белые зубки! Как жалко они выглядели по сравнению с могучими губами и мощными клыками более счастливых собратьев Тарзана. А этот длинный узкий носик! Тонкий, словно исхудавший от голода. Тарзан даже покраснел, взглянув на прекрасные широкие ноздри своего товарища. «Какой здоровый у него нос – почти на половину лица. Как было бы здорово родиться таким красивым», – думал бедный ребенок. Затем он обратил внимание на свои глаза – и это был последний удар. Темные пятнышки в обрамлении серых кружков, а вокруг – что-то белое! Какой ужас! Даже у змей глаза привлекательнее!

Тарзан так увлекся рассматриванием собственной внешности, что не услышал, как позади него расступается высокая трава, пропуская вперед величественное животное, бесшумно пробирающееся сквозь джунгли. Ничего не заметил и товарищ Тарзана, который спокойно пил, шумно втягивая воду губами и издавая довольное урчание, – все это заглушило звуки приближающейся опасности.

Всего в тридцати шагах от приятелей притаилась огромная львица – Сабор. Она была хвостом по земле, затем мягко шагнула вперед – раз, другой, третий. Она продвигалась, почти прижав брюхо к земле, – огромная кошка, готовящаяся прыгнуть на свою жертву. Теперь она была всего в десяти футах от двух ничего не подозревающих друзей. Сабор осторожно подбрала под себя задние лапы, и упругие мускулы заиграли под блестящей шкурой. Она приготовилась для прыжка, так низко присев, что почти распласталась, только голова и верхняя часть сверкающей спины немного возвышались над травой. Хвост больше не бил по земле, а лежал неподвижно.

Еще секунду она помедлила в этой позе, обратившись в камень, а затем прыгнула с жутким рычанием.

Сабор была мудрой охотницей. Менее опытным ее свирепый рев во время прыжка мог показаться неразумным: разве прыгнуть тихо, не издав ни единого звука, не было бы вернее? Однако львица знала, с какой поразительной быстротой передвигаются обитатели джунглей и каким тонким слухом они обладают. Для них шорох травинки, задевшей другую травинку, звучал столь же громким предупреждением, как самый мощный рев. Львица понимала, что не сможет напасть совершенно бесшумно. Ее рычание не было предупреждением. Она издавала его для того, чтобы напугать своих жертв, чтобы от ужаса они замерли на ту долю секунды, после которой когти охотницы сразу вопьются в мягкую плоть и лишат надежды на спасение.

Для охоты на обезьяну Сабор действовала правильно. Детеныш обезьяны замер всего на мгновение, но этого хватило для того, чтобы львица смогла положить конец его жизни.

Однако такого не произошло с Тарзаном, человеческим детенышем. Жизнь среди опасностей, которыми полны джунгли, приучила его не терять присутствия духа, а развитый ум позволял ему соображать куда быстрее, чем на это способны обезьяны. Рев львицы побудил мозг и мускулы Тарзана к немедленному действию. Перед ним была гладь спокойных вод озера,

на суше его ждала верная смерть от когтей и клыков зверя. Воду Тарзан терпеть не мог – она требовалась ему только для утоления жажды. В сознании Тарзана вода ассоциировалась с теми неприятностями, которые приносят холодные ливни с их пугающими молниями и громом. Мать учила его избегать глубоких вод. Более того, совсем недавно ему довелось видеть, как маленькая Нита погрузилась в озерные воды и никогда больше не вернулась к племени. Но из двух зол его быстрый ум выбрал меньшее – и произошло это сразу, как только он услышал рев Сабор, разорвавший тишину джунглей. Прежде чем огромное животное успело пролететь в прыжке половину отделявшего их расстояния, холодные воды озера сомкнулись над головой Тарзана.

Плывать он не умел, а в этом месте было очень глубоко. Но Тарзан не потерял присутствия духа и сметливости, в которых он превосходил соплеменников. Он принялся быстро двигать руками и ногами, пытаясь выбраться наверх. Его движения стали напоминать те, что делает попавшая в воду собака, и через пару секунд голова Тарзана оказалась уже над поверхностью озера. Он понял, что может поддерживать свое тело в таком положении, продолжая двигать руками и ногами. Более того, он мог передвигаться по поверхности воды. Все эти новые для него навыки поразили Тарзана и очень ему понравились, но времени обдумать случившееся у него не было.

Он плыл теперь вдоль берега и видел, как безжалостный зверь, который чуть не схватил его, притаился за неподвижным телом убитого товарища. Львица внимательно следила за Тарзаном, по-видимому ожидая, что он вылезет на берег, но мальчик не собирался этого делать. Он набрал побольше воздуха и издал крик, служивший членам его племени сигналом беды: Тарзан предупреждал, что надо остерегаться нападения Сабор.

Почти сразу же он услышал ответный клич, и сорок-пятьдесят больших обезьян ринулись по ветвям деревьев к месту трагедии. Впереди неслась Кала, узнавшая голос своего любимого детеныша, а с ней – и мать того детеныша, над телом которого возвышалась сейчас Сабор.

Львица была сильнее обезьян, но ей не хотелось связываться с этими крупными разъяренными животными, и потому, издав злобный рев, она прыгнула в заросли и исчезла.

Тарзан поплыл к берегу и быстро выбрался на сушу. Чувство свежести и возбуждения, которое принесла холодная вода, удивило и понравилось ему. С тех пор Тарзан не упускал возможности искупаться в озере, реке или океане, если она ему предоставлялась.

Кала долго не могла привыкнуть к этому зрелищу. Члены ее племени умели плавать, но делали это только в крайнем случае. Воду они не любили и никогда не заходили в нее по собственной воле.

Приключение с львицей надолго запомнилось Тарзану: такие происшествия сильно разбавляли монотонность повседневной жизни, состоявшей из поисков пищи, еды и сна.

Племя, к которому он принадлежал, скиталось по довольно большой территории, простиравшейся приблизительно на двадцать пять миль вдоль побережья океана и на пятьдесят миль в глубину континента. Обезьяны бродили по этому участку, иногда оставаясь на одном месте месяцами. Однако поскольку по деревьям они продвигались с большой скоростью, то в случае необходимости племя могло обойти всю свою территорию за пару дней. Многое зависело от пищи, погодных условий и встреч с опасными животными. Но бывало и так, что Керчак заставлял сородичей совершать дальние переходы без всякой причины: просто потому, что ему наскучило сидеть на одном месте.

По ночам они засыпали там, где их заставляла тьма. Они ложились на землю, иногда покрывали головы, а реже и тела большими листьями, называемыми «слоновьи уши». Если ночь была холодная, несколько обезьян пристраивались вместе, согревая друг друга, а Тарзан все эти годы спал в объятиях Калы.

Не вызывало сомнений, что огромное и свирепое животное любило это дитя, принадлежавшее к другому виду, и Тарзан отвечал Кале взаимностью, изливая на нее чувства, предназначавшиеся его прекрасной матери, которой, увы, уже не было в живых.

Когда Тарзан не слушался, Кала шлепала его, но никогда не была с ним жестока; она чаще баловала Тарзана, чем наказывала. Зато Тублат, ее муж, ненавидел приемыша, и было несколько случаев, когда он чуть не прикончил его.

Тарзан, со своей стороны, никогда не упускал возможности показать, что тоже не питает к приемному отцу нежных чувств, и как мог досаждал Тублату: передразнивал, выкрикивал оскорбления, когда чувствовал себя в безопасности под защитой матери или висел, уцепившись за тонкие ветви на вершине дерева.

Разум, которым он превосходил всех, а также ловкость позволяли Тарзану изобретать тысячи дьявольских трюков, чтобы осложнить жизнь Тублату. Еще в раннем детстве он научился вить веревки, связывая и переплетая стебли высокой травы. Эти веревки служили для того, чтобы делать спотычки Тублату, а по временам Тарзан пытался подцепить его и подвесить к дереву.

Играя с веревками, Тарзан научился вязать грубые узлы и делать затягивающиеся петли. Этим развлекались и его младшие товарищи – обезьяны. Они только подражали Тарзану, новое выдумывал он один, и он же достигал во всем высшего мастерства.

Однажды, резвясь таким образом, Тарзан набросил петлю на одного из игравших с ним детенышей, зажав конец веревки в руке. По случайности петля оказалась на шее обезьяны, и

пойманный был вынужден резко остановиться. «Это отличная игра», – решил Тарзан и сразу же повторил трюк. После тренировок он научился искусству набрасывать аркан.

С той поры жизнь Тублата превратилась в настоящий кошмар. И во сне, и во время перехода по джунглям, и днем, и ночью ему приходилось ожидать, что петля обовьется вокруг его шеи и начнет душить.

Кала наказывала Тарзана, Тублат сыпал проклятиями и грозил мстью, и даже старый Керчак обратил внимание на происходящее и разразился угрозами, но все это было бесполезно. Тарзан продолжал свои игры, и тонкая, но прочная петля то и дело обвивалась вокруг шеи Тублата в такие минуты, когда тот меньше всего этого ожидал. Других обезьян немало развлекали затруднения Тублата: Сломанный Нос отличался дурным характером и его никто не любил.

В ясном уме Тарзана возникало много самых разных мыслей. Например, он думал: если можно использовать эту длинную, сотканную из трав веревку для ловли обезьян, то почему нельзя поймать львицу? Эти размышления привели к важнейшим последствиям.

Однако случилось это еще не скоро.

Глава 6

Битвы в джунглях

Племя обезьян в своих скитаниях часто оказывалось неподалеку от закрытой, заброшенной хижины на берегу небольшой бухты. Для Тарзана это место всегда оставалось таинственным источником нескончаемой радости. Он вглядывался в заколоченные решетками окна или забирался на крышу, пытаясь что-нибудь разглядеть в покрытой сажей трубе: ему не терпелось разгадать загадку, которую заключали в себе крепкие стены. Его детское воображение рисовало разные чудеса, спрятанные внутри, и сама невозможность проникнуть туда тысячекратно усиливала желание это сделать. Он часами карабкался по крыше и стенам, пытаясь обнаружить способ попасть в хижину, но совершенно не обращал внимания на дверь, – своей внешней неприступностью она мало отличалась от стен.

Однажды, когда обезьяны в очередной раз оказались поблизости от хижины – это было вскоре после приключения со старой Сабор, – Тарзан заметил, что издали дверь кажется как будто отдельной частью стены, и ему впервые пришло в голову, что это и есть тот проход, который он так долго искал. Как обычно, он находился один возле хижины: обезьяны не любили это место. История с громовой палкой за прошедшие десять лет не забылась, и заброшенное жилище лорда Грейстока слыло опасным местом.

О том, что связывало Тарзана с этой хижинкой, ему никто не рассказывал. Язык обезьян настолько беден, что они просто не смогли поведать Тарзану о странных существах, некогда обитавших в хижине. Кала сумела лишь объяснить своему приемышу – впрочем, весьма путано, – что его отец был странной белой обезьяной, но при этом Тарзан не знал, что сама Кала – не его родная мать.

Итак, в тот день сын английского лорда направился напрямик к двери в хижину и в течение нескольких часов изучал ее, ощупывал петли, а также служивший дверной ручкой выступ и засов. Наконец он догадался, что нужно было сделать, и дверь со скрипом открылась.

В течение нескольких минут Тарзан не решался войти, но когда его глаза привыкли к полумраку, он осторожно переступил порог. На полу посреди комнаты лежал скелет. На костях кое-где виднелись полуистлевшие остатки того, что некогда было одеждой. На кровати лежал скелет поменьше, а рядом, в колыбельке, – третий, совсем крошечный скелетик.

Тарзан почти не обратил внимания на эти свидетельства трагедии, случившейся здесь в давние времена. Жизнь в диких джунглях приучила его спокойно смотреть на мертвых и умирающих животных, и даже если бы он узнал, что эти останки принадлежат его родителям, то вряд ли он был бы сильно потрясен. Зато мебель и прочие предметы обстановки его очень заинтересовали. Он внимательно осматривал вещи в комнате: странные инструменты, оружие, книги, бумаги, одежду – все то, что выдержало испытание временем и влажной атмосферой прибрежного тропического леса.

Он открывал сундуки и шкафы, которых никогда раньше не видел, и находил в них вещи, сохранившиеся куда лучше. Среди прочего отыскался охотничий нож. Тарзан провел пальцем по его острому лезвию и порезался. Однако он не испугался и продолжил эксперименты со своей находкой. Вскоре обнаружилось, что с помощью этой вещи можно раскалывать древесину и отделять тонкие щепочки от стола и стульев. Это долго его развлекало, но в конце концов наскучило, и он занялся дальнейшими исследованиями.

В шкафу с книгами он сразу заметил одну, с яркими цветными рисунками, – это была азбука с картинками.

С «л» начинается слово «лучник», лучник стреляет из «лука».

С «м» начинается слово «мальчик», его имя «Майк».

Рисунки чрезвычайно заинтересовали Тарзана.

На них было изображено множество обезьян с лицами, похожими на его собственное. Дальше, листая книгу, он обнаружил под буквой «м» несколько мартышек – точно таких же он постоянно видел перелетающими с ветки на ветку в родных ему первозданных лесах. Однако на страницах книги нигде не встречались большие обезьяны из его племени: ни одна не напоминала Керчака, Тублата или Калу.

Сперва он пытался выковыривать маленькие фигурки со страниц книги, но вскоре убедился, что они ненастоящие, хотя при этом не понимал, что же они такое, и не находил слов для их наименования. Пароходы, поезда, коровы и лошади ничего для него не значили, но все-таки в каком-то ином смысле, чем те крошечные загадочные фигурки, которые появлялись под картинками, а иногда между ними и напоминали какую-то неизвестную ему породу жучков: у многих были ножки, хотя ни у кого не имелось глаз и рта. Так впервые, в возрасте десяти лет, Тарзан столкнулся с буквами.

Разумеется, он никогда не видел печатного текста и ему не доводилось говорить ни с одним живым существом, которое имело бы хоть самое смутное представление о письме, и тем более Тарзан никогда не видел никого читающим. Нет ничего удивительного в том, что мальчик терялся в догадках о значении этих странных фигурок.

Где-то в середине книги ему встретилась и старая врагиня – Сабор, а еще дальше свернулась кольцом змея Хиста. Это было захватывающее занятие! Никогда раньше за все десять лет жизни он не получал такого удовольствия. Тарзан так увлекся рассматриванием картинок, что не заметил, как наступили сумерки, и оторвался от книги, только когда тьма совсем сгустилась.

Он положил книгу обратно в шкаф и закрыл его дверцу. Ему не хотелось, чтобы кто-то еще нашел и разрушил это сокровище. Он вышел из хижины и тщательно запер за собой дверь. Но прежде он успел заметить охотничий нож, брошенный им на полу. Тарзан подобрал его и захватил с собой, чтобы показать соплеменникам.

Не успел Тарзан пройти и десяти шагов, как из зарослей кустарника выросла огромная фигура. В первую секунду мальчик подумал, что это кто-то из его племени, но тут же осознал свою ошибку: это оказался Болгани, огромная горилла.

Зверь находился так близко, что Тарзан понял: бежать уже поздно и предстоит смертельная схватка. Гориллы с давних пор были заклятыми врагами его племени, и ни одна сторона не просила и не давала пощады другой.

Взрослый самец из племени Тарзана мог бы сразиться с гориллой на равных, но ребенок, пусть и невероятно мускулистый для своих лет, был для Болгани легкой добычей. Однако в жилах Тарзана текла кровь могучих предков, а кроме того, вся его жизнь прошла среди свирепых обитателей джунглей.

Тарзан не знал страха в том смысле, который мы придаем этому слову. Его сердечко лишь быстрее билось от предвкушения приключения. Если бы ему представилась возможность, он спасся бы бегством, но лишь потому, что верно оценивал свои силы, явно несравнимые с силами гигантского зверя. И хотя разум подсказывал, что в этой битве победить нельзя, Тарзан храбро шагнул навстречу горилле.

Зверь бросился, и Тарзан принялся бить его кулаками. Разумеется, Тарзан мог причинить горилле не больше вреда, чем муха – слону. Но мальчик по-прежнему сжимал в руке нож, который взял в хижине своего отца, и когда зверь, молотя лапами и кусаясь, сцепился с ним, мальчик случайно воткнул острие ножа в волосатую грудь. Нож вошел глубоко в тело гориллы, зверь зарычал от боли и гнева.

В этот миг Тарзан понял назначение острой и блестящей игрушки и, когда разъяренная горилла повалила его на землю, вонзил несколько раз нож в ее грудь по самую рукоятку. Горилла, продолжая бой, наносила страшные удары открытой ладонью, как принято в ее племени, и терзала грудь и горло соперника своими мощными клыками. Враги покатались по земле в яростном безумии схватки. Окровавленный и израненный Тарзан из последних сил

наносил удары длинным острым ножом. Затем его детское тело судорожно изогнулось, и Тарзан, юный лорд Грейсток, покатился без сознания по ковру из мертвых и гниющих листьев, покрывавшему почву его родных джунглей.

Племя Тарзана добывало пищу в миле от этого места. Услышав яростный вопль гориллы, вызывавшей на бой врага, Керчак немедленно, следуя заведенному обычаю, призвал к себе всех сородичей: отчасти для того, чтобы обеспечить защиту от общего врага, ведь горилла могла быть не одна, а отчасти чтобы проверить, все ли на месте. Обнаружилось, что не хватает Тарзана, и Тублат сразу же воспротивился тому, чтобы мальчику была выслана подмога. Керчак и сам не жаловал странного приемыша, поэтому, узнав мнение Тублата, вернулся на кучу листьев, которая служила ему постелью. Но Кала даже не обратила на них внимания. Едва увидев, что Тарзана нет, она помчалась по ветвям деревьев туда, откуда отчетливо доносились крики гориллы.

Вскоре наступила полная тьма, и восходящая луна осветила своим слабым светом странные уродливые тени в густой листве джунглей. Кое-где сверкающие лучи достигали земли, но по большей части они только оттеняли непроглядную мглу зарослей.

Кала, подобно гигантскому привидению, бесшумно перепрыгивала с дерева на дерево. Она то перебегала по огромной ветви, то, раскачавшись, перелетала на конец другой, чтобы ухватиться за нее и через мгновение оказаться уже на следующем дереве. Она неслась туда, где разыгралась трагедия: это ей подсказывал жизненный опыт. По крикам гориллы можно было понять, что развернулась смертельная схватка. Но вот крики внезапно смолкли, и в джунглях воцарилась тишина.

Кала не понимала, что случилось: в последнем вопле Болгани звучала агония – страдания и смерть. Но не было слышно другого голоса, по которому Кала смогла бы определить, кто же является соперником гориллы. Кала, конечно, и предположить не могла, что ее Тарзан способен уничтожить огромного взрослого самца гориллы. Приблизившись к месту, откуда раньше доносились звуки битвы, она стала двигаться гораздо осторожнее, а потом медленно, с опаской спустилась на самые нижние ветви и начала всматриваться в перемежаемую пятнами лунного света темноту в поисках участников боя. В конце концов она увидела их, лежащих на небольшой полянке под ярким лунным светом: это было истерзанное, покрытое кровью маленькое тело Тарзана, а рядом с ним – гигантская туша мертвой гориллы.

С рычанием Кала бросилась к Тарзану и прижала окровавленное тело к груди, прислушиваясь, не подает ли оно признаков жизни. Она почувствовала, как слабо бьется сердце Тарзана. Стараясь ничем не навредить раненому, она отнесла его через ночные джунгли к месту, где ночевало племя, и потом в течение многих дней и ночей выхаживала: приносила ему пищу и воду, очищала от личинок мух и других насекомых его ужасные раны. Бедное создание не имело никакого понятия о лечении. Она могла только вылизывать раны, тем самым сохраняя их чистыми и помогая благодетельной природе поскорее их заживлять.

В первое время Тарзан ничего не ел, а только метался в горячке и жестоком бреде. Его мучила жажда, и Кала приносила ему воду тем единственным способом, который ей был доступен, – во рту. В мире людей не всякая мать готова проявить такую самоотверженность и преданность, как это дикое животное по отношению к приемышу, которого ей довелось опекать. В конце концов горячка отступила и мальчик начал выздоравливать. Ни одного слова жалобы не слетело с его губ, хотя раны мучительно ныли. Грудь была разодрана до ребер, три из которых горилла сломала ужасными ударами. Одну руку чуть не отгрызли гигантские клыки зверя, и из шеи был выдран большой кусок плоти, так что виднелась аорта, которую только чудом не перекусили мощные челюсти.

Тарзан переносил страдания с терпением, достойным тех животных, среди которых он вырос: они всегда предпочитали отползти в сторону и отлежаться в гуще высокой травы, а не выставлять напоказ свои мучения. Он радовался только присутствию Калы. Когда он начал

поправляться, она чаще оставляла его одного: до тех пор она отказывала себе в пище и исхудала так, что походила на собственную тень.

Глава 7

Свет знаний

Прошло какое-то время, показавшееся маленькому страдальцу целой вечностью. Наконец он смог ходить, и с этого момента процесс выздоровления заметно ускорился, а уже через месяц Тарзан был столь же силен и подвижен, как раньше.

Выздоровливая, он часто вспоминал битву с гориллой и думал о том, что надо подобрать то удивительное оружие, которое превратило его в победителя одного из самых страшных зверей в джунглях. Кроме того, ему хотелось вернуться в хижину и продолжить изучение найденных в ней удивительных вещей.

И однажды утром он в одиночку отправился в путь. После недолгих поисков Тарзан обнаружил уже обглоданные кости своего могучего соперника, а рядом с ними, под кучей палой листвы, нашелся и нож, весь покрытый засохшей кровью гориллы и ржавчиной.

Светлая блестящая поверхность нравилась ему больше, но все-таки и в нынешнем виде это было грозное оружие, с помощью которого можно добиться первенства в любой схватке. Тарзан решил, что ему больше не придется убежать от нападений буйного Тублата.

В следующее мгновение он оказался возле хижины, немного повозился с засовом и зашел внутрь. Первым делом ему нужно было понять, как работает механизм изнутри. Внимательно изучив его при открытой двери, Тарзан догадался, что именно удерживало дверь закрытой и как она отпиралась. Теперь он мог закрыться в хижине – так он и поступил, чтобы никто не тревожил его.

Затем Тарзан начал последовательный осмотр всех вещей, однако вскоре отвлекся на книги, притягивавшие его.

В шкафу был букварь, несколько книжек для самых маленьких, множество иллюстрированных изданий, а также огромный словарь. Все это он внимательно рассмотрел. Больше всего его привлекали картинки, хотя странные жучки, покрывавшие страницы без картинок, также будили его любопытство и заставляли думать.

Обнаженный, загорелый, сидящий, поджав ноги, прямо на столе, этот маленький дикарь, Тарзан из племени обезьян, представлял собой зрелище, вызывающее грусть и в то же время надежду. Это была аллегория первобытного человека, ошупью пробирающегося сквозь тьму невежества к свету знаний.

В сильных и изящных руках Тарзана была книга, он склонился над ней так, что волна густых черных волос падала ему на лицо, он всматривался в странные головоломки и пытался разгадать их. Его лицо выражало величайшее напряжение: что же значат эти крошечные черные жучки? Еще смутная догадка вот-вот была готова осенить его столь ценным знанием.

Он открыл букварь на странице, где была нарисована маленькая обезьяна, похожая на него самого, однако покрытая повсюду, кроме рук и лица, странным цветным мехом (так он воспринимал пиджак и брюки). Под картинкой выстроились маленькие жучки: МАЛЬЧИК.

Изучая текст на странице, Тарзан понял, что в этом сочетании жучки встречаются многократно. И еще он понял, что жучков, отличающихся друг от друга, не так уж много; они повторяются, иногда стоят поодиночке, но гораздо чаще в сопровождении других. Он медленно переворачивал страницы, отыскивая картинки и тексты, в которых повторялось сочетание М-А-Л-Ь-Ч-И-К. Через какое-то время ему попала картинка, где была изображена другая маленькая обезьяна и странное четвероногое животное, чем-то похожее на шакала. Под этой картинкой виднелись жучки: МАЛЬЧИК и СОБАКА.

Ага, вот они – те жучки, которые всегда сопровождают маленькую обезьяну!

Таким образом он продвигался вперед – очень медленно, ибо поставил перед собой, сам того не зная, сложнейшую задачу, которая нам с вами показалась бы нерешаемой: научиться

читать, не имея ни малейшего понятия о буквах и письме, не зная даже, что подобные вещи существуют.

Разумеется, Тарзан не решил эту задачу ни за день, ни за год. Но понял главное – те возможности, которые заключают в себе маленькие жучки. Он учился очень и очень медленно, однако к пятнадцати годам знал уже множество комбинаций букв, замещавших отдельные нарисованные фигуры в букваре и в нескольких книгах с картинками. При этом он не имел никакого представления о таких вещах, как артикли, союзы, глаголы, наречия и местоимения.

Однажды – когда ему уже было около двенадцати лет – Тарзан нашел в ящике под столом несколько карандашей. Он принялся скрести карандашом по поверхности стола, и ему очень понравилась черная линия, оставленная этим орудием.

С этой новой игрушкой он возился без конца, так что стол вскоре весь покрылся каракулями – петлями и кривыми линиями, а кончик карандаша совсем затупился. Тогда Тарзан взял другой карандаш – однако уже с определенной целью. Он решил воспроизвести несколько жучков.

Это было непросто: Тарзан держал карандаш, как ручку ножа, и это не прибавляло ни легкости процессу письма, ни ясности написанному. Однако мальчик продолжал упорно трудиться всякий раз, когда удавалось добраться до хижины. Экспериментируя, однажды он взял карандаш так, как это делают люди, и дело пошло гораздо лучше: Тарзан наконец смог воспроизвести начертание одного из жучков. Так он начал писать.

Копирование жучков научило его еще одной вещи – счету. Конечно, он не мог считать в том смысле, какой мы придаем этому слову, но тем не менее у него было представление о количестве, и основой для вычислений служило число пальцев на руке.

Листая различные книги, Тарзан убедился, что открыл уже все виды жучков, которые наиболее часто повторялись в комбинациях друг с другом. Тогда он расположил их в определенном порядке – что было совсем легко, поскольку он постоянно обращался к замечательной книге, где картинки выстраивались в алфавитном порядке.

Обучение шло вперед. Главные находки поджидали Тарзана в неисчерпаемом источнике – огромном иллюстрированном словаре: даже овладев буквами, мальчик по-прежнему учился больше посредством картинок, чем текста. Открыв для себя расположение слов в алфавитном порядке, Тарзан стал забавляться поиском комбинаций, с которыми уже был знаком, потом словами, которые за ними следовали, их определениями, и это увлекало его все дальше и дальше в лабиринты знаний. К семнадцати годам он научился читать букварь и полностью усвоил истинное и удивительное назначение маленьких жучков.

Он уже не стыдился своего лишнего растительности тела и человеческих черт лица, поскольку теперь знал, что принадлежит к иной породе, чем его дикие волосатые соплеменники. Он был ч-е-л-о-в-е-к, они о-б-е-з-ь-я-н-ы, а маленькие обезьянки, скачущие по вершинам деревьев, – м-а-р-т-ы-ш-к-и. Он знал теперь также, что старая Сабор называлась л-ь-в-и-ц-а, Хиста – з-м-е-я, а Тантор – с-л-о-н. Так Тарзан научился читать.

С этого времени прогресс в его обучении сделался стремительным. С помощью большого словаря и здорового, активно работающего мозга, который унаследовал способности, превышающие средние человеческие, он строил остроумные догадки там, где не мог что-то понять, и, как правило, эти догадки оказывались близки к истине.

Ему много раз приходилось прерывать обучение, следуя за своим племенем, но даже в отрыве от книг его неутомимый ум продолжал по памяти исследовать тайны, связанные с любимым занятием. Куски древесной коры, плоские листья и утопанные площадки земли служили ему тетрадами, где можно было острием охотничьего ножа выцарапывать то, чему он научился.

При этом, решая загадки библиотеки, Тарзан не пренебрегал другими обязанностями. Он все более ловко обращался с веревкой и острым ножом, который научился точить о плоские камни.

Племя обезьян намного увеличилось по сравнению с тем временем, когда в нем появился Тарзан. Под руководством Керчака они сумели внушить страх другим племенам, кочевавшим в этой части джунглей, и теперь имели в изобилии еду и почти совсем не страдали от грабительских набегов своих соседей. Теперь молодые самцы в период взросления выбирали жен из собственного племени, а если захватывали в плен самку из другого племени, то приводили ее к Керчаку, предпочитая жить с ним в мире, а не заводить гаремы и сражаться с грозным вожаком за первенство. Время от времени кто-нибудь из молодых, более свирепый, чем его ровесники, бросал вызов вожаку, но никому еще не удавалось победить этого жестокого зверя.

Тарзан занимал в племени особое место. Его считали своим, но в то же время видели, насколько он отличается от других. Старые самцы либо игнорировали его, либо мстительно ненавидели, завидуя подвижности и скорости, а также той опеке, которую оказывала ему могучая Кала.

Тублат оставался самым упорным его врагом. Но однажды, когда Тарзану было около тринадцати лет, между ним и Тублатом случилось нечто, благодаря чему никто в племени больше никогда не трогал приемыша. Исключение составляли лишь случаи, когда самцы впадали в бешенство: это те дикие припадки беспричинного гнева, во время которых они кидаются на всех, включая представителей более сильных видов. В такие минуты никому не бывает пощады.

Тарзан научил уважать себя в тот день, когда все племя собралось в ущелье между двух невысоких холмов. Это место представляло собой естественный амфитеатр, свободный от лиан и ползучих растений. Открытое пространство имело почти круглую форму. По сторонам от него росли могучие деревья первобытного леса, а подлесок так густо окружал гигантские стволы, что пробраться на поляну можно было только по верхним ветвям деревьев.

Здесь, где никто не мог на них напасть, обезьяны собирались часто. В центре амфитеатра располагался земляной барабан – из тех, которые человекообразные сооружают для выполнения своих непонятных обрядов. Звуки, сопровождающие эти обряды, иногда доносятся до людей сквозь заросли джунглей, но никому не доводилось наблюдать происходящее. Многие путешественники видели эти барабаны, созданные человекообразными обезьянами, а некоторые слышали их стук и дикие крики, издаваемые во время празднеств этими властителями джунглей. Но Тарзан, лорд Грейсток, был, несомненно, первым человеком, принявшим участие в диком обряде Дум-Дум.

Из подобного примитивного действия выросли впоследствии все обряды и церемониалы современной церкви и государства. За многие столетия до того, как блеснули первые лучи рассвета, предвещающего развитие человеческой цивилизации, наши волосатые предки плясали во время обряда Дум-Дум при звуках земляных барабанов под ярким светом тропической луны в дебрях непроходимых джунглей. И этот обряд остался неизменным с той давно забытой ночи в череде таких же давно прошедших ночей, когда наш косматый предок спустился с дерева по качающимся ветвям и легко прыгнул на мягкую траву на первом месте сборищ.

В тот день, когда Тарзан избавился от преследований, которым подвергался на протяжении двенадцати из тринадцати лет своей жизни, обезьянье племя, состоявшее уже из целой сотни особей, в молчании пробралось по нижним террасам деревьев к амфитеатру и бесшумно спустилось на землю. Обрядом Дум-Дум обезьяны отмечали важные для племени события: победу над врагом, взятие пленного, убийство кого-нибудь из самых больших и свирепых хищников, смерть вожака или прославление нового – все это сопровождалось специальной церемонией.

Поводом к сегодняшнему собранию послужило убийство огромной обезьяны, принадлежавшей к другому виду. Когда племя Керчака добралось до поляны, два сильных самца внесли туда и тело поверженного врага. Они положили свою ношу возле земляного барабана и остались охранять ее, присев на корточки. Другие обезьяны улеглись в заросших травой уголках поляны, чтобы поспать, пока свет поднимающейся луны не подаст сигнал к началу дикой оргии.

В течение нескольких часов царил тишина, нарушаемая только резкими выкриками пестрых попугаев, щебетом и писком птиц, без устали порхавших среди ярких орхидей и роскошных цветов, гирляндами свисавших с покрытых мхом могучих тропических деревьев.

Сгустились сумерки, и обезьяны зашевелились. Они образовали широкий круг, центром которого был земляной барабан. Самки и детеныши сидели на корточках с внешней стороны круга, а впереди расположились взрослые самцы. За барабаном стояли три старые самки, и каждая держала толстую сучковатую дубину пятнадцати-восемнадцати дюймов длиной.

Как только первые лучи восходящей луны осветили серебром верхушки окружавших поляну деревьев, эти самки начали медленно и негромко стучать по барабану. По мере того как луна заливала светом амфитеатр, стук становился громче и чаще, пока не превратился в бешеный, но ритмичный грохот, слышимый всем в джунглях за много миль от поляны. Огромные дикие звери прерывали охоту, настороженно поднимали головы и прислушивались к однообразным ударам, обозначавшим, что обезьяны празднуют свой Дум-Дум. Временами кто-нибудь из обитателей джунглей тонким визгом или мощным рычанием отвечал на вызов человекообразных, но никто не решался подойти ближе или тем более напасть: крупные обезьяны, собравшиеся в таком количестве, вызывали у соседей по джунглям страх и уважение.

Когда грохот барабана достиг оглушительной силы, старый Керчак выпрыгнул в пустое пространство между занимавшими первый ряд самцами и барабанившими самками. Встав на задние лапы, он высоко поднял голову и взглянул прямо в лицо восходящей луне. Потом ударил себя в грудь огромными волосатыми кулаками и издал ужасающий вопль-рычание. Снова и снова повторялся этот жуткий вопль, разносясь над притихшим, словно умершим миром. Затем Керчак пригнулся и крадучись, бесшумно пошел по кругу, держась на расстоянии от мертвого тела, лежащего перед алтарем-барабаном, но при этом не сводя с трупа своих свирепых красных глазок.

Потом в центр выпрыгнул другой самец и, повторяя жуткие крики вожака, двинулся следом за ним. Далее самцы один за другим последовали их примеру, и джунгли огласились почти непрерывными кровожадными воплями: они как будто вызывали врага.

Когда все взрослые самцы присоединились к процессии и образовали хоровод, начался следующий этап – нападение на врага. Керчак схватил здоровенную дубину из кучи заранее приготовленных палок, яростно кинулся на мертвую обезьяну и нанес ей удар, огласив поляну боевым криком и рычанием. Грохот и частота ударов в барабан усилились, и воины стали один за другим приближаться к жертве охоты и наносить удары палками – все это составляло безумный водоворот Танца Смерти.

Тарзан участвовал в обряде наряду с другими членами дикой бешеной орды. Его загорелое, покрытое потом мускулистое тело посверкивало при лунном свете, выделяясь своей гибкостью и грацией среди превышавших его ростом неуклюжих волосатых зверей. Никто из танцующих не изображал лучше Тарзана крадущуюся походку охотника, никто не нападал с такой яростью, как он, никто не совершал таких высоких прыжков в Танце Смерти.

Грохот барабанных ударов совсем опьянил участников обряда: полностью отдавшись дикому ритму и крикам, они потеряли всякий контроль над собой. Высоко подпрыгивая, они скалили клыки, с их губ клочьями слетала пена.

Жуткий танец продолжался не менее получаса. Наконец по знаку Керчака грохот барабана внезапно стих, и колотившие в него самки поспешили пройти через шеренгу танцоров во внешний круг, где сидели на корточках зрители. Затем все самцы как один кинулись на тело, которое их удары уже успели превратить в сплошное месиво.

Обезьянам нечасто удается заполучить в достаточном количестве мясную пищу, и потому в завершение дикого празднества они должны были отведать вкус свежего мяса. Они приступили к последней стадии обряда – поеданию врага. Огромные клыки вонзались в труп, отгрызая толстые куски. Самые сильные из обезьян получали все лучшее, а слабым оставалось только вертеться позади дерущегося и рычащего стада, дожидаясь возможности пролезть вперед и урвать кусочек или стащить кость.

Тарзану мясо было нужнее, чем обезьянам. Он принадлежал к виду, который питается мясом, однако ни разу в жизни не смог как следует насытиться животной пищей. И теперь его проворное тельце кружилось в куче сражающихся и рвущих труп на части обезьян, пытаясь ловкостью заполучить долю, которую он не мог завоевать силой.

На боку у Тарзана висел охотничий нож, – мальчик спрятал его в самодельные ножны, скопированные с картинки из книжки. Наконец ему удалось протолкнуться поближе. Тарзан вынул нож и отхватил себе изрядную порцию – гораздо больше, чем рассчитывал. Ему досталось целое предплечье, которое он вытащил прямо из-под ног могучего Керчака. Вожак был так занят своей царственной трапезой, что не обратил внимания на этот оскорбительный поступок.

Маленький Тарзан выскользнул из круга борющихся, прижимая к груди добычу.

Среди тех, кто крутился за пределами массы пирующих, был и старый Тублат. Он одним из первых добрался до мяса, утащил в сторону большой кусок, а теперь, расправившись с ним, пробивался за добавкой. Тут он и заметил Тарзана: мальчик выскочил из царапающейся и толкающейся толпы, крепко прижимая к себе кусок мяса. Тублат увидел объект своей давней ненависти, и его близко посаженные, налитые кровью глазки засверкали злобой.

Однако и Тарзан сразу увидел своего главного врага и, догадавшись о его намерениях, молнией помчался вперед, туда, где оставались самки и детеныши, надеясь скрыться среди них. Тублат преградил ему путь. Понимая, что спрятаться не удастся, Тарзан попытался спастись бегством. Он побежал к деревьям и, подпрыгнув, уцепился одной рукой за нижнюю ветку. Затем он ухватил свою добычу зубами и быстро полез вверх, преследуемый Тублатом. Он поднимался все выше и выше на качающуюся вершину могучего дерева, куда его тяжеловесный преследователь уже не осмеливался забраться. Усевшись на ветку, Тарзан принялся выкрикивать насмешки и оскорбления в адрес разъяренного, покрытого пеной зверя, который остановился на пятьдесят футов ниже.

И тогда Тублат впал в неистовство. С ужасным ревом он обрушился на землю, прямо в толпу самок и детенышей, и начал кусать их, норовя запустить свои огромные клыки в тонкие детские шеи и вырывая куски плоти из тел тех, кого ему удавалось схватить.

При ярком лунном свете Тарзан видел все, что происходило во время этого торжества бешенства. Самки и детеныши в ужасе разбежались и забирались на деревья. Затем дошла очередь и до взрослых самцов испытать на себе силу зубов взбесившегося товарища. Тогда все обезьяны поспешно бежали, слившись с тенями окружающего леса.

На поляне осталась только одна самка: она изо всех сил мчалась к дереву, на котором устроился Тарзан, а за ней неся разъяренный Тублат. Это была Кала, и как только Тарзан понял, что Тублат уже почти настиг ее, то ринулся по ветвям вниз, чтобы в случае необходимости помочь своей матери.

Кала подбежала к свешивающимся до земли ветвям дерева. Над ней, на ветвях, притаился Тарзан: он ждал, чем кончится погоня. Кала подпрыгнула и схватилась за ветвь над самой головой Тублата. Казалось, она была уже в безопасности, но тут раздался треск, ветвь обломилась – и самка рухнула прямо на Тублата, сбив его с ног.

Оба мгновенно вскочили на ноги, но еще быстрее спрыгнул на землю Тарзан, и разъяренный зверь оказался лицом к лицу с подростком, заслонившим от него Калу.

Это как нельзя лучше устраивало Тублата. С победным ревом он прыгнул на юного лорда Грейстока. Однако его клыкам было не суждено впиться в загорелое тело. Тарзан выбросил вперед мускулистую руку и вцепился в покрытую шерстью шею зверя, а другой рукой стал наносить удары охотничьим ножом в его широкую грудь. Удары сыпались один за другим и прекратились только тогда, когда Тарзан почувствовал, что огромное тело Тублата обмякло.

Тублат упал бездыханный, и тогда Тарзан из племени обезьян поставил ногу на шею своего злейшего врага и, вскинув голову к луне, огласил джунгли победным криком.

Его соплеменники один за другим спускались с деревьев и садились вокруг Тарзана и его поверженного недруга. Когда все собрались, Тарзан обратился к ним.

– Я Тарзан, – выкрикнул он. – Я великий убийца. Пусть все уважают Тарзана из племени обезьян и Калу, его мать. Нет среди вас никого сильнее Тарзана. Пусть знают об этом его враги.

Взглянув в злобные красные глаза Керчака, юный лорд Грейсток ударил себя кулаком в грудь, и над джунглями еще раз разнесся его пронзительный победный клич.

Глава 8

Охотник на вершинах деревьев

Наутро после обряда Дум-Дум обезьянье племя неспешно двинулось через лес обратно к побережью океана. Тело Тублата осталось лежать там, где он был убит: племя Керчака не ело своих мертвецов.

Отыскивать пищу по пути было очень легко: здесь в изобилии росли и капустные пальмы, и серые сливы, и бананы, и ананасы. Временами удавалось добыть мелких животных, птиц и их яйца, рептилий и насекомых. Орехи обезьяны разгрызали мощными челюстями, а если не получалось, то разбивали двумя камнями.

Встретив однажды львицу, обезьяны тут же рассыпались по деревьям в поисках убежища на верхних ветвях. Сабор с уважением относилась к острым клыкам и многочисленности обезьян, а они, в свою очередь, не меньше уважали ее за силу и свирепость.

Тарзан сидел на невысокой ветке, наблюдая, как медленно, плавно и бесшумно львица продвигается сквозь заросли, гибкая и величественная. Он сорвал ананас и швырнул его в старого врага. Огромная кошка остановилась и, повернув голову, взглянула на того, кто ее дразнил. Она ударила хвостом и обнажила желтые клыки, показав десны. Морда Сабор собралась в складки, а сузившиеся глаза метнули в обидчика стрелы гнева и ненависти. Прижав уши, львица посмотрела прямо в глаза Тарзану из племени обезьян и издала яростное рычание. Сидя в безопасности на нависающей над ней ветке, мальчик ответил ей ужасным боевым воплем своего племени. Еще секунду они глядели друг на друга молча, а затем огромная кошка нырнула в джунгли, и они скрыли ее, как океан поглощает брошенный в него камень.

И в этот момент Тарзану пришел на ум план. Он убил свирепого Тублата – и разве не стал он после этого самым сильным воином? А теперь он должен выследить и убить хитроумную Сабор. Тогда он станет еще и лучшим охотником.

Сын английского лорда давно уже мечтал прикрыть свою наготу тем, что в книгах называлось словом «одежда», ибо он понял по картинкам, что все «люди» носят ее, в то время как «обезьяны» и прочие животные этого не делают. Одежда, следовательно, была знаком силы, она выражала превосходство человека над другими животными – а иначе зачем было носить такие отвратительные вещи?

Много лун тому назад, когда Тарзан был младше, он хотел заполучить шкуру львицы Сабор, или льва Нумы, или леопарда Шиты, чтобы прикрыть свое безволосое тело и больше не напоминать мерзкую змею Хисту. Но теперь-то он гордился своей гладкой кожей, потому что она указывала на принадлежность к могучему роду, и в душе его боролись два желания: ходить обнаженным, как звери, или же подчиниться обычаям того племени, от которого он произошел, и скрыть тело под противной и неудобной одеждой. Он никак не мог принять окончательное решение.

Пока племя обезьян после встречи с Сабор продолжало не спеша двигаться сквозь джунгли, Тарзан обдумывал свой великий план убийства врага, и еще много дней его не занимало ничто другое.

Однако вскоре его отвлекли новые события.

День вдруг превратился в ночь. Все шумы джунглей внезапно смолкли. Деревья стояли неподвижно, словно парализованные ожиданием какого-то великого и неизбежного несчастья. Все в природе замерло, но ждать пришлось недолго. Сначала издали донесся низкий, печальный, слабый стон. Он постепенно приближался, становясь все громче и громче. Огромные деревья вдруг склонились, словно согнутые до земли могучей рукой. Они кренились все ниже и ниже, и по-прежнему не было слышно ничего, кроме низкого и страшного гудения ветра. Затем неожиданно гиганты джунглей распрямились, словно поднимая свои могучие вершины,

чтобы выразить гневный и оглушительный протест. Живой ослепительный свет вспыхнул в быстро несущихся по небу черных облаках. Угрожающе прогремели раскаты грома, и хляби небесные разверзлись над джунглями: с неба полилась вода.

Обезьяны, дрожа от холодного ливня, сбились под кронами больших деревьев. Молнии, раздиравшие темноту, выхватывали яростно раскачивающиеся ветви, потоки воды и гнущиеся стволы. То там, то здесь древний патриарх лесов, разорванный ударом молнии, забрасывал землю бесчисленными ветвями и тяжело валился, увлекая за собой росшие поблизости деревья. Ветви, большие и маленькие, сломанные яростью урагана, проносившегося сквозь колышущееся море зелени, несли смерть и разрушение обитателям леса.

Буря продолжалась без перерыва несколько часов, и все это время обезьяны жались друг к другу и дрожали от страха. Опасаясь погибнуть под валяющимися стволами и ветвями, парализованные блеском молний, оглушенные громом, они представляли собой совсем жалкое зрелище.

А потом гроза внезапно кончилась. Ветер прекратился, показались солнечные лучи, и природа снова засияла улыбкой. Капли стекали с ветвей, листьев, лепестков, все блистало и переливалось в свете возвращающегося дня. И как только мать-природа забыла о буре, забыли о ней и ее дети. Все вернулось на круги своя, как это было до наступления кремешной тьмы.

Именно эта гроза помогла Тарзану объяснить загадку одежды. Он подумал о том, как удобно было бы ему, если бы его тело покрывал толстый мех Сабор! И эта мысль стала еще одним стимулом для осуществления задуманного.

В течение нескольких месяцев племя блуждало в окрестностях бухты, неподалеку от которой находилась хижина Тарзана. Учеба поглощала значительную часть его времени, но, когда он бродил по окрестным лесам, у него наготове всегда была крепкая веревка, и множество мелких животных гибло, став жертвой быстро наброшенной петли.

Однажды эта петля обвилась вокруг короткой шеи кабана Хорты. Зверь рванулся, пытаясь обрести свободу, и Тарзан стремглав полетел вниз с той ветки, на которой сидел в засаде. Владелец могучих клыков развернулся, заслышав шум, а когда увидел перед собой всего лишь молодую обезьяну, на мгновение приник головой к земле и вдруг яростно набросился на застигнутого врасплох Тарзана. Однако тот сумел с обезьяньим проворством снова оказаться в безопасности, на ветке, в то время как Хорта промчался мимо, не задев его.

Этот случай помог Тарзану понять недостатки его необычного оружия. Длинную веревку он потерял, но утешался той мыслью, что если бы на месте кабана оказалась Сабор и если бы это она сорвала его с ветки, то исход поединка был бы совсем другим: можно не сомневаться, что Тарзан потерял бы свою жизнь.

Много дней понадобилось для того, чтобы сплести новую веревку. Когда же она была готова, Тарзан снова вышел на охоту и спрятался на огромной ветви, нависавшей над хорошо утоптанной тропой, которая вела к водопою. Мелкие животные спокойно прошли по этой тропе: Тарзана не интересовала такая пустяковая добыча. Ему хотелось проверить свой замысел на самом сильном звере.

И вот наконец появилась та, кого он ждал. По тропе шла львица, огромная, лоснящаяся, ее гибкие мускулы перекачивались под блестящей шкурой. Она держала голову высоко, не теряя бдительности, а ее длинный хвост медленно и грациозно ходил из стороны в сторону. Все ближе подступала она к тому месту, где Тарзан из племени обезьян притаился на ветке с длинной, свернутой кольцами веревкой в руках.

Подобно бронзовому изваянию, неподвижный, как сама смерть, ждал Тарзан. Сабор показалась прямо под ним. Один шаг, второй, третий – и веревка, вылетев из рук мальчика, обвила львицу. На долю секунды петля задержалась у Сабор на голове, свисая, словно огромная змея, но затем, пока львица глядела вверх, пытаясь понять, откуда же донесся этот свистящий звук, петля опустилась ей на шею. Тарзан резко дернул, туго затягивая петлю на лоснящейся

шее, а затем отпустил веревку и впился обеими руками в ветку, чтобы удержаться, если Сабор сделает рывок.

Сабор попала в западню.

Потревоженный зверь прыгнул в сторону зарослей, но тщетно: Тарзан не собирался терять вторую веревку, как потерял первую. Опыт с кабаном многому его научил. Взившись, львица почувствовала, что петля еще сильнее впилась ей в шею; тело ее вдруг перевернулось в воздухе и тяжело обрушилось на спину: Тарзан еще раньше догадался, что надо прочно привязать свободный конец веревки к стволу того большого дерева, на котором он устроил засаду.

Следуя дальнейшему плану, Тарзан уперся ногами в развилку двух ветвей и принялся что есть мочи тащить аркан на себя. И тут он почувствовал, что ему не по силам сдвинуть это тяжелое, бьющееся, скребущее когтями землю, ревущее тело, состоявшее, казалось, только из железных мускулов и ярости. Он не смог бы, как задумал, поднять Сабор на воздух и повесить на дереве. Вес ее был огромен, и когда она упиралась в землю всеми четырьмя лапами, сдвинуть ее с места мог бы, наверное, только слон Тантор.

Львица снова оказалась на тропе, откуда ей было видно, кто именно посмел нанести такое оскорбление. Издав яростный рык, она высоко подпрыгнула, пытаясь достать Тарзана, но когда огромное тело коснулось ветви, где он сидел, мальчика там уже не было. Он легко вспорхнул на более тонкую ветку, находившуюся от разъяренной львицы не меньше чем в двадцати футах. Какое-то мгновение Сабор цеплялась за нижний сук, в то время как Тарзан смеялся над ней, швыряя сучки и веточки прямо ей в морду. Затем зверь обрушился на землю, и Тарзан снова быстро спустился на нижний сук, чтобы схватить веревку. Однако львица уже поняла, что ее держало – всего лишь какая-то тонкая лиана, – и она перекусила аркан своими огромными челюстями прежде, чем охотник повторно попытался затянуть петлю.

Тарзан был ужасно расстроен. Его хорошо продуманный план был сведен к нулю. Оставалось только кричать на ревущего внизу зверя и дразнить его насмешливыми гримасами.

Сабор расхаживала под деревом еще несколько часов. Четыре раза она пыталась запрыгнуть на дерево, чтобы достать это непонятное существо, танцующее там, наверху. Но с тем же успехом она могла бы поохотиться на неуловимый ветер, шумевший в вершинах деревьев.

В конце концов Тарзану надоело дразнить львицу. Издав на прощание боевой клич и швырнув спелый фрукт, испачкавший Сабор всю ее оскаленную морду, мальчик помчался прочь по ветвям деревьев, держась в сотне футов над землей, и вскоре оказался среди соплеменников.

Словами и жестами он поведал им о своем приключении, и его выпяченная грудь, его гордый вид произвели самое сильное впечатление даже на его заклятых врагов. Что касается Калы, то она даже пустилась в пляс от радости и гордости за сына.

Глава 9

Человек и человек

Тарзан из племени обезьян продолжал жить жизнью джунглей, и немного менялось для него с годами: он только становился сильнее и мудрее, черпая из книг сведения о все более странных мирах, находящихся где-то вдали от знакомых ему первозданных лесов. Однако жизнь никогда не казалась ему однообразной и унылой. В ручьях и небольших озерах можно было ловить рыбу Пайсу. Не давала скучать и Сабор со своей свирепой родней: следовало держаться настороже, что придавало особый вкус любому мгновению, проведенному на земле, а не на деревьях.

Звери часто охотились на Тарзана, но чаще он сам охотился на зверей. Ни разу их острые когти не коснулись его, но много раз оказывались так близко, что от гладкой кожи Тарзана их отделяло расстояние меньше древесного листа. Быстра была львица Сабор, проворны лев Нума и леопард Шита, но Тарзан из племени обезьян – все равно быстрее.

Он подружился со слоном Тантором. Как это произошло? Кто знает... Но только обитатели леса не раз видели, как лунными ночами Тарзан из племени обезьян и слон Тантор прогуливались вместе и в тех местах, где путь был гладким, Тарзан ехал, восседая на могучей спине Тантора.

Много дней он провел в хижине, где по-прежнему лежали нетронутыми кости его родителей и скелет маленького сына Калы. В восемнадцать лет Тарзан хорошо читал и понимал многое из того, что было написано в книгах. Умел писать – быстро и четко, но только печатными буквами. Скоропись он не освоил, хотя среди других драгоценных вещей в хижине были и тетради. Ничего написанного от руки по-английски там не было, и потому он не видел проку в том, чтобы учиться этому.

Итак, в восемнадцать лет мы находим этого потомка английских лордов не говорящим по-английски, но зато способным читать и писать на этом языке. Ни разу в жизни ему не доводилось видеть хотя бы одного человека, кроме самого себя. По той небольшой территории, где кочевало его племя, не протекали крупные реки, и даже дикие туземцы не могли сюда приплыть. Высокие холмы огораживали это место с трех сторон, с четвертой простирался океан. Здесь водились и львы, и леопарды, и ядовитые змеи. В нетронутых лабиринтах густо заросших лесов пока еще не ступала нога отважного первопроходца из числа тех животных, которых называют людьми.

Но однажды, когда Тарзан из племени обезьян сидел в отцовской хижине, погруженный в тайны очередной книги, вечное спокойствие его лесов было нарушено навсегда.

С восточной стороны показалась странная процессия: люди шли один за другим по склону невысокого холма. Впереди выступали пятьдесят черных воинов, вооруженных легкими деревянными копьями, концы которых были обожжены на медленном огне костра и заострены. В руках у них были длинные луки, а в колчанах – отравленные стрелы. За спиной у каждого висел овальный щит, а в носы были продеты большие кольца. Кудрявые свалывшиеся шевелюры дикарей украшали пучки разноцветных перьев. На лбу у каждого имелись наколки в виде трех параллельных цветных линий, а на груди – в виде трех concentрических кругов. Их желтые зубы были остро отточены, а толстые, выдающиеся вперед губы придавали лицам еще более животное и грубое выражение. За воинами двигалось несколько сотен женщин и детей. Женщины несли на головах глиняные горшки, домашнюю утварь и слоновую кость. Позади, в арьергарде, шла еще сотня воинов, внешне ничем не отличавшихся от авангарда.

Порядок построения колонны говорил о том, что туземцы, по-видимому, больше опасались нападения сзади. И действительно это было так, ведь они бежали от солдат белого человека, которые так притесняли их, заставляя собирать каучук и слоновую кость, что однажды

дикари взбунтовались и перебили небольшую военную часть – одного белого офицера и нескольких черных солдат. Много дней туземцы пировали, объедаясь их мясом, но затем куда более сильная группа военных напала на их деревню, чтобы отомстить за смерть своих товарищей. Той ночью черные солдаты белого человека тоже до отвала насытились мясом, и теперь жалкие остатки некогда могущественного племени бежали в глубину мрачных джунглей, предпочитая неизвестность рабству.

Однако то, что означало свободу и стремление к счастью для этих дикарей, одновременно представляло смертельную опасность для множества обитателей джунглей.

В течение трех дней процессия медленно продвигалась вглубь неведомого и непроходимого леса, пока наконец утром четвертого дня дикари не вышли на небольшую поляну на берегу речки. Здешние места показались им не столь заросшими, как те, что они видели до сих пор. Здесь они решили построить новую деревню, и уже через месяц была прорублена большая просека, возведены хижины и ограды, посажены ямс, маис и плантайн, и для туземцев началась привычная жизнь на новом месте. Тут не было белых людей, не было солдат, никто не принуждал их собирать каучук и слоновую кость для жестоких и неблагодарных надсмотрщиков.

Только несколько лун спустя новые жители решились выйти за пределы своей деревни. Двое сразу пали жертвами старой Сабор, и черные воины, убедившись, что джунгли просто кишат свирепыми и кровожадными хищниками, львами и леопардами, перестали отходить от своих безопасных ограждений.

Но как-то раз Кулонга, сын старого короля Мбонги, забрел далеко в джунгли на запад. Он продвигался вперед осторожно и держал наготове в правой руке копье, а левой крепко прижимал к своему лоснящемуся черному телу длинный овальный щит. За спиной у него был лук, а в колчане – множество тонких прямых стрел, обильно смоченных вязкой черной смолянистой жидкостью, которая делала смертельным укол их тончайших игольчатых наконечников.

Кулонга долго шел на запад, и ночь застала его далеко от изгородей отцовской деревни. Чтобы переночевать, он забрался в развилку стволов большого дерева и, устроив там себе что-то вроде гнезда, свернулся и заснул.

А в трех милях к западу от места его ночлега расположилось племя Керчака.

Рано утром обезьяны разбрелись по лесу в поисках пищи. Тарзан, как всегда, направился к своей хижине, надеясь добыть по пути необременительной охотой дневное пропитание еще прежде, чем он выйдет на берег.

Обезьяны разошлись по одному или по двое-трое, но никто из них не заходил слишком далеко – туда, где можно не услышать сигнала опасности.

Кала медленно брела в восточном направлении по тропе, протоптанной слонами, обыскивая попадавшиеся на пути полусгнившие стволы в поисках вкусных жучков и грибов. Вдруг она услышала странный, совсем тихий звук и насторожилась. Тропа, по которой она шла, не сворачивала никуда на протяжении примерно пятидесяти ярдов, и в конце этого естественного, покрытого листвой тоннеля Кала увидела фигуру странного существа, двигавшегося ей навстречу. Это был Кулонга.

Кала не стала долго ждать: она тут же развернулась и быстро двинулась в противоположном направлении по той же тропе. Она не бежала: просто все в ее племени предпочитали обойти возможную опасность стороной, если только не были сильно возбуждены.

Кулонга пошел за ней следом. Он почувствовал мясо. Если убить это животное, можно потом пировать весь день. И он поспешил вперед, готовый в любой момент метнуть копье. Тропа повернула, и Кулонга снова увидел Калу в конце еще одного прямого участка. Он поднял руку с копьем, его мускулы напряглись под гладкой кожей. Рука рванулась вперед, и копье полетело в Калу. Однако бросок был неточен: оружие только оцарапало ей бок.

Издав вопль гнева и боли, обезьяна обернулась к своему обидчику. И тут же затрещали деревья под весом ее соплеменников, спешивших на этот вопль. Кала ринулась на человека,

и тогда Кулонга с невероятной быстротой сдернул с плеча свой лук и наложил на него стрелу. Оттянув тетиву, он пустил отравленное оружие в сердце огромной обезьяны.

С предсмертным криком Кала повалилась вперед прямо на глазах изумленных сородичей.

С ревом и визгом обезьяны кинулись за Кулонгой, но осторожный дикарь уже бежал по тропе со скоростью испуганной антилопы. Он знал о свирепости этих волосатых лесных людей, и его единственным желанием было удрать от них как можно дальше.

Обезьяны преследовали Кулонгу, перепрыгивая с дерева на дерево, довольно долго, но в конце концов постепенно отстали от него и вернулись к месту трагедии.

Тем временем Тарзан, сидевший на пляже неподалеку от своей хижины, услышал отдаленные звуки какого-то столкновения, он понял, что это голоса членов его племени, и поспешил на зов.

Добежав до места, он увидел, что все племя собралось вокруг тела его убитой матери.

Скорбь и гнев Тарзана были безмерны. Он снова и снова выкрикивал свой ужасный боевой клич. Он колотил себя в грудь кулаками, а потом упал на тело Калы и бурными рыданиями облегчил тяжесть своего оставшегося одиноким сердца. Он потерял единственное в мире создание, которое проявляло к нему любовь и привязанность.

Что из того, что Кала была свирепой и уродливой обезьяной? Для Тарзана она была и добра, и прекрасна. На нее он изливал, сам того не понимая, всю почтительную любовь, которую обычный английский мальчик адресовал бы своей матери. Но Тарзан не помнил и не знал другой матери, и Кале досталась та любовь, которая по праву принадлежала бы прекрасной леди Элис, будь та жива.

После первого приступа скорби Тарзан взял себя в руки и разузнал у тех членов племени, которые стали свидетелями убийства, что же произошло. Им удалось объяснить приему Калы главное: странная, лишенная растительности черная обезьяна с перьями, растущими прямо из головы, послала Кале смерть из тонкой ветки, а затем убежала с резвостью оленя Бары в ту сторону, где восходит солнце.

Тарзан не стал ждать. Он вскочил на дерево и помчался по ветвям через лес. Он знал все изгибы слоновьей тропы, по которой убежал убийца Калы, и потому сумел коротким путем через джунгли догнать черного воина, вынужденного следовать за всеми поворотами этого пути. На поясе у Тарзана был охотничий нож, а на плечах – свернутая кольцами веревка, сделанная им самим. Не прошло и часа, как он снова добрался до тропы и, спустившись вниз, внимательно исследовал землю. На мягкой грязи берега ручья он обнаружил следы, подобные которым оставлял только он сам, но эти следы были крупнее.

Сердце Тарзана забилося. Неужели тот, кого он выслеживает, – *человек*, такое же существо, как и он?

На берегу было два ряда следов, и они вели в противоположных направлениях. Значит, тот, кого он преследует, прошел по этой тропе сначала туда, а потом обратно. Разглядывая следы, Тарзан заметил, что один был совсем свежий, а это значило, что цель близка.

Тарзан снова взлетел на дерево и бесшумно понесся над тропой. Не успел он преодолеть и мили, как увидел черного воина, стоявшего на небольшой лужайке. В руке у него был тонкий лук, на который он накладывал одну из своих смертоносных стрел. А перед ним, на другой стороне полянки, пригнув к земле голову, стоял кабан Хорта, и пена капала с его страшных клыков. Он был готов напасть.

Тарзан с удивлением разглядывал странное существо, стоявшее прямо под ним, – столь похожее на него самого и в то же время отличающееся лицом и цветом кожи. В книгах Тарзан видел изображения того, кого называли словом «негр», но мертвые, невыразительные рисунки не шли ни в какое сравнение с этим гладким, полным жизни телом, словно выточенным из

черного дерева. Человек стоял с луком наготове, и Тарзан вспомнил, что так выглядит в книгах «лучник».

Удивительно! При этом открытии Тарзан чуть не выдал себя громким возгласом.

Тем временем внизу разворачивались интересные события. Мускулистая рука оттянула тетиву. Хорта ринулся вперед, и тогда черный человек пустил свою стрелу. Тарзан увидел, как она пронеслась через поляну и впилась в щетинистую шею кабана. Не успела улететь одна стрела, как Кулонга приложил к луку другую. Однако зверь был уже рядом, и у человека не оставалось времени на выстрел. Взвившись в воздух, черный воин перепрыгнул через бешено несущегося зверя, а затем, с невероятной быстротой обернувшись, выпустил вторую стрелу в спину кабану и сразу же запрыгнул на близлежащее дерево. Хорта развернулся, чтобы снова броситься на врага. Он успел пробежать десяток шагов, но затем споткнулся и завалился на бок. Его мышцы судорожно напряглись, потом расслабились, и он затих.

Кулонга слез с дерева. Сняв с пояса нож, он вырезал несколько больших кусков из тела кабана, быстро соорудил костер прямо посреди тропы, поджарил мясо и наелся до отвала. Остаток туши он оставил там, где тот лежал.

Тарзан с большим интересом наблюдал за действиями Кулонги. Желание убить этого человека так и кипело в его диком сердце, но желание научиться чему-то новому оказалось еще сильнее. Он последует за своим врагом дальше и узнает, откуда тот пришел. А убить его можно и позже, когда тот отложит в сторону свой лук и смертельные стрелы.

Окончив трапезу, Кулонга двинулся дальше по тропе и пропал за поворотом. Тогда Тарзан бесшумно соскочил с дерева на землю. С помощью ножа он отделил от туши кабана несколько кусков, но жарить их не стал. Тарзану приходилось видеть огонь, но только тогда, когда молния Ара ударяла в какое-нибудь большое дерево. И его страшно удивило, что кто-то может сам создавать эти красно-желтые языки, которые поглощали древесину, не оставляя ничего, кроме тончайшей пыли. Никак не мог он понять и зачем черный воин решил испортить такой вкусный обед, сунув мясо в разрушительный жар. Наверное, Ара была его союзницей и лучнику надлежало делиться с ней едой. В любом случае Тарзан не собирался так глупо портить хороший кусок мяса. Он съел немало сырой плоти, а остаток туши спрятал рядом с тропой, чтобы отыскать его на обратном пути.

Лорд Грейсток вытер жирные пальцы о свои обнаженные бедра и двинулся вперед по тропе за Кулонгой, сыном короля Мбонги. В то же самое время в далеком Лондоне другой лорд Грейсток, младший брат покойного Джона Клейтона, отца Тарзана, велел отослать отбивные котлеты назад на кухню шеф-повару клуба, решив, что они недостаточно прожарены, а закончив обед, погрузил кончики пальцев в серебряную чашу с благовонной водой и вытер их белоснежным камчатным полотенцем.

Целый день Тарзан преследовал Кулонгу, паря над ним в ветвях деревьев, словно некий злой дух. Еще дважды он видел, как черный воин посылает свои разрушительные стрелы: сначала в гиену Данго, а потом в мартышку Ману. И каждый раз животное умирало почти немедленно, потому что яд Кулонги был свеж и очень силен.

Тарзан много думал об этом удивительном способе убийства, не спеша двигаясь на безопасном расстоянии за своей жертвой. Он понимал, что тоненькое острое стрелы не может так быстро принести смерть диким обитателям джунглей. Ему не раз приходилось видеть, как звери рвут друг друга на части когтями, кусают и терзают, вырываются из драки еле живыми, в крови, но потом часто зализывают раны и продолжают жить. Нет, было нечто таинственное в этих щепках, которые убивали, просто поцарапав врага. Он должен выяснить, в чем тут дело.

В ту ночь Кулонга спал в развилине большого дерева, а высоко над ним крался Тарзан из племени обезьян. И когда Кулонга проснулся, он обнаружил, что его лук и стрелы исчезли. Черный воин был сильно рассержен, но еще больше испуган. Он поискал пропажу на земле под деревом, потом на самом дереве, но не нашел ни лука, ни стрел, ни следов ночного грабителя.

Кулонгу охватила паника. Копье он утратил в схватке с Калой, и теперь, после пропажи лука и стрел, остался безоружным, если не считать висевшего у пояса ножа. Можно было надеяться только на быстроту ног: вернуться в деревню как можно скорее.

Кулонга был уверен, что находится недалеко от дома, и кинулся бежать по тропе. А из гущи непроходимых лесных зарослей в нескольких ярдах от него появился Тарзан из племени обезьян и бесшумно двинулся следом по ветвям деревьев. Лук и стрелы Кулонги он надежно привязал к вершине большого дерева, а затем с помощью ножа содрал с его ствола, поближе к земле, полоску коры и надломил ветку так, чтобы она висела над тропой. Таким способом Тарзан отмечал нужные ему лесные тропы и свои схроны.

Кулонга продолжал двигаться вперед, а Тарзан летел следом почти у него над головой. Свернутую веревку он теперь нес в правой руке: все было готово к нападению. Он немного задержался только для того, чтобы узнать, куда все-таки направляется черный воин, и вскоре был вознагражден за терпение: открылась большая пустошь, в конце которой стояло множество хижин.

В этот момент Тарзан был уже прямо над Кулонгой. Лес кончился, и впереди ярдов на сто простирались засеянные поля, отделяющие деревню от джунглей. Тарзану надо было действовать очень быстро, чтобы добыча не успела уйти. Жизнь приучила Тарзана не оставлять никакого зазора между решением и поступком в тех случаях, когда речь шла об опасности. В такие мгновения в его голове не мелькала даже и тень мысли.

Так было и на этот раз. Когда Кулонга выбежал из-под тени джунглей, с нижней ветви могучего дерева, нависавшей уже над полями, тут же взвилось в воздух кольцо веревки. Сын короля не успел выбежать из леса и на пять шагов, как петля захлестнулась у него на шее.

Тарзан так быстро затянул аркан и потащил Кулонгу назад, что крик о помощи захлебнулся у несчастного в горле. Поочередно работая руками, Тарзан тянул извивающееся тело до тех пор, пока оно не повисло в воздухе. Затем Тарзан забрался еще выше, втягивая за собой, в гущу древесной листвы, все еще живого врага. Там он крепко примотал веревку к ветви и, немного спустившись, вонзил свой охотничий нож прямо в сердце Кулонги. Кала была ошмечена.

Затем Тарзан внимательно осмотрел чернокожего: это был первый человек, которого ему довелось видеть. Тарзана привлек нож с ножнами, висевший на поясе Кулонги, и он забрал его себе. Медный ножной браслет тоже заинтересовал Тарзана, и он надел его на свою ногу. Тарзан изучил татуировку на лбу и груди воина, и она восхитила его. Понравились ему и остро заточенные зубы Кулонги. Тарзан присвоил себе также богатый головной убор из перьев. После этого Тарзан из племени обезьян захотел пообедать: ведь он проголодался, а перед ним было мясо. Он сам убил этого зверя, и закон джунглей разрешал съесть добычу.

Вправе ли мы осуждать этого человека-обезьяну с сердцем, головой и телом английского джентльмена, но воспитанного как дикое животное? Тарзан убил в честном бою ненавистного Тублата, но ему и в голову не приходило, что можно съесть мясо Тублата. Это было бы для него так же отвратительно, как для нас людоедство. Однако кто был Кулонга, чтобы не съесть его плоть так же спокойно, как Тарзан ел мясо кабана Хорты или оленя Бары? Разве это не один из бесчисленных видов диких животных, которые охотятся друг на друга, чтобы насытиться?

Однако странное сомнение остановило руку Тарзана. Он ведь усвоил из книг, что он человек. И этот лучник – человек. Едят ли люди людей? Увы, он не знал ответа. Так откуда же возникли его колебания и сомнения? Он снова поднял нож, но приступ отвращения охватил его. Тарзан сам не понимал, что происходит. Он только знал, что не сможет есть мясо этого черного человека. Передававшиеся по наследству инстинкты, восходящие к глубокой древности, парализовали его ум и спасли его от нарушения принятого во всем мире закона, о существовании которого он не имел ни малейшего понятия.

Быстро спустив тело Кулонги на землю, Тарзан высвободил петлю и исчез в древесной листве.

Глава 10

Призрак страха

С высокой ветки Тарзан озирает расположенную за обработанными полями деревню – ряд крытых соломой хижин. В одном месте лес совсем близко подходил к ней, и именно туда направился Тарзан, движимый лихорадочным желанием собственными глазами увидеть животных того же вида, что и он сам, узнать их повадки и обычаи, а также рассмотреть поближе странные жилища.

Опыт жизни среди диких обитателей джунглей подсказывал Тарзану, что эти существа могут быть ему только врагами. А физическое сходство еще не означало, что первые люди, которых Тарзану довелось повстречать, примут чужака с распростертыми объятиями. Тарзан из племени обезьян ни в коем случае не был сентиментален. Он понятия не имел о братстве людей. Всех, кто не принадлежал к его племени, он считал врагами. Исключение представляли лишь немногие животные, и прежде всего – слон Тантор. И все это Тарзан осознавал без малейшей злобы или ненависти. Убивать – это был закон того дикого мира, в котором он жил. Удовольствий в его жизни имелось совсем немного, и главнейшим из них оказывалась охота. Поэтому Тарзан приписывал другим право иметь те же желания, которые чувствовал сам, даже если видел себя объектом их охоты.

Жизнь не сделала его ни мрачным, ни кровожадным. Его красивое лицо никогда не выражало признаков жестокости. По большей части он охотился ради того, чтобы добыть себе пищу. Ни одно животное не убивает умышленно и при этом совершенно бессмысленно, исключительно ради удовольствия причинить другому страдания и смерть. А когда Тарзан убивал из мести или защищаясь, то был спокоен и серьезен.

И вот теперь Тарзан осторожно подбирался к деревне Мбонги и был готов убить или быть убитым, если его обнаружат. Он действовал с необычной для себя осмотрительностью, потому что встреча с Кулонгой заставила его относиться с большим уважением к острым палочкам, ведь они несли неизбежную смерть.

Наконец он забрался на большое дерево, ветви которого прогибались под грузом тяжелой листвы и кольцами гигантских вьющихся растений. Из этого почти недостижимого для других убежища, расположенного прямо над деревней, он принялся наблюдать за тем, что происходило внизу, удивляясь каждой подробности новой, непонятной жизни.

Там, на деревенской улице, бегали и резвились голые дети. Там были женщины: одни из них измельчали сушеный плантайн в грубых каменных ступах, другие пекли лепешки из получившейся в результате муки. Дальше, в полях, он видел женщин, которые мотыжили землю, сеяли или собирали уже созревшие растения. Все они носили странные широкие набедренные повязки из сухой травы, а руки и ноги многих были украшены латунными или медными браслетами. На темных шеях висели хитро сплетенные проволоки, у нескольких в носах торчали большие цветные кольца.

Тарзан из племени обезьян рассматривал этих странных созданий, и удивление его все росло. Под навесом дремали несколько мужчин, а на дальнем краю поляны он случайно заметил вооруженных воинов, которые, по-видимому, охраняли деревню от внезапных набегов врага. В деревне работали только женщины.

В конце концов он сосредоточил свое внимание на женщине, сидевшей на земле прямо под ним. Перед ней стоял на медленном огне небольшой горшок, а в нем кипела густая маслянистая красноватая жидкость. С одной стороны от женщины лежало множество стрел. Она брала их и опускала наконечниками в кипящую жижу, а потом выкладывала на узкую подставку из веток, стоявшую с другой стороны. Тарзан смотрел как завороченный. Так вот в чем заключалась тайна разрушительной силы метательных снарядов лучника! Он заметил, как

тщательно женщина следила за тем, чтобы жидкость не попала ей на руки. Один раз капля упала на палец, и женщина тут же окунула руку в ковш с водой, а потом быстро вытерла крошечное пятнышко листьями.

Тарзан не имел никакого представления о ядах, но его острый ум подсказал, что убивает именно этот состав. Ему хотелось узнать больше об этом смертоносном оружии. Если бы женщина оставила работу хоть на мгновение, он спрыгнул бы вниз, забрал целую охапку стрел и вернулся бы назад на дерево прежде, чем она успела бы трижды вдохнуть. Он уже обдумывал план, как бы отвлечь ее, но вдруг со стороны лесной тропы раздался громкий крик: один из черных воинов стоял под тем самым деревом, на котором Тарзан час назад повесил убийцу Калы.

Стражник кричал и махал над головой копьем. Он снова и снова указывал на что-то, лежавшее перед ним на земле. В деревне началась суматоха. Вооруженные мужчины выбегали из своих жилищ и сломя голову неслись по полям к бешено орущему стражнику. За ними потянулись старики, женщины и дети – и через несколько минут деревня опустела.

Тарзан из племени обезьян понял, что дикари обнаружили тело убитого лучника, но сейчас важно было другое: человек-обезьяна остался один и никто не мог помешать ему завладеть стрелами. Быстро и бесшумно он спрыгнул на землю рядом с горшком, в котором варился яд. Несколько секунд он стоял совершенно неподвижно, только его блестящие глаза внимательно оглядывали окрестности. Убедившись, что вокруг никого нет, Тарзан вдруг решил осмотреть ближайшее жилище: «Интересно, что там внутри», – и он осторожно приблизился к крытой соломой хижине. Никаких звуков изнутри не доносилось, и Тарзан проскользнул в полутьму человеческого жилья.

По стенам было развешено оружие: длинные копья, необычной формы ножи, а также пара узких щитов. Посередине стоял горшок для приготовления еды, а в дальнем углу лежала куча высушенной травы, на которую сверху была брошена циновка – очевидно, это служило хозяевам постелью и покрывалом.

Тарзан из племени обезьян тщательно изучил все вещи и даже обнюхал их: он обладал тонким от природы и к тому же натренированным обонянием. Юноша взвесил в руке копье, и ему захотелось взять себе такую длинную заостренную палку. Но забрать копье и стрелы за один раз было невозможно.

Снимая одну за другой висевшие на стене вещи, незванный гость кидал их в центр комнаты. Поверх всего он водрузил перевернутый горшок, а на него положил один из черепов, украсив его головным убором из перьев, принадлежавшим покойному Кулонге. Потом отошел и с улыбкой оглядел свою работу, – ему понравилась собственная шутка.

Вдруг снаружи послышались сразу несколько голосов: туземцы скорбно завывали. Тарзан вздрогнул. Неужели теперь не убежать? Он быстро подошел к двери и выглянул. Туземцев было пока не видно, но их голоса становились все слышнее: процессия пересекала засеянные поля. Тарзан как вихрь устремился к месту, где лежали стрелы. Он набрал их столько, сколько мог унести под мышкой, ударом ноги опрокинул кипящий горшок и исчез в густой листве дерева как раз в ту секунду, когда колонна туземцев приблизилась к воротам, ведущим в деревню. Тарзан стал наблюдать за происходящим из своего укрытия, готовый, подобно птице, улететь при первом признаке опасности.

На дальнем конце улицы показалась процессия. Впереди четверо воинов несли тело Кулонги. Следом шли женщины, они рыдали и причитали. Дикари направлялись к жилищу Кулонги – той самой хижине, в которой Тарзан все перевернул вверх дном.

С полдюжины туземцев вошли внутрь, но тут же выскочили обратно в диком замешательстве. Остальные столпились вокруг них. Все жестикулировали, указывая на хижину, и что-то кричали. Затем несколько воинов снова подошли к дому и заглянули в дверь. Наконец внутрь решился зайти один из них: старый туземец со множеством металлических украшений на руках

и ногах и с ожерельем из высушенных кистей человеческих рук на груди. Это был король Мбонга, отец Кулонги.

Несколько минут все молча ждали, пока Мбонга не вышел на улицу. Его отвратительное лицо выражало гнев и суеверный страх. Он сказал что-то воинам, и те бросились обыскивать все дома и обследовать каждый уголок за оградами. Почти сразу же они обнаружили перевернутый горшок с ядом, а также исчезновение отравленных стрел. Ничего больше найти не удалось, и это напугало дикарей, которые снова собрались вокруг своего короля.

Однако и Мбонга не знал, чем объяснить странные события. Тело Кулонги нашли еще теплым, в непосредственной близости от деревни, на краю поля, и с такого расстояния он мог криком позвать на помощь. Кулонгу зарезали и ограбили чуть ли не на пороге отцовского дома. Это само по себе было загадочно, но последние находки были сделаны уже в самой деревне, в хижине мертвого Кулонги, и они наполнили сердца туземцев ужасом, пробудив в их сознании самые дикие предрассудки. Собравшись по двое-трое, они переговаривались тихими голосами и испуганно, с выпученными глазами оглядывались по сторонам.

Тарзан из племени обезьян наблюдал за ними некоторое время со своего высокого дерева. Многого в их поведении он не мог понять: ему были неведомы предрассудки, а о том, что такое страх, он имел самое смутное представление.

Солнце поднялось уже высоко. За целый день Тарзан еще ничего не ел, и ему предстояло преодолеть несколько миль до того места, где лежали остатки туши кабана. Поэтому он покинул деревню Мбонги и растворился в густой листве джунглей.

Глава 11

Король обезьян

Тарзан успел вернуться в племя еще до наступления темноты, хотя по дороге пришлось дважды останавливаться: в первый раз – чтобы откопать и съесть остатки туши убитого накануне вепря, а во второй – чтобы забрать лук и стрелы Кулонги, спрятанные на вершине дерева. Нагруженный трофеями, Тарзан тяжело спрыгнул с ветвей прямо в толпу обезьян.

Горделиво выпятив грудь, он принялся рассказывать о своих приключениях и демонстрировать добычу. Керчак недовольно зарычал и отвернулся: он завидовал этому странному члену племени. В маленьком и злом мозгу вожака роились мысли о том, какой бы найти предлог для того, чтобы обрушить на Тарзана свой гнев.

На следующее утро, на рассвете, Тарзан вышел поупражняться с луком и стрелами. Поначалу он все время бил мимо цели, но постепенно научился направлять эти узкие щепочки в нужном направлении и меньше чем через месяц уже хорошо стрелял. Правда, это учение стоило ему почти всего запаса стрел.

Племя Керчака по-прежнему обитало неподалеку от хижины: здесь было легко найти пропитание. Тарзан то практиковался в стрельбе из лука, то продолжал знакомиться с тем небольшим набором книг, которые когда-то привез сюда его отец.

Именно в это время юный английский лорд отыскал затерявшуюся в глубине одного из стенных шкафов небольшую железную коробочку. В замке торчал ключик, и Тарзану понадобилось всего несколько секунд, чтобы успешно справиться с новой задачей и открыть шкапулку. Внутри он обнаружил выцветшую фотографию молодого человека с безволосым лицом, золотой медальон, украшенный бриллиантами и соединенный с золотой же цепочкой. Кроме того, там лежало несколько писем и записная книжка. Тарзан все это внимательно осмотрел.

Фотография понравилась ему больше всего: глаза человека излучали веселье, а открытое лицо вызывало симпатию. Это был его отец. Медальон тоже привлек внимание Тарзана. Он повесил цепочку себе на шею, подражая в этом чернокожим, которые украшали свои тела. А вот понять содержание писем Тарзан не сумел: не смог разобрать рукописный текст. Поэтому он просто положил эти листки бумаги в коробочку и обратился к записной книжке.

Она была почти вся исписана тонким четким почерком. Жучки казались знакомыми, но их расположение и сочетания – странными и совершенно непонятными. Тарзан уже задолго до этого случая научился пользоваться словарем. Однако, к его огорчению, словарь в данном случае был бесполезен: в нем не нашлось ни единого слова из числа написанных в книжке. Вздыхнув, Тарзан положил ее обратно в шкапулку.

Он не знал, что книжица содержала ключ к загадке его происхождения, к загадке всей его жизни. Это был дневник Джона Клейтона, лорда Грейстока: по своей старой привычке он вел его по-французски.

Хотя Тарзан и спрятал фотографию в шкапулку, в его памяти запечатлелись черты мужественного, но улыбающегося лица, и он твердо решил, что раскроет тайну непонятных слов в черной книжке. Однако в ближайшее время ему предстояло более важное дело: запас стрел иссяк и нужно было снова посетить деревню чернокожих, чтобы завладеть новыми.

Рано утром Тарзан пустился в путь. Он передвигался очень быстро и к середине дня оказался возле деревни. Заняв уже знакомую позицию на гигантском дереве, Тарзан снова, как и раньше, увидел женщин, работающих в поле и проходящих по единственной улице деревни, а также кипящий прямо под ним горшок с ядом.

Несколько часов он сидел тихо, ожидая возможности бесшумно спуститься вниз и подобрать то, за чем он пришел: стрелы. Но на этот раз ничто не отвлекало обитателей деревни от их повседневных занятий. Время шло, а Тарзан из племени обезьян так и сидел скорчив-

шись на ветке, над головой ничего не подозревающей женщины, которая хлопотала у горшка. Наконец работницы потянулись с полей домой. Показались из джунглей и мужчины-охотники. Когда все зашли внутрь ограды, ворота закрыли на засов.

Теперь в деревне кипело уже множество горшков: жители готовили пищу. Перед хижинной женщины варили похлебку и пекли лепешки из плантайна и маниока.

Вдруг с северного края поляны донесся какой-то крик. Тарзан взглянул туда. Партия припозднившихся охотников возвращалась в деревню. Они не то вели, не то тащили за собой какое-то упирающееся животное. Вот охотники подошли ближе, ворота распахнулись, чтобы их принять, и все остальные дикари издали вопль радости: добычей оказался человек. Он все еще сопротивлялся, когда его тащили по улице, причем женщины и дети колотили его палками и осыпали камнями.

Наблюдая это зрелище, Тарзан из племени обезьян, юный и дикий, не мог не подивиться бессердечной жестокости той породы животных, к которой, по-видимому, принадлежал и сам. Из всех обитателей джунглей только леопард Шита мучает свою добычу. Мораль остальных требует быстрой смерти жертвы.

Из книг Тарзан сумел почерпнуть лишь разрозненные сведения о человеческих обычаях. Когда он двигался вслед за Кулонгой к людям, то ожидал увидеть странные дома на колесах и густые клубы дыма, вырывающиеся из большого дерева, вставленного в крышу, или же море, покрытое качающимися на нем домами, которые назывались «л-о-д-к-и», «с-у-д-а» или «п-а-р-о-х-о-д-ы». Каково же было его разочарование, когда он увидел крошечное поселение, затерявшееся в его родных джунглях: деревню, где не было ни единого дома крупнее, чем его собственная хижина на отдаленном берегу.

Он понимал теперь, что эти люди куда злее, чем обезьяны из его племени. Они неистовы и жестоки, как сама Сабор. И в глазах Тарзана эти существа пали так низко, что он уже не мог относиться к ним с уважением.

Чернокожие привязали свою несчастную жертву к столбу, поставленному в самом центре деревни, прямо напротив жилища вождя Мбонги, и принялись с воплями скакать вокруг в

боевом танце – размахивая сверкающими ножами и потрясая копьями. Более широкий круг образовали женщины: они сидели на корточках, орали и били в бубны. Все это напоминало обряд Дум-Дум, и Тарзан уже знал, что произойдет дальше, и лишь гадал: а не накинута ли эти звери на мясо еще до того, как пленник умрет? Обезьяны так никогда не делали.

Круг воинов все теснее смыкался возле добычи: они продолжали дикий танец под оглушающий грохот бубнов. И вот первое копьё дотянулось до жертвы и кольнуло ее. Это был сигнал, за которым последовали уколы всех остальных копий, а их было не менее пятидесяти. Глаза, уши, руки и ноги пленника оказались проколоты. Каждый дюйм корчащегося тела, если только это не было место, удар в которое лишал жизни, сделался целью для безжалостных дикарей. Женщины и дети визжали от радости. Воины уже облизывали свои мерзкие губы в предвкушении скорого пиршества и соперничали в отвратительной жестокости, пытая жертву, по-прежнему не терявшую сознания.

Тут Тарзан из племени обезьян понял, что настал тот миг, которого он так ждал. Все дикари были поглощены захватывающим зрелищем. Уже стемнело, наступила безлунная ночь, и лишь огни недалеких костров, которые жгли участники оргии, бросали свой тревожный свет на жуткую сцену.

Гибкий юноша бесшумно спустился на мягкую землю в самом конце улицы. Он живо собрал стрелы, на этот раз все до единой, поскольку принес с собой веревки, чтобы связать добычу. Не торопясь, он аккуратно стянул воедино стрелы, а затем, прежде чем исчезнуть, решил позабавить духа своеволия, живущего в его сердце. Тарзан огляделся: какую бы шутку сыграть с этими уродливыми созданиями, чтобы они снова почувствовали и запомнили его приход?

Он положил связку стрел у подножия дерева, а сам бесшумно проследовал по темной стороне улицы до той самой хижины, в которой уже побывал раньше. Внутри царил полная тьма, но он вскоре сумел нащупать то, что искал, и сразу, без промедления кинулся к двери. Но тут послышались чьи-то шаги, и в дверном проеме выросла фигура женщины.

Тарзан отступил в тень, сжав рукоять длинного и острого охотничьего ножа, некогда принадлежавшего его отцу. Женщина быстро вошла в дом. Она пыталась отыскать какую-то вещь, которая, по-видимому, не была положена на свое место. Продолжая поиски, женщина все ближе перемещалась в ту сторону, где прятался Тарзан. Она была уже так близко, что юноша чувствовал тепло ее обнаженного тела. Он поднял кинжал, но тут у женщины вырвался гортанный звук, означавший, что ее поиски увенчались успехом. Негритянка выбежала из хижины, и в дверном просвете Тарзан увидел, что в руках у нее был глиняный горшок для варки пищи.

Он подошел к выходу и, прячась в тени, разглядел, что все женщины деревни спешили к своим хижинам и вскоре появлялись с большими и маленькими горшками. Налив в них воды, женщины возвращались к кострам, разведенным вблизи от несчастного пленника, который по-прежнему висел на столбе, теперь уже совершенно безвольно.

Выбрав момент, Тарзан пробрался к большому дереву в конце деревни, где оставил стрелы. Как и в прошлый раз, он опрокинул горшок с ядом, а затем ловко, по-кошачьи запрыгнул на нижние ветви лесного гиганта. Он бесшумно взобрался ввысь и устроился в развилке ствола, откуда сквозь просвет в листьях можно было наблюдать за происходящим внизу.

Женщины резали тело пленника и складывали куски в свои горшки, а мужчины стояли поодаль, отдыхая после безумств. В деревне наступила тишина.

Тарзан поднял над головой то, что притаил из хижины. Он был с детства привычен к бросанию в цель фруктов и кокосов и потому не промахнулся, угодив точно в группу дикарей. Что-то ударило одного из воинов по голове и сбilo с ног. Предмет покотился по земле мимо женщин и остановился рядом с наполовину разделанным телом, которым собирались полакомиться дикари. Несколько секунд все в оцепенении смотрели на этот предмет, а затем, словно по команде, бросились рассыпную по домам.

Это был человеческий череп. Как мог он упасть прямо с неба? Событие глубоко потрясло суеверные души дикарей. А Тарзан из племени обезьян покинул их, исполненных страха перед этим новым доказательством присутствия злой невидимой силы, обитавшей в окружающих их деревьях джунглей.

Позднее дикари снова обнаружили перевернутый горшок и пропажу стрел и решили, что оскорбили могущественное божество, построив в здешних местах деревню и не умиловив предварительно хозяина. С тех пор они начали ежедневно оставлять под гигантским деревом, где пропали стрелы, жертвоприношения в виде пищи, чтобы успокоить могущественного духа. Но семена страха были посеяны, и Тарзан, сам того не ведая, уже совершил то, что привело в дальнейшем к несчастьям и для его племени, и для него самого.

Ночь Тарзан провел в лесу, неподалеку от деревни, а наутро не спеша отправился домой, задерживаясь по пути, чтобы поохотиться. Однако ему досталось только немного ягод и личинок, так что он чувствовал голод.

Увлеченный поиском пищи, Тарзан не сразу заметил львицу. Она стояла на тропе всего в двадцати шагах от него и облизывалась. Огромные желтые глаза были полны злобы.

Тарзан и не пытался убежать. Наоборот, он обрадовался встрече, которой искал уже много дней. Теперь он был вооружен не одной только сплетенной из травы веревкой. Он быстро вытащил из-за спины лук и вложил хорошо смазанную ядом стрелу. Когда Сабор, прыгнув, была уже на полпути к цели, крошечная щепочка впиалась в нее. И в то же мгновение Тарзан из племени обезьян отпрянул в сторону. Огромная кошка приземлилась позади него, и сразу же еще одна смертоносная стрела впиалась ей в бедро.

С оглушительным ревом зверь развернулся и бросился на добычу еще раз. Но его ждала третья стрела – она попала Сабор в глаз. Однако теперь львица оказалась слишком близко от человека-обезьяны, и Тарзан не успел отступить в сторону от летящей на него туши. Тело Сабор придавило его к земле, но он смог вонзить в него свой сверкающий нож. Несколько мгновений они лежали без движения, и Тарзан вдруг понял, что Сабор уже никогда не будет представлять угрозы ни для человека, ни для обезьяны.

С трудом он выбрался из-под гигантской туши, поднялся на ноги и гордо осмотрел свою добычу. Мощная волна радости накрыла Тарзана.

Выпятив грудь, он поставил ногу на тело поверженного врага и, откинув назад свою прекрасную голову, издал обезьяний победоносный крик. Джунгли эхом откликнулись на эту дикую песнь. Птицы притихли, а крупные животные и хищные звери поспешно и неслышно скрылись: немногие из них решались вступить в схватку с большими человекообразными обезьянами.

А тем временем в Лондоне другой лорд Грейсток выступал с речью, обращаясь к себе подобным, заседающим в палате лордов, и никто не дрожал, заслышав звук его голоса.

Мясо львицы было неприятным на вкус даже для Тарзана, но голод заставил его забыть о жесткости и дурном запахе. Спустя некоторое время человек-обезьяна насытился и мог позволить себе отдых и сон. Но прежде он решил снять с львицы шкуру: в первую очередь из-за нее Тарзан добивался смерти Сабор. Он ловко отделил шкуру от мяса – ему и раньше приходилось это делать, правда с куда меньшими животными. Когда дело было сделано, он забросил шкуру на развилку ствола высокого дерева, а сам, свернувшись поудобнее, заснул глубоким сном.

Утомленный поединком, Тарзан проспал почти сутки и пробудился только на следующий день. Первым делом он направился к туше львицы и был очень раздосадован, когда обнаружил, что от нее остался один скелет: мясо обглодали голодные обитатели джунглей.

Через полчаса неспешной прогулки по лесу Тарзан набрел на олененка, и прежде чем тот почуял врага, в его шею впиалась острая стрела. Яд подействовал быстро: не успел олененок сделать и десяти шагов, как замертво рухнул головой в кусты. Тарзан снова утолил голод, однако спать на этот раз не стал.

Вместо этого он поспешил туда, где обитало его племя. Дойдя до места, он гордо предъявил обезьянам шкуру львицы.

– Глядите! – закричал он. – Обезьяны из племени Керчака! Глядите, что сделал Тарзан, могучий убийца. Кто из вас сумел убить льва? Тарзан сильнее вас всех. Тарзан – не обезьяна. Тарзан...

Но тут он осекся, поскольку в языке обезьян не существовало слова «человек», а Тарзан умел только писать это слово по-английски, но не знал, как оно произносится.

Все племя собралось вокруг него, чтобы взглянуть на доказательства невероятной доблести и послушать, что скажет Тарзан. Один только Керчак оставался в стороне, еле сдерживая гнев и ненависть. Внезапно что-то изменилось в крошечном и злом мозгу человекообразного. Издав страшный рев, зверь ринулся на своих соплеменников. Пуская в ход клыки, он убил и покалечил не меньше дюжины из них, прежде чем остальные сумели скрыться на верхних ветвях деревьев. С пеной на губах, с дикими воплями Керчак осматривался вокруг, разыскивая предмет своей величайшей ненависти, пока наконец не увидел Тарзана, сидевшего на ветвях росшего неподалеку дерева.

– А ну спускайся сюда, Тарзан, великий убийца! – крикнул Керчак. – Спускайся, и ты узнаешь, что такое клыки сильнейшего! Разве могучие бойцы скрываются на деревьях при виде опасности?

И Керчак испустил вопль, которым обезьяны вызывали соперника на бой. Тарзан не торопясь спрыгнул на землю.

Все племя, затаив дыхание, следило из своих безопасных укрытий за тем, как Керчак, не прекращая реветь, пошел на противника, казавшегося намного слабее. Выпрямившись в полный рост на своих коротких ногах, Керчак достигал высоты в семь футов. На его широких плечах выдавались гигантские мускулы. Его шея сливалась с туловищем в единую массу, из которой торчала небольшая голова. Керчак продолжал рычать, приоткрывая огромные клыки. В маленьких и злобных глазках пылала безумная ярость.

Тарзан стоял спокойно, ожидая его. Человек-обезьяна был мускулист, но рост его составлял всего шесть футов, а его сильные, играющие под кожей мышцы казались сейчас жалкими и неспособными выдержать предстоящее испытание.

Лук и стрелы лежали немного в стороне – там, где Тарзан положил их, когда показывал шкуру Сабор своим соплеменникам, и потому приходилось вступать в схватку с мощным противником, имея в качестве оружия лишь охотничий нож.

Увидев, что рычащий враг приближается, лорд Грейсток вытащил из ножен свой длинный нож и, ответив на вызов не менее чудовищным рычанием, кинулся вперед, в атаку. Он понимал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Керчак обхватил его своими длинными волосатыми лапами. Как только их тела сблизились, Тарзан схватил врага за лапу и с размаха погрузил нож по самую рукоятку в тело Керчака ниже сердца. Прежде чем он успел вынуть и снова вонзить кинжал, огромная обезьяна попыталась обхватить его, и это движение заставило Тарзана отпустить нож.

Керчак хотел нанести удар в голову противника открытой ладонью. Если бы этот удар достиг цели, он наверняка проломил бы Тарзану череп. Однако человек успел пригнуться и сам изо всех сил ударил Керчака кулаком в живот. Тот пошатнулся. Рана была смертельной, однако Керчак еще боролся: он вырвал лапу, которую держал Тарзан, и вошел в клинч со своим гибким противником. Керчак притягивал обезьяну-человека все ближе к себе, чтобы своими страшными челюстями схватить Тарзана за горло. Но сильные пальцы юного лорда начали душить Керчака раньше, чем острые клыки вонзились в гладкую кожу. Борьба продолжалась. Один из соперников пытался лишить другого жизни с помощью жутких зубов, другой держал врага за горло, не давая покрытой пеной морде дотянуться до себя. Керчак был явно мощнее, он напрягал все силы и понемногу брал верх. Зубы его были уже всего в одном дюйме от глотки Тарзана. И вдруг по телу Керчака прошла дрожь, он замер на мгновение, а затем безвольно опустился на землю. Керчак был мертв.

Тарзан из племени обезьян вынул из раны врага кинжал, который так часто помогал ему одерживать верх над существами куда более сильными, чем он сам, и поставил ногу на шею поверженного врага. И снова джунгли огласил громкий и яростный крик победителя.

Так юный лорд Грейсток стал королем обезьян.

Глава 12

Человеческий разум

Среди подданных Тарзана был один, осмеливавшийся оспаривать его власть: Теркоз, сын Тублата. Этот зверь боялся острого ножа и смертоносных стрел нового владыки и потому решался выражать недовольство только непослушанием и мелкими проделками. Однако Тарзан знал, что враг только и ждет возможности нанести неожиданный удар или совершить иное предательство, чтобы лишить власти, а значит королю обезьян следовало всегда быть начеку.

В течение долгих месяцев жизнь маленького племени продолжалась прежним порядком, если не считать того, что Тарзан, с его умом и талантом охотника, сумел обеспечить сородичей куда более обильным пропитанием, чем раньше. Поэтому большинство членов племени были вполне довольны переменой власти.

Ночами Тарзан выводил их в поля, принадлежавшие чернокожим, и там, ведомые высшей мудростью вождя, они наедались досыта, при этом даже не уничтожая того, что не могли съесть, в отличие от большинства человекоподобных. И хотя чернокожие досадовали на то, что их поля постоянно подвергаются набегам, но не прекращали обрабатывать землю, а это непременно случилось бы, если бы Тарзан отдал плантации своим соплеменникам на разграбление.

Тарзан часто пробирался по ночам в деревню, чтобы пополнить свой запас стрел. Он заметил, что у подножия дерева, прыгая с которого он проникал за ограду, всякий раз лежит еда. Спустя какое-то время Тарзан решил съесть пищу, принесенную чернокожими. А дикари убедились, что еда исчезает по ночам, и это наполнило их души страхом и трепетом. Одно дело – оставить дары божеству или злему духу, а совсем иное – узнать, что дух и впрямь явился за ними в деревню. Это было нечто неслыханное ранее, и суеверные умы чернокожих обитателей деревни наполнились разными смутными опасениями.

К тому же дикари видели, что стрелы время от времени исчезают и невидимые руки устраивают странные проделки. Это сделало их жизнь невыносимой, и в конце концов вождь Мбонга и старейшины племени стали поговаривать о том, что надо покинуть деревню и поискать другое место для жизни – где-нибудь в глубине леса.

Вскоре черные воины стали заходить в лес все дальше на юг, в сердце джунглей. Они охотились и одновременно присматривали место для строительства новой деревни. Дикое спокойствие первозданного леса нарушилось, ни птице, ни зверю не стало покоя, – пришел человек. Раньше если на охоту выходили свирепые звери, то их более слабые соседи только на время убегали куда-нибудь недалеко, чтобы вернуться на привычные места, когда минует опасность. Но с человеком все было иначе. Если он появлялся, то многие животные, повинаясь инстинкту, уходили совсем, почти никогда не возвращаясь. То же делали и большие человекообразные обезьяны. Они бежали от человека, как сам человек бежит от эпидемий.

В течение какого-то времени племя Тарзана продолжало обитать в окрестностях маленькой бухты, поскольку их новый вождь не хотел навсегда покидать драгоценные сокровища, хранящиеся в хижине. Но как-то раз одна из обезьян обнаружила, что дикари уже бродят по берегам ручья, куда племя много лет приходило на водопой. Чернокожие расчищали заросли и возводили свои хижины, и обезьянам не оставалось ничего иного, как уйти. Тарзан повел их вглубь континента, и племя сделало много переходов, прежде чем отыскало пригодное место, где не было никаких следов человека.

Как-то в лунный месяц Тарзан отправился по ветвям деревьев назад, чтобы провести целый день со своими книгами, а также пополнить запас стрел. Последнее с каждым разом становилось все сложнее, поскольку чернокожие стали прятать стрелы в свои амбары и хижины, и Тарзану приходилось выслеживать, куда дикари их отнесли. Дважды он пробирался в темноте в хижины и, пока их обитатели спали на своих циновках, забирал стрелы чуть ли не из-под

носа у воинов. Однако это было слишком опасно, и Тарзан стал ловить одиноких охотников с помощью своего длинного смертоносного аркана. Он отбирал у них оружие и украшения, а тела бросал с высоты прямо на деревенскую улицу в самые тихие ночные часы. Все это навело на дикарей священный ужас. Они очень быстро покинули бы и новую деревню, но Тарзан совершал свои набеги нечасто, и после каждого из них чернокожие успевали обрести надежду, что вторжение не повторится.

Дикари еще не наткнулись на хижину Тарзана у отдаленной бухты, но человек-обезьяна жил в постоянном страхе, что однажды хижина будет обнаружена и разграблена племенем Мбонго. Поэтому он проводил все больше времени поблизости от последнего прибежища своего отца и все меньше – со своим племенем. В конце концов это сказалось на жизни обезьян: их постоянные споры и ссоры мог разрешить миром только вождь, а он часто отсутствовал. Наконец старейшины племени заговорили об этом с Тарзаном, и он в течение целого месяца неотлучно оставался в племени.

Обязанности правителя у человекообразных не слишком обременительны. Например, к Тарзану явился Така, чтобы пожаловаться на старого Мунго, который увел его новую жену. В таких случаях Тарзан собирал всех на суд, и если выяснялось, что жена предпочитает своего нового хозяина, то все оставалось как есть или принималось решение, что новый муж должен отдать прежнему одну из своих дочерей в качестве компенсации. Как бы ни было, обезьяны подчинялись решению Тарзана беспрекословно и возвращались к своим делам вполне довольные. Или же с криком прибегала Тана, держась за раненый бок, откуда текла кровь. Гунто, муж, жестоко ее покусал! Вызванный на суд Гунто объявлял, что Тана ленится, не приносит ему орехов и жучков и не чешет ему спину. Тогда Тарзан ругал обоих и грозил Гунто, что тот отведает смертоносных палочек, если еще раз обидит Тану, а Тане, в свою очередь, велел лучше исполнять супружеские обязанности. Так и протекала жизнь. Маленькое племя все время раздирали ссоры, и если бы не нашлось того, кто способен все уладить, оно быстро распалось бы.

Тарзана сильно утомляли эти заботы, он скоро понял, что королевские привилегии имеют оборотную сторону: ограничение свободы. Он мечтал о своей крепкой, прохладной хижине у залитого солнцем моря и о нескончаемом чуде чтения книг.

Когда Тарзан стал старше, стало ясно, что он во всех смыслах перерос соплеменников. Их интересы никак не пересекались. Обезьяны не поспевали за его развитием и не могли понять странные и чудесные мечтания, по временам охватывавшие человека. А Тарзан не мог рассказать им о множестве новых истин, которые открывало ему чтение, или о желаниях, поднимавшихся в его душе. У него больше не было друзей среди членов племени. В раннем детстве Тарзан находил себе компанию среди этих простодушных созданий, но с годами в нем усилилась потребность отыскать друга, близкого интеллектом. Если бы Кала была жива, Тарзан пожертвовал бы всем, чтобы остаться рядом с ней, но она умерла, а товарищи по детским играм выросли и превратились в свирепых и угрюмых зверей, и Тарзан чувствовал, что предпочел бы утомительным обязанностям вождя дикой орды спокойствие и одиночество в своей отдаленной хижине.

Ненависть и зависть Теркоза, сына Тублата, были важными причинами, которые противодействовали желанию Тарзана отказаться от звания короля обезьян. Упрямый молодой англичанин не мог позволить себе отступить перед лицом такого злобного врага. Кроме того, он хорошо понимал, что именно Теркоза выберут вождем вместо него: снова и снова этот яростный зверь утверждал свое физическое превосходство над теми немногими самцами, которые осмеливались противиться его нападкам.

Тарзану хотелось победить уродливого зверя, не прибегая ни к охотничьему ножу, ни к стрелам. Повзрослев, он стал очень ловок и силен. Тарзан мечтал одолеть грозного Теркоза один на один, без оружия, но могучие клыки давали обезьяне преимущество над безоружным

человеком. Однако судьба распорядилась по-своему: Тарзан оказался свободен в выборе и мог оставаться королем или отказаться от этого звания, ничем не запятнав своей репутации.

А случилось следующее.

Племя спокойно занималось поисками пищи, распределившись по довольно большой территории. Тарзан, лежа на берегу ручья, пытался руками выловить ускользающую рыбешку. Вдруг обезьяны услышали какие-то вопли. Все помчались в ту сторону, откуда неслись крики, и увидели Теркоза, держащего за волосы старую самку, он немилосердно избивал ее.

Приблизившись, Тарзан поднял руку, приказывая Теркозу остановиться: самка принадлежала бедному старому самцу, дни боевой славы которого уже давно миновали, и теперь он не мог защитить свое семейство. Теркоз знал, что поступает наперекор обычаям племени, когда колотит чужую самку, но он был драчуном и не преминул воспользоваться слабостью мужа. Теркоз накинулся на самку, когда та отказалась поделиться пойманным ею грызуном. Увидев, что приближается Тарзан со своими стрелами, Теркоз тем не менее не перестал молотить кулаками бедную старуху: очевидно, он хотел бросить вызов ненавистному вождю.

Тарзан решил не повторять свой предупредительный сигнал, а просто кинулся на Теркоза. Самец этого ждал. Никогда еще не доводилось человеку-обезьяне вступать в столь страшную битву, если не считать случая с Болгани, великим королем горилл, когда найденный Тарзаном нож по чистой случайности поразил сердце грозного врага. Но сегодня охотничий нож Тарзана был плохой защитой от сверкающих клыков Теркоза. Обезьяна имела некоторое преимущество в силе, но оно уравнивалось ловкостью и живостью человека. Тем не менее шансы на победу были скорее на стороне Теркоза, и если бы не личные качества Тарзана, лорда Грейстока, то он погиб бы так же, как и жил, – безвестным дикарем где-то в джунглях Экваториальной Африки. Однако Тарзан обладал разумом, возвышавшим его над всеми обитателями джунглей, в этом и заключалась разница между человеком и животным. Именно разум спас Тарзана от верной смерти, которую несли железные мускулы и яростные клыки Теркоза.

Прошло всего несколько секунд битвы, и соперники покатались по земле, беспощадно терзая друг друга. Два зверя сошлись в смертельной схватке. Теркоз получил целую дюжину

ножевых ранений в голову и грудь. Тарзан тоже обливался кровью: соперник едва не скальпировал его, вырвав кусок кожи, который теперь, свешиваясь на лоб, закрывал один глаз. Но тем не менее потомку английского лорда по-прежнему удавалось удерживать страшные клыки врага на расстоянии от своей шеи. Противники на несколько секунд ослабили хватку, чтобы отдышаться, и тогда Тарзан придумал хитрый план. Надо переместиться на спину сопернику и, удерживаясь там с помощью зубов и ногтей, пустить в ход нож – бить врага, пока тот не умрет. Осуществить задуманное оказалось легче, чем Тарзан думал: тупое животное не сделало ничего, что могло бы предотвратить план соперника. Но когда Теркоз наконец понял, что противник занял выгодную позицию, при которой его нельзя достать ни зубами, ни кулаками, то кинулся на землю с такой яростью, что Тарзану приходилось только отчаянно держаться за содрогающееся, крутящееся, извивающееся тело обезьяны. Прежде чем Тарзан успел что-либо сделать, нож был выбит из его руки сильным ударом о землю. Человек остался безоружным.

Какое-то время они катались, извиваясь. Хватка Тарзана то и дело слабела, пока в конце концов во время всех этих быстрых и непрерывных поворотов одна случайность не позволила ему совершить правой рукой действие, которое и принесло победу. Тарзан просунул руку под мышкой Теркоза и захватил шею соперника сзади. Это был полунельсон – прием современной борьбы, который Тарзан применил самостоятельно, и высокий интеллект сразу же подсказал ему, что это ценное открытие. В настоящий момент решался вопрос жизни и смерти. Тарзан напрягся, чтобы сделать то же самое левой рукой, и через несколько секунд мощная шея Теркоза уже трещала под напором полного нельсона.

Теперь они уже не перекатывались. Оба лежали совершенно неподвижно, Тарзан – на спине Теркоза. Голова обезьяны пригибалась все ниже и ниже к груди. Тарзан знал, чем это кончится: еще секунда – и шея обезьяны переломится.

«Если я его убью, – думал Тарзан, – что я от этого получу? Племя лишится могучего бойца. Если Теркоз умрет, он все равно не поймет моего превосходства, в то время как, оставшись в живых, он послужит примером для других обезьян».

Человеческая способность рассуждать не только помогла Тарзану одолеть соперника, но и спасла Теркозу жизнь.

– Ка-года? – прошипел Тарзан на ухо Теркозу.

На языке обезьян это означало: «Сдаешься?»

Теркоз секунду помедлил с ответом, и Тарзан надавил на его шею еще сильнее, так что огромное животное вскрикнуло от боли.

– Ка-года? – повторил Тарзан.

– Ка-года! – крикнул Теркоз.

– Послушай, – сказал Тарзан, ослабляя хватку, но все еще не отпуская противника. – Я Тарзан, король обезьян, могучий охотник, могучий боец. Нет во всех джунглях никого столь же сильного. Ты сказал «ка-года», и это слышало все племя. Никогда больше не ссорься со своим королем и со своим племенем, ибо в следующий раз я тебя убью. Понял?

– Хух, – выразил согласие Теркоз.

– Хватит с тебя?

– Хух.

Тарзан отпустил его, и через несколько минут все уже разбрелись на поиски пищи, словно ничего особенного и не случилось в тот день в первозданных лесах. Но в глубине сознания обезьян укрепилось убеждение, что Тарзан – могучий боец и вместе с тем странное создание. Странное, поскольку мог убить врага, но отпустил его живым.

В тот же день, когда племя собралось вместе перед закатом, Тарзан, уже омывший свои раны в воде ручья, призвал к себе старых самцов.

– Сегодня вы снова видели, что Тарзан из племени обезьян – величайший среди вас, – сказал он.

– Хух, – согласились все единогласно. – Тарзан велик.

– Тарзан, – продолжил он, – не обезьяна. Он не такой, как вы. У него другие обычаи, и потому Тарзан отправляется к лежищу ему подобных возле вод великого озера, у которого нет дальнего берега. А вы должны выбрать кого-то другого себе в правители, потому что Тарзан не вернется.

Так юный лорд Грейсток сделал первый шаг к поставленной цели – найти подобных ему самому белых людей.

Глава 13

Ему подобные

На следующее утро Тарзан, прихрамывая и все еще страдая от ран, полученных в битве с Теркозом, отправился на запад, в сторону океанского берега. Он передвигался очень медленно, переночевал в джунглях и достиг своей хижины лишь наутро. В течение нескольких дней он почти не выходил из дома, только чувство голода заставляло его покидать пределы жилища, чтобы собрать немного фруктов и орехов. Через десять дней Тарзан был снова здоров, если не считать ужасного, еще не залеченного шрама, который от левого глаза поднимался к затылку, а заканчивался у правого уха. Это была отметина, оставленная Теркозом, когда тот пытался содрать с Тарзана скальп.

Мех львицы, в который человек-обезьяна попробовал закутаться, пока болел, оказался для этого совершенно непригоден. Тарзан обнаружил, что шкура стала твердой как камень, ведь она не была должным образом обработана. Но Тарзан не собирался отказываться от давно лелеемого плана – обзавестись одеждой.

Тогда он задумал похитить одеяние у кого-нибудь из чернокожих жителей деревни. Тарзан из племени обезьян решил, что нужно всеми возможными способами подчеркивать свое отличие от животных, и главными внешними признаками человека он считал украшения и одежду. Именно поэтому Тарзан снимал браслеты с рук и ног черных воинов, попадавших в его быструю и неслышную петлю, а потом носил их так же, как чернокожие. На шее у него висела золотая цепочка с украшенным бриллиантами медальоном его матери, леди Элис. За спиной был колчан со стрелами на кожаном ремне – еще один трофей, взятый у побежденного дикаря. На талии Тарзан носил пояс из полосок необработанной кожи – его он сделал сам, чтобы повесить самодельные ножны с отцовским охотничьим ножом. Длинный лук, некогда принадлежавший Кулонге, висел у Тарзана на левом плече.

Юный лорд Грейсток имел несколько воинственный вид. Свои длинные черные волосы, ниспадавшие на плечи, Тарзан подрезал спереди ножом, чтобы они не ограничивали поле зрения. Его стройная, совершенная фигура, мускулистая, как у римских гладиаторов, но в то же время с тонкими, изящными линиями, как у статуй греческих богов, с первого взгляда внушала мысль о невиданной силе, гибкости и скорости. Тарзан из племени обезьян был настоящим воплощением первобытного человека, охотника и воина. Стройный, широкоплечий, с чистыми и ясными глазами, выражающими жизнелюбие и ум, он напоминал некоего полубога, перед которым должны были склониться воинственные дикари древних лесов.

Но ни о чем подобном Тарзан не думал. Он был очень озадачен тем, что у него нет одежды. Всем в джунглях следовало бы знать: Тарзан – человек, а не обезьяна. При этом сын английского лорда беспокоился: а не может ли он в будущем превратиться в обезьяну? Разве не начала пробиваться растительность на его лице? У всех обезьян лица покрыты волосами, а вот черные люди остаются совершенно безволосыми, за редкими исключениями. Тарзан, конечно, видел в книгах изображения людей с большим количеством растительности на губах, щеках и подбородке, и все-таки его терзали страхи. Почти каждый день он натачивал и без того острый нож и старательно избавлялся от своей молодой бородки, чтобы отличаться от обезьян. Так он научился бриться – пусть грубо и доставляя себе мучения, но тем не менее чисто.

Оправившись после кровавой битвы с Теркозом, Тарзан однажды утром решил снова наведаться в деревню Мбонги. Он беспечно шагал по вьющейся через джунгли тропе, вместо того чтобы передвигаться по ветвям деревьев, как вдруг столкнулся с черным воином. Лицо дикаря исказилось гримасой удивления, почти комичной, и прежде чем Тарзан успел достать из-за спины свой лук, чернокожий пустился бежать прочь, громко выкрикивая предупреждения об опасности.

Тарзан вскочил на дерево и пустился в погоню. Через несколько секунд он увидел людей, отчаянно уносящих ноги. Их было трое, они неслись друг за другом, пробираясь сквозь кусты и подлесок. Тарзан легко их нагнал, а они при этом даже не заметили, что кто-то наверху, по ветвям, уже обогнал их. Не увидели они Тарзана и когда он оказался на низко нависшей над тропой ветви, под которой им предстояло пробежать.

Тарзан пропустил двух первых дикарей, а третьего, как только он приблизился, бесшумная петля ухватила за горло. Одним рывком Тарзан туго затянул аркан. Заслышав хрип агонирующей жертвы, товарищи обернулись и увидели, как сопротивляющееся тело, словно по воле какого-то волшебства, поднимается вверх, в густую древесную листву. С криками ужаса они пустились прочь еще быстрее, уповая на спасение.

Тарзан расправился со своим пленником ловко и тихо, затем снял с него оружие, украшения, а также – это было радостнее всего – отличную набедренную повязку из оленьей кожи, которую тут же нацепил на себя. Теперь Тарзан был одет так, как полагалось человеку, и никто не смог бы усомниться в его высоком происхождении. Как ему хотелось бы теперь вернуться к своему племени и покрасоваться перед обезьянами, отмечая их завистливые взгляды, в этом чудесном наряде!

Перекинув труп дикаря через плечо, Тарзан не торопясь двинулся вперед по деревьям по направлению к обнесенной оградой деревне: ему снова требовались стрелы. Подойдя на близкое расстояние, он разглядел, как возбужденные дикари толпились вокруг сбежавших от него воинов. Те, дрожа от страха, с трудом подбирали слова, чтобы описать свое приключение. По их словам, третий дикарь – его звали Мирандо – немного обогнал их. Потом он вдруг кинулся обратно с воплями: на него напал какой-то белый обнаженный воин. Все трое что было сил пустились назад в деревню. И вдруг раздался еще один вопль Мирандо, исполненный ужаса, и открылось страшное зрелище: тело Мирандо улетало вверх, в гущу листвы, причем его руки и ноги дергались, молотя по воздуху, а язык высунулся из открытого рта. Звуков он больше не издавал, и никаких живых существ поблизости видно не было.

Жители деревни смертельно испугались, однако мудрый старый Мбонга отнесся к этому рассказу скептически и решил: беглецы все выдумали, чтобы оправдать свой страх перед какой-то реальной опасностью.

– Вы сплели нам эту историю, – объявил он, – только потому, что не осмелились сказать правду. Вы боитесь признаться, что лев прыгнул на Мирандо, а вы убежали, бросив товарища. Вы трусы.

Мбонга еще не успел договорить, как вдруг послышался треск ветвей на деревьях, возвышавшихся над собравшимися, и дикари задрали головы в новом приступе ужаса. Они увидели такое, что содрогнулся даже старый мудрый Мбонга: вниз летело, переворачиваясь и извиваясь, мертвое тело Мирандо. С тяжким звуком оно шлепнулось на землю под ноги дикарям. Все чернокожие как один кинулись врассыпную и вскоре скрылись под сенью джунглей.

А Тарзан беспрепятственно вошел в деревню, снова обновил свой запас стрел, а также отдал пищи, с помощью которой дикари пытались его умиловить. Прежде чем покинуть деревню, он отволоч тело Мирандо к воротам и прислонил его к ограде изнутри таким образом, будто мертвый всматривается в тропу, которая ведет от ворот в джунгли.

После этого Тарзан вернулся в хижину, останавливаясь по дороге, чтобы поохотиться.

Дикари предприняли не меньше дюжины попыток вернуться в собственную деревню, но всякий раз пугались и не решались пройти мимо мертвеца, который скалился, глядя прямо на них. Когда же они обнаружили, что пища и стрелы исчезли, то окончательно уверились: Мирандо встретил злого духа джунглей. Это давало логическое объяснение случившемуся. Погибали только те, кто видел ужасного бога. Разве кто-либо вернулся живым в деревню после того, как повидал его? Нет. Следовательно, все, кто умер от рук духа, видели его и заплатили за это своими жизнями. Если же они будут снабжать духа стрелами и пищей, то он их не тронет,

но только в том случае, если они не станут на него смотреть. Мбонга приказал, чтобы отныне и до скончания времен духу Мунанго-Кивати (так они его называли) оставляли дары – еду и стрелы.

Если вам когда-нибудь доведется побывать в этой африканской деревне, то вы увидите, что перед маленькой тростниковой хижинкой, построенной на самой окраине, и по сей день стоит глиняный горшочек, куда местные жители ежедневно кладут пищу, а рядом – колчан с густо смазанными ядом стрелами.

Тарзан добрался до своей хижины, и тут его глазам открылось необычное зрелище. На тихих водах бухты покачивался огромный корабль, а у берега находилась маленькая лодка.

Но самым удивительным было то, что между берегом и хижинкой сновали белые люди – такие же, как он сам. Тарзан сразу увидел, что они во многих отношениях напоминают тех, кто нарисован в книгах. Он подобрался поближе и стал наблюдать за ними с дерева. Там было десять человек – загорелых и самого злодейского вида. Они собрались возле лодки и разговаривали громко и гневно, помогая себе жестами и потрясая кулаками. В конце концов один из них, маленького роста, чернобородый, с противным лицом, напомнившим Тарзану крысу Памбу, положил руку на плечо стоявшему рядом с ним гиганту, с которым все спорили и ссорились. Маленький человек показал куда-то в глубину джунглей, и великану пришлось обернуться, чтобы посмотреть в том направлении. Как только он повернулся, человечек с противным лицом выхватил из-за пояса револьвер и выстрелил гиганту в спину. Большой человек вскинул руки над головой, колени его подкосились, и, не издав ни звука, он свалился на песок мертвым.

Действие этого оружия, которое Тарзан видел впервые, вызвало у него удивление, но даже этот непривычный звук не смог заставить его вздрогнуть и впасть в панику. Он был поставлен в тупик поведением незнакомцев. Тарзан хмурил брови, пытаясь разгадать загадку. «Хорошо, что я не поддался первому порыву, – думал он, – и не бросился к белым, чтобы приветствовать их как братьев». Они, по всей видимости, ничем не отличались от чернокожих. Эти люди были не более цивилизованны, чем обезьяны, а жестокостью не уступали львице.

Какое-то время все стояли молча, глядя то на человечка с неприятным лицом, то на тело великана, лежащее на песке. Потом один из них захохотал и хлопнул человечка по спине. Все снова принялись оживленно болтать и жестикулировать, но при этом уже не ссорились. В конце концов они столкнули в воду лодку, сели в нее и направились к большому кораблю, на палубе которого Тарзан увидел еще несколько человек.

Когда люди из лодки поднялись на корабль, Тарзан соскочил на землю, а потом пробрался в свою хижину. Проскользнув в дверь, он обнаружил, что жилище разграблено. Книги и карандаши валялись на полу. Оружие, щиты и другие его сокровища были раскиданы. Все это наполнило его гневом, и недавно полученный шрам на лбу вдруг явственно проступил ярко-красной полосой на загорелой коже.

Тарзан подбежал к шкафу и принялся рыться в дальнем углу на нижней полке. Ага! Он облегченно вздохнул, нащупав там свою шкатулку, а потом еще раз – когда убедился, что его главные сокровища остались нетронутыми. Фотография улыбающегося, но строгого молодого человека и маленькая загадочная книжица в черном переплете были целы.

Но что это? Его чуткий слух уловил слабый незнакомый звук. Он подбежал к окну, выходящему на гавань, и увидел, что с корабля спускали еще одну лодку. Люди стали перебираться в лодки. Они возвращались на берег с удвоенными силами.

Тарзан наблюдал, как с корабля перегружают в лодки какие-то коробки и узлы, а потом обе лодки направились к берегу. Тогда человек-обезьяна взял лист бумаги и написал четкими, почти безупречными печатными буквами несколько строчек. Получившуюся записку Тарзан прикрепил к двери хижины при помощи острой щепки. Затем, забрав с собой драгоценную шкатулку, стрелы, а также сколько смог унести луков и копий, он исчез в джунглях.

Обе лодки врезались в серебряный прибрежный песок, и из них высадились чрезвычайно странная компания. Из двадцати человек пятнадцать, вероятно, были моряками. Они имели довольно неопрятный и злодейский вид. А вот остальные пятеро принадлежали к совсем другому сорту.

Один из них – седовласый сутулый человек, он носил очки в толстой оправе и был облачен в плохо сидящий, хотя при этом безукоризненно чистый сюртук, на его голове красовался сверкающий цилиндр (менее подходящей одежды для африканских джунглей нельзя найти). Второй – высокий молодой человек в белом парусиновом костюме. Следом за ним из лодки вылез еще один пожилой человек, он вел себя крайне беспокоенно. За ними появилась огромная негритянка, одетая в платье всех цветов радуги. Ее выпученные от страха глаза глядели то на джунгли, то на банду моряков, которые с руганью выгружали из лодок баулы и коробки. Последней шла девушка лет девятнадцати. Молодой человек в парусиновом костюме, стоявший у носа лодки, подхватил ее и перенес на сушу. Она поблагодарила его смелой и милой улыбкой, но не сказала при этом ни слова. Так же молча компания направилась к хижине. Повидимому, решение об их участии было принято еще до того, как все покинули корабль.

Прибывшие направились к хижине: моряки – нагруженные поклажей, а пятеро других – налегке. Пираты сгрузили коробки и баулы, и тут один из них заметил оставленную Тарзаном записку.

– Эй, смотрите! – вскричал он. – Это еще что такое? Клянусь брюхом, этого не было тут еще час назад!

Остальные столпились у двери, вытягивая шеи и стараясь разглядеть записку. Однако никто из моряков не умел читать. После нескольких неудачных попыток разобрать буквы один из моряков обратился к маленькому старичку в цилиндре и сюртуке.

– Эй, перфесор! – позвал он. – А ну поди сюда! Прочти-ка эту чертову надпись.

Услышав такое обращение, старик не спеша направился туда, где стояли моряки, а за ним последовали и другие члены его компании. Поправив очки, он взглянул на объявление, а затем отвернулся и зашагал прочь, бормоча себе под нос:

– Весьма примечательно!

– Эй ты, старая галоша! – крикнул моряк, ранее позвавший его на помощь. – Ты что думаешь, мы тебя позвали просто так? А ну иди сюда и читай вслух, чучело!

Пожилой господин остановился и, обернувшись, произнес:

– Ах, простите ради бога, дорогой сэр! Такая рассеянность с моей стороны... Да, рассеянность. Весьма примечательно!

Он снова подошел к записке и прочитал ее про себя. Нет сомнений, что затем профессор снова направился бы на прогулку, чтобы поразмыслить о ее содержании, если бы моряк не схватил его за шиворот и не гаркнул в самое ухо:

– Читай вслух, старый идиот!

– Ах, да-да! – откликнулся профессор и, поправив очки, прочел: – *«Это дом Тарзана, убийцы зверей и многих негров. Не портите вещей Тарзана. Тарзан все видит. Тарзан из племени обезьян».*

– Какой еще, к дьяволу, Тарзан? – вскричал моряк, заставивший профессора прочесть записку.

– По крайней мере, он говорит по-английски, – заметил молодой человек.

– Но что значит «Тарзан из племени обезьян»? – спросила девушка.

– Не знаю, мисс Портер, – ответил молодой человек. – Возможно, мы столкнулись с человекообразной обезьяной, сбежавшей из Лондонского зоопарка, которая принесла европейское образование в свои родные джунгли? Что вы скажете, профессор Портер? – обратился он к старику.

Профессор Архимед Кью Портер поправил очки.

– Да-да, в самом деле весьма примечательно! – объявил он. – Но мне нечего прибавить к тому, что я уже сказал, для разъяснения этого действительно значительного происшествия.

И профессор неспешной походкой двинулся напрямиком в джунгли.

– Но, папа, – крикнула ему вслед девушка, – ты же пока вообще ничего не сказал!

– Ну-ну, деточка, ну-ну, – откликнулся профессор Портер добродушным и снисходительным тоном, – не забивай свою хорошенькую головку такими серьезными и трудными проблемами.

И он снова медленно пошел прочь – на этот раз в другом направлении, глядя в землю перед собой и скрестив руки за спиной на фалдах сюртука.

– Верно, старый осел знает про это дело не больше, чем мы, – проворчал моряк с неприятным лицом.

– А ну-ка придержи язык! – воскликнул молодой человек, побледнев от гнева при этих словах. – Вы убили своих офицеров и ограбили нас. Мы полностью в вашей власти, но если ты не будешь относиться к профессору Портеру и мисс Портер с должным почтением, я переломлю твою поганую шею голыми руками, и плевать мне на твои пистолеты!

С этими словами молодой человек шагнул к моряку так решительно, что тот отступил в замешательстве, хотя за поясом у него торчали два револьвера и большой нож.

– Проклятый трус! – крикнул молодой человек. – Ты не решишься выстрелить до тех пор, пока к тебе не повернутся спиной. И даже после этого ты не осмелишься.

И он демонстративно повернулся спиной к моряку и беспечно пошел от него прочь, словно подвергая испытанию. Рука негодя потянулась к рукоятке револьвера, его злобные глазки сверкнули, а лицо приняло мстительное выражение. Однако товарищи пристально смотрели на него, и потому он колебался. На самом деле моряк был еще бульшим трусом, чем представлялось мистеру Уильяму Сесилу Клейтону.

В это время с растущего поблизости дерева пара глаз внимательно следила за каждым движением тех, кто высадился на берегу. Тарзан заметил, какое смятение вызвала его записка, и хотя он не мог понять ничего из слов этих странных людей, их жесты и выражения лиц говорили ему об очень многом.

После того как моряк убил своего товарища, Тарзан почувствовал к нему сильную неприязнь, а сцена ссоры убийцы с молодым человеком еще больше усилила это чувство. Никогда раньше Тарзану не приходилось видеть и слышать выстрелов из огнестрельного оружия, хотя из книг и можно было почерпнуть кое-что на эту тему. Когда моряк коснулся пальцами рукоятки револьвера, Тарзан уже ожидал, что грянет выстрел и молодой человек будет застрелен, как был убит огромный моряк. Поэтому Тарзан достал отравленную стрелу и прицелился в моряка с неприятным лицом. Однако листва в том месте, где Тарзан сидел, была такая густая, что стрела, задев листья или какую-нибудь веточку, не попала бы в цель. Тогда Тарзан убрал стрелу в колчан и, встав на своем высоком насесте, пустил во врага тяжелое копьё.

Итак, Клейтон шел, моряк наполовину вытащил свой револьвер, а другие члены банды стояли и молча смотрели, что будет. Профессор Портер уже скрылся где-то в чаще леса, за ним направился беспокойный Сэмюель Ти Филандер, его секретарь и ассистент. Негритянка Эсмеральда занималась тем, что сортировала багаж, выхватывая из общей кучи вещи своей хозяйки. Мисс Портер двинулась было за Клейтоном, но что-то заставило ее посмотреть на моряка.

И тут случились три события одновременно. Моряк вытащил револьвер и прицелился Клейтону в спину, мисс Портер предостерегающе вскрикнула, и длинное копьё с металлическим наконечником, как молния, вылетело откуда-то сверху и проткнуло правое плечо моряка-убийцы. Револьвер выпал в воздух, не причинив никому вреда, а негодяй закричал от боли и страха.

Клейтон тут же вернулся обратно. Испуганные моряки стояли с оружием на изготовку, всматриваясь в заросли. Раненый вскрикивал, корчась на земле. Клейтон незаметно поднял выпавший револьвер и сунул его за пазуху, а затем присоединился к группе моряков, которые в полном замешательстве продолжали вглядываться в джунгли.

– Кто бы это мог быть? – шепотом спросила Джейн Портер.

Она подошла к молодому человеку, глядя на него широко раскрытыми глазами.

– Должно быть, Тарзан из племени обезьян действительно наблюдает за нами, – ответил он несколько неуверенно. – Интересно только, кому предназначалось это копье. Если Снайпсу, то, значит, эта обезьяна наш друг.

Тут юный Клейтон огляделся и вскричал:

– О господи, да где же ваш отец и мистер Филандер? Там в джунглях прячется кто-то вооруженный. Эй! Профессор! Мистер Филандер!

Ответа не последовало.

– Что же делать, мисс Портер? – спросил молодой человек. Лицо его выражало смещение. – Я ведь не могу бросить вас тут одну с этими головорезами, а в джунгли со мной вы, конечно, идти не должны. Но кому-то надо отправиться на поиски вашего отца. Он вполне способен зайти куда угодно, невзирая на опасности, а мистер Филандер только чуть-чуть более практичен, чем он. Простите мою прямооту, но я вынужден сказать: наши жизни здесь в опасности, и если мы сумеем вернуть вашего отца, то надо каким-то образом внушить ему, что, проявляя такую рассеянность, он подвергает риску не только себя, но и вас.

– Полностью с вами согласна, – ответила девушка. – И я совершенно не обижена. Милый папа пожертвует своей жизнью ради меня без малейшего колебания, если только сможет хоть на секунду сосредоточиться на столь несерьезном предмете. Есть лишь один способ обеспечить его безопасность: приковать его цепью к дереву. Ах, он так непрактичен!

– Ага, кажется, я знаю, что делать! – воскликнул вдруг Клейтон. – Вы ведь умеете стрелять из револьвера?

– Да, а что?

– У меня он есть. С револьвером и в присутствии Эсмеральды вы будете в относительной безопасности, пока я разыскиваю вашего отца и мистера Филандера. Давайте зовите ее поскорее, и я отправлюсь в путь. Они еще недалеко ушли.

Джейн именно так и поступила, и как только Клейтон удостоверился, что женщины надежно заперлись в хижине, подошел к морякам, которые уже вынули копье из раны своего товарища. Клейтон спросил, не одолжат ли они ему на время поисков профессора в джунглях револьвер. Раненый моряк, успокоившись, что жив, обрел и прежнюю наглость. Он разразился градом проклятий и от имени своих товарищей грубо отказал Клейтону. Этот человек, по имени Снайпс, занял место главаря после убийства прежнего командира. Но с тех пор прошло еще мало времени, и товарищи пока что подчинялись ему и не оспаривали его власть. Клейтон лишь пожал плечами, однако, уходя, прихватил с собой копье, пронзившее Снайпса. Вооруженный этим первобытным оружием, сын тогдашнего лорда Грейстока направился в чащу леса.

Через каждые несколько шагов он громко выкрикивал имена заблудившихся. Женщины, спрятавшиеся в хижине, слышали, как эти призывы становились все тише и тише, пока наконец совсем не слились с мириадами шумов первобытного леса.

Когда профессор Архимед Кью Портер и его помощник Сэмюэль Ти Филандер, после настойчивых уговоров последнего, наконец вознамерились вернуться назад, в лагерь, они уже совсем потерялись в диком и запутанном лабиринте джунглей, хотя сами об этом еще не подозревали. Из чистого каприза судьбы они направились в сторону западного побережья Африки, а не в направлении Занзибара, находящегося по другую сторону темного континента. Немного погодя они вышли на берег и принялись гадать, где же их лагерь. Филандер уверенно утвер-

ждал, что надо идти на юг, хотя на самом деле хижина Тарзана была всего в двух сотнях ярдов к северу.

Ни один из непрактичных теоретиков не сообразил крикнуть погромче, чтобы привлечь внимание своих товарищей. Вместо этого мистер Сэмюель Ти Филандер, сделав выводы на основании ложной посылки, подхватил профессора Архимеда Кью Портера под руку и, несмотря на протесты старого джентльмена, потащил его по направлению к Кейптауну, расположенному в полутора тысячах миль к югу.

Когда Джейн и Эсмеральда оказались в безопасности за дверью хижины, их первое желание было забаррикадироваться изнутри. Они стали осматривать помещение. И тут Эсмеральда вскрикнула от ужаса. Словно испуганный ребенок, она уткнулась лицом в плечо своей хозяйки. Джейн обернулась и увидела, что прямо на полу лежит скелет мужчины. Еще один скелет был обнаружен на кровати.

– Что за ужасное место! – сказала пораженная девушка.

Но страх ее не был паникой. Освободившись после некоторых усилий от истерических объятий рыдающей Эсмеральды, Джейн подошла к колыбельке, уже догадываясь о том, что увидит. Крошечный скелетик открылся ей в своей жалостной хрупкости. О какой ужасной трагедии говорили эти кости! Девушка содрогнулась при мысли о судьбе, которая, может быть, предстояла ей самой и ее друзьям в этой злосчастной хижине, полной призраков загадочных и не исключено, что враждебных существ. Топнув ножкой, она поскорей отогнала прочь мрачные предчувствия и, обернувшись к Эсмеральде, велела той не реветь.

– Прекрати, Эсмеральда, прекрати немедленно! – воскликнула она. – От этого становится только хуже.

Джейн произнесла эти слова с дрожью в голосе: она подумала о трех мужчинах, от которых зависела и которые блуждали сейчас в дебрях этого жуткого леса.

Вскоре девушка обнаружила, что на двери есть засов в виде тяжелого деревянного бруса, и женщины совместными усилиями сумели поставить его на место – впервые за последние двадцать лет.

После этого Джейн и Эсмеральда сели на скамью и, взявшись за руки, стали ждать.

Глава 14

Во власти джунглей

Клейтон углубился в джунгли, а моряки принялись обсуждать, что им делать дальше. В одном они были согласны: надо скорее возвращаться на стоящий на якоре «Эрроу», – по крайней мере, на корабле их не настигнут копыта неизвестного врага. И пока Джейн Портер и Эсмеральда баррикадировались в хижине, трусливая шайка головорезов изо всех сил гребла по направлению к кораблю на двух лодках, ранее доставивших их на берег.

Тарзан повидал за этот день столько невероятных вещей, что голова у него шла кругом. Но самым удивительным из всего увиденного оказалось прекрасное лицо белой девушки. Наконец-то Тарзан нашел ту, которая принадлежала к его племени, – теперь он был в этом уверен. И молодой человек, и оба старика тоже вполне соответствовали представлениям Тарзана о своем народе. Но эти люди показались ему такими же свирепыми и жестокими, как и все остальные, кого ему довелось встречать в жизни. Только отсутствие у них оружия объясняло, по мнению Тарзана, тот факт, что они до сих пор никого не убили. Но если дать им оружие, все резко изменится. Тарзан, разумеется, заметил, что молодой человек подобрал выпавший из рук раненого Снайпса револьвер и спрятал на груди, а потом потихоньку передал револьвер девушке, когда та входила в хижину.

Тарзан пока не понимал причин всех этих событий, однако ему почему-то нравился и молодой человек, и два старика, а что касается девушки, то он чувствовал к ней странную, непонятную тягу. Большая черная женщина, тоже вызывавшая симпатию, по-видимому, была как-то связана с девушкой. А вот моряки, и в особенности Снайпс, заставляли Тарзана негодовать. По их угрожающим жестам и злобному выражению лиц можно было понять, что они враждебно настроены к пятерым изгнанникам, и потому Тарзан решил не спускать с матросов глаз.

Еще его очень удивило, что двое пожилых мужчин направились куда-то в джунгли. При этом Тарзану и в голову не приходило, что они могут заблудиться в лабиринте джунглей, который ему самому казался ясным и простым, как вам – главная улица вашего родного города.

Увидев, что моряки сели в лодки и двинулись к кораблю, а девушке и ее спутнице ничего не грозит в хижине, Тарзан решил последовать за молодым человеком в лес и посмотреть, что же тот ищет. Он быстро помчался по веткам в том направлении, куда ушел Клейтон, и вскоре услышал вдали крики англичанина, звавшего своих друзей.

Наконец Тарзан настиг белого: совсем выдохшийся, он сидел, прислонясь к дереву, и вытирал пот со лба. Человек-обезьяна, надежно укрывшись за завесой листвы, уселся на ветку и принялся внимательно рассматривать человека, так похожего на него самого. Время от времени Клейтон оглядывался и кричал, и до Тарзана дошло, что англичанин ищет стариков. Тарзан и сам уже собрался было отправиться за ними, но тут краем глаза заметил в листве проблеск лоснящейся желтой шерсти: кто-то осторожно подкрадывался к Клейтону.

Это был леопард Шита. Тарзан слышал, как мягко шелестит трава, и удивлялся: почему же молодой человек не насторожится? Неужели он не замечает столь громкого сигнала опасности? Шита вел себя сегодня на редкость неуклюже. Однако белый человек ничего не слышал. Шита подобрался для прыжка, и тут же тишину джунглей рассек пронзительный и ужасный крик – боевой вызов обезьяны. Шита развернулся и исчез в подлеске.

Клейтон, вздрогнув, вскочил на ноги. Кровь похолодела у него в жилах. Ни разу в жизни не приходилось ему слышать столь пугающий вопль. Он не был трусом, но каждому человеку доводилось когда-либо чувствовать страх, когда холодный ужас сжимает сердце. Для Уильяма Сесиля Клейтона, старшего сына английского лорда Грейстока, таким днем стал первый проведенный в африканских джунглях.

Этот жуткий вопль, донесшийся сверху, и затем треск кустов от прыжка на землю какого-то большого тела сильно напугали Клейтона. Однако он не мог и предположить, что кричал не кто иной, как его кузен, самый настоящий лорд Грейсток.

Время близилось к вечеру, и Клейтон, обескураженный и сникший, не знал, как лучше поступить: следует ли продолжать поиски профессора Портера, рискуя собственной жизнью ночью в джунглях, или же надо вернуться в хижину, где он хотя бы сумеет защитить Джейн от опасностей, подстерегающих со всех сторон. Ему не хотелось возвращаться, не отыскав ее отца, но он содрогался от одной мысли, что Джейн может оказаться в руках мятежников с «Эрроу» или подвергнуться любой из сотен угроз, которые таят в себе джунгли.

А может быть, профессор и Филандер уже вернулись в лагерь? Да, это вполне вероятно. По крайней мере, не лучше ли сходить и посмотреть, чем продолжать бесполезные поиски. И он направился через густой подлесок туда, где, как ему казалось, находилась хижина.

К удивлению Тарзана, молодой человек углублялся в джунгли, причем шел прямо по направлению к деревне Мбонги, и проницательный ум подсказал человеку-обезьяне, что незнакомец просто заблудился. Тарзан с трудом мог в это поверить, к тому же Клейтон отправился в деревню свирепых дикарей, вооруженный одним только копьем, к которому, кстати, был непривычен, судя по тому, как неловко его держал. Почему-то этот странный человек не пошел по следу, оставленному стариками: пересек его и взял вправо, хотя след был свежий и Тарзан ясно его чувствовал. Все это для Тарзана было необъяснимо. Беззащитный незнакомец очень скоро сделается легкой добычей для обитателей джунглей, если не направить его в сторону бухты. Ну да, вот и лев Нума уже крадется в дюжине шагов справа.

Клейтон все-таки услышал, как какое-то большое животное пробирается сквозь чащу где-то рядом с ним, и тут же вечерний воздух содрогнулся от оглушительного рева зверя. Человек замер, подняв копьё и вглядываясь в окружающие кустарники. Сумерки сгущались, становилось темно.

О боже! Умереть здесь совсем одному от клыков диких зверей, быть растерзанным в клочья, чувствовать горячее дыхание чудовища на своем лице и тяжелую лапу, крушащую ребра!

Было тихо. Клейтон ждал с поднятым копьем. Наконец еле слышный шорох кустарника подсказал ему, что зверь подкрадывается сзади и уже изготовился к прыжку. И вот молодой человек разглядел его не далее как в двадцати футах от себя: вытянутое, гибкое, мускулистое тело, темно-желтая голова и черная грива огромного льва. Зверь крался, прижавшись к земле и продвигаясь вперед очень медленно. Встретив взгляд человека, лев остановился и не торопясь подобрал под себя задние лапы. Клейтон смотрел на него в отчаянии, боясь метнуть копье и не в силах бежать.

Тут он услышал шум в ветвях дерева над собой. «Еще одна опасность», – успел подумать он, но не осмелился оторвать взгляд от желто-зеленых глаз зверя. Послышался резкий звук, словно лопнула струна на банджо, и в то же мгновение в желтой шкуре крадущегося льва выросла и задрожала стрела.

С ревом боли и гнева зверь прыгнул. Клейтону каким-то образом удалось отклониться в сторону. Когда Клейтон опять взглянул на царя зверей, ему открылось устрашающее зрелище. Пока лев поворачивался, чтобы снова напасть, на спину ему прыгнул полуобнаженный гигант. С быстротой молнии рука этого человека, как будто он обладал железными мускулами, обхватила огромную шею ревушего зверя и вздернула его вверх, так что передние лапы оказались в воздухе. Гигантское животное было поднято с той же легкостью, с какой Клейтон подхватил бы домашнюю собачку.

Картина, увиденная в сумеречных африканских джунглях, навеки запечатлелась в памяти англичанина. Человек, представший перед ним, был воплощением физического совершенства и гигантской силы. Но как бы ни были могучи его мускулы, они не шли ни в какое сравнение с мышцами Нумы. Преимущество человека-обезьяны в битве с огромной кошкой заключалось в ловкости, длинном остром ноже и способности думать.

Правая рука гиганта обвивала шею льва, а левая раз за разом вонзала нож в его незащищенный бок. Разъяренное животное, поднятое на дыбы, пыталось бороться, но это плохо получалось в столь непривычной позиции. Продлилась битва еще несколько секунд, и ее исход мог бы оказаться совсем другим, но все закончилось быстро, и лев свалился замертво.

Тогда странный незнакомец, выигравший схватку, распрямился во весь рост над телом врага и, гордо запрокинув голову, снова издал тот леденящий кровь крик, который несколько минут назад так испугал Клейтона.

Англичанин видел перед собой молодого человека, совершенно обнаженного, если не считать набедренной повязки и варварских украшений на руках и ногах. На загорелой груди сверкал бесценный бриллиантовый медальон. Охотничий нож вернулся в ножны, человек подобрал лук и стрелы, которые бросил на землю, прежде чем кинуться на льва.

Клейтон заговорил с незнакомцем по-английски, поспешив поблагодарить его за спасение и выразив восхищение его удивительной силой и ловкостью. Однако единственным ответом был спокойный взгляд и чуть заметное пожатие могучих плеч, что могло означать либо пренебрежение к оказанной услуге, либо непонимание языка, на котором говорил Клейтон. Забросив за спину лук и колчан со стрелами, дикарь – а так определил его про себя Клейтон – еще раз вынул нож и аккуратно вырезал десяток широких полос мяса из туши льва. Затем присел на корточки и принялся за еду, жестом пригласив Клейтона последовать своему примеру.

Здоровые белые зубы вгрызались в брызгающее во все стороны кровью мясо, дикарь явно получал удовольствие от трапезы, однако англичанин не смог заставить себя съесть хотя бы кусок. Разглядывая дикаря, Клейтон приходил к убеждению, что это и есть Тарзан из племени обезьян, чья записка была прикреплена к двери хижины. Но если так, то он должен говорить по-английски.

Клейтон попытался еще раз заговорить с человеком-обезьяной, и тот ответил, однако на очень странном языке, напоминавшем лопотание мартышек в сочетании с рычанием какого-то зверя покрупнее. Нет, это не мог быть Тарзан из племени обезьян: ясно, что он совершенно не знает английского.

Закончив трапезу, дикарь поднялся и, показав, что надо идти совсем в другом направлении, чем то, куда двигался Клейтон раньше, пошел вперед. Клейтон был в полном замешательстве: он думал, что дикарь предлагает углубиться еще дальше в дебри.

Тарзан увидел, что молодой человек не собирается подчиняться. Тогда он вернулся и, схватив Клейтона за плечо, поволок его за собой и не отпускал, пока не убедился, что англичанин понял приказание. После этого Клейтону было разрешено идти самостоятельно. Клейтон решил, что он пленник и что ему не остается ничего другого, как следовать за дикарем.

Они медленно продвигались через густые заросли, которые уже накрывали сумерки. В тишине еле слышно шуршали мягкие лапы зверей, и эти звуки смешивались с потрескиванием ломающихся веток и дикими криками животных, которые, как казалось Клейтону, постоянно приближались к ним.

Вдруг англичанин расслышал отдаленный звук выстрела – всего один, а за ним последовала тишина.

А в хижине на берегу бухты две испуганные женщины жались друг к другу в сгущающихся сумерках. Негритянка истерически всхлипывала, с горечью вспоминая тот несчастный день, когда она покинула родной Мэриленд. Белая девушка не плакала и сохраняла наружное спокойствие, хотя душу ее разрывали страхи и предчувствия. Боялась она не столько за себя, сколько за трех мужчин, которые бродили сейчас в дебрях диких и страшных джунглей, откуда почти непрерывно доносились крики, рычание, лай и завывание искавших добычу ужасных кровожадных тварей.

Вдруг женщины расслышали такой звук, словно зверь терся об угол их хижины. Огромные мягкие лапы прошли неподалеку, и все стихло. Казалось, даже дикие лесные вопли сменились негромким и неясным шумом. Потом Джейн ясно расслышала за дверью фыркание: звук раздался совсем рядом, не дальше двух футов от места, где они затаились. Девушка непроизвольно вздрогнула и еще тесней прижалась к негритянке.

– Тише! – прошептала она. – Тише, Эсмеральда!

Всхлипывания и стоны, похоже, привлекали то существо, которое кралось за тонкой стеной. Послышался слабый звук: кто-то царапал дверь, затем попытался ее сломать, но вскоре оставил свои усилия. И снова были слышны только шаги огромных лап вокруг хижины. Шаги задержались под окном, от которого теперь не отрывала испуганного взора девушка.

– О господи!

Лунный луч отчетливо высветил в квадрате зарешеченного окна голову огромной львицы. Сверкающие глаза неотрывно и яростно смотрели прямо на Джейн.

– Эсмеральда, гляди! – прошептала она. – Господи, что же нам делать? Смотри скорей! Там, в окне.

Зрелище, открывшееся бедной Эсмеральде, было невыносимым для нее.

– О Гаврииле! – возопила она и сползла на пол без чувств.

Казалось, огромная кошка прождала целую вечность под окном, вглядываясь в маленькую комнатку. Наконец львица попробовала решетку на прочность своими гигантскими когтями.

Девушка почти не дышала, но тут, к ее облегчению, голова исчезла и шаги зверя стали удаляться от окна. Однако львица не ушла, а направилась обратно к двери. Зверь прилагал все усилия, чтобы открыть ее. Наконец, в дикой ярости, львица стала рвать массивные доски когтями и клыками, пытаясь добраться до своих незащищенных жертв.

Если бы Джейн знала, какой невероятной крепостью отличается эта составленная из толстых досок дверь, она не боялась бы, что львице удастся проникнуть внутрь. Когда двадцать лет назад Джон Клейтон соорудил эту грубую, но крепкую дверь, он и не подозревал, что она послужит защитой от когтей и зубов льва-людоеда прекрасной американской девушке, тогда еще и не родившейся.

В течение целых двадцати минут зверь то фыркал, то снова набрасывался на дверь, время от времени раздражаясь гневным и недоумевающим рычанием. Однако в конце концов львице все-таки пришлось оставить свои попытки, и Джейн услышала, как та возвращается к окну. Немного помедлив, хищница прыгнула, ударив всем весом в обветшавшую от времени решетку. Перекладины застонали под этим напором, однако выдержали, и гигантская туша свалилась на землю. Снова и снова львица повторяла свой прием, пока наконец перепуганная пленница не увидела, что часть решетки поддалась. Голова и гигантская лапа зверя все дальше и дальше проникали в хижину.

Все было как во сне. Джейн поднялась и, застыв от ужаса, положив руку на грудь, широко раскрытыми глазами смотрела на оскаленную морду зверя, находившегося от нее на расстоянии всего нескольких футов. На полу лежало неподвижное тело негритянки. Если бы Джейн смогла поднять ее, то совместными усилиями они, возможно, заставили бы отступить свирепого и кровожадного захватчика. Джейн стала трясти служанку за плечи.

– Эсмеральда! Эсмеральда! – кричала она, сильно встряхивая ее. – Помоги мне, или мы пропали!

Эсмеральда открыла глаза и сразу увидела покрытые пеной клыки голодной львицы. С криком ужаса бедная женщина поднялась на четвереньки и заметалась по комнате, вопя что есть мочи:

– О Гаврииле! О Гаврииле!

Эсмеральда весила около двухсот восьмидесяти фунтов, и такой вес в сочетании с необыкновенной быстротой передвижения на четвереньках производили самое комическое впечатление.

Несколько секунд львица не двигалась, а только смотрела на мечущуюся Эсмеральду, которая, похоже, вознамерилась спрятаться в шкафу. Но расстояние между полками составляло не больше десяти дюймов, и ей удалось засунуть в шкаф только голову. Тогда негритянка, издав крик, который заглушил все шумы джунглей, снова упала в обморок.

Львица возобновила свои усилия: она извивалась всем телом, пытаясь подлезть под ослабевшую решетку. Бледная девушка неподвижно стояла в дальнем углу, все яснее осознавая, что никакого выхода нет. Вдруг ее прижатая к груди рука нащупала что-то твердое: это был револьвер, оставленный ей Клейтоном. Быстро достав оружие и направив его прямо в морду львице, Джейн нажала на спусковой крючок.

Последовали грохот выстрела и вспышка пламени, а затем – ответный рев боли и гнева. Увидев, что гигантская кошка исчезла из оконного проема, Джейн тоже упала в обморок, и револьвер выпал из ее рук.

Однако львица была жива. Пуля причинила болезненную, но не смертельную рану, прострелив плечо. Уже в следующую секунду львица снова набросилась на решетку и принялась когтить перекладины. Правда, теперь это удавалось ей хуже, поскольку раненая лапа была практически бесполезна.

Львица видела свою добычу – двух женщин, лежащих без чувств на полу хижины. Теперь ей никто не мог оказать сопротивление. Мясо лежало перед ней, и надо было только протиснуться через решетку, чтобы заполучить его. Медленно, но верно, дюйм за дюймом, она протискивала в отверстие свое большое тело. Внутри уже находились голова и одна лапа. Вскоре обе лапы оказались внутри, теперь была очередь гибкого корпуса и узких бедер.

В этот момент Джейн Портер очнулась и открыла глаза.

Глава 15

Лесной бог

Когда Клейтон услышал отдаленный выстрел, его охватили ужас и отчаяние. Он понимал, что стрелять мог кто-то из моряков. Но он помнил и то, что отдал револьвер Джейн. Клейтон сильно нервничал: может быть, в эту самую секунду Джейн пытается защититься от какого-нибудь дикаря или зверя.

О чем думал тот странный человек, который взял его в плен, Клейтону оставалось только догадываться. Однако, по-видимому, выстрел произвел на дикаря некоторое впечатление, поскольку он ускорил шаг, причем настолько, что Клейтон, поспешавший за ним, спотыкался и падал, тщетно пытаясь не отставать. Вскоре, боясь снова потеряться, Клейтон громко воззвал к дикарю и несколько секунд спустя с облегчением увидел, что тот легко спрыгнул с нависавших веток.

Тарзан внимательно посмотрел на молодого человека, словно не мог решить, как быть дальше, а затем, присев, жестом приказал англичанину обхватить себя за шею. С белым чело- веком за спиной Тарзан снова поднялся на деревья.

Следующие несколько минут Клейтон не мог забыть никогда. Ему показалось, что он с необыкновенной быстротой вознесся высоко к переплетающимся и качающимся ветвям, в то время как Тарзана сердила медленность их продвижения. Ловкий дикарь с Клейтоном за спи- ной перелетал по головокружительным траекториям с одной толстой ветви на другую, оказы- ваясь уже на следующем дереве, а потом пробирался сквозь лабиринт переплетенных веток, балансируя, словно канатоходец, над черными глубинами заполненных листвой пропастей.

Когда прошел страх, Клейтон испытал восхищение и зависть к огромным мускулам и удивительным навыкам, которые позволяли этому лесному богу идти сквозь непроглядную тьму ночи так же легко и безопасно, как сам он мог бы прогуливаться по лондонской мостовой среди бела дня. Иногда листва над их головами оказывалась не слишком густой, и тогда ясный лунный свет освещал ту странную тропу, которой они шли. В такие моменты у Клейтона пере- хватывало дыхание при виде ужасной бездны внизу, ибо Тарзан выбирал самый легкий путь, который часто пролегал в сотнях футов над землей. Англичанину их передвижение казалось стремительным, а Тарзан был недоволен медлительностью, ведь ему приходилось выбирать прочные ветви, способные выдержать двойную нагрузку.

Наконец они добрались до поляны у берега. Чуткий слух Тарзана уловил странные звуки, которые издавала львица, пытаясь протиснуться в окно, и он слетел с дерева так стремительно, что Клейтону показалось, будто они упали с высоты сотни футов. Однако приземлились они почти бесшумно. Клейтон разжал объятия, и человек-обезьяна с быстротой белки обогнул хижину. Англичанин бросился за ним и увидел, что какое-то крупное животное уже почти влезло в окно: наружу торчали только задние лапы.

Когда Джейн открыла глаза и увидела, какая опасность ей угрожает, ее храброе сердце оставила последняя надежда. Но затем она поняла, что зверя кто-то вытаскивает наружу, при свете луны она разглядела головы и плечи двух мужчин.

Клейтон увидел, как человек-обезьяна ухватил длинный хвост львицы обеими руками, уперся ногой в стену хижины и напряг свои могучие мускулы, пытаясь вытащить хищницу. Когда англичанин бросился на помощь, неизвестный крикнул ему что-то командным, не допус- кающим возражений тоном. Это явно был приказ, но Клейтон не мог понять его содержания. В конце концов совместными усилиями двух человек огромное тело львицы мало-помалу начало поддаваться. И тут до Клейтона стало доходить, как дерзко и смело поступает его товарищ. Попытаться голыми руками вытащить из окна ревущее чудовище-людоеда для того, чтобы спа- сти незнакомую белую девушку, — это действительно вершина героизма.

Что касается самого англичанина, то тут дело обстояло иначе: девушка не только принадлежала к его кругу, но была той единственной, которую он любил. Поэтому, хотя Клейтон и понимал, что львица быстро расправится с обоими врагами, он продолжал делать все возможное, чтобы оттащить ее от Джейн Портер. Тут Клейтон вспомнил битву между его спутником и гигантским львом с черной гривой, свидетелем которой он стал совсем недавно, и почувствовал себя увереннее.

Тарзан продолжал выкрикивать приказы, но англичанин их не понимал. Тарзан пытался сказать глупому белому человеку, что надо воткнуть отравленные стрелы в спину и бока Сабор, а потом пронзить ее сердце длинным и тонким охотничьим ножом. Однако Клейтон его не понимал, а Тарзан не решался отпустить хищницу, поскольку видел, что слабый белый человек не удержит зверя в одиночку и одного мгновения.

И тут англичанин стал свидетелем чего-то невероятного. Тарзан, напрягая свой мозг, чтобы найти способ справиться с разъяренным зверем голыми руками, неожиданно вспомнил бой с Теркозом. Когда плечи львицы показались из окна и она цеплялась за подоконник только когтями, Тарзан вдруг отпустил ее.

Одним прыжком он вскочил львице на спину, захватил ее под передние лапы, а затем сомкнул руки, сделав полный нельсон – как научился в той кровавой схватке, когда одержал победу над Теркозом. Львица, заревев, опрокинулась, но черноволосый гигант только усилил свою хватку. Хищница колотила лапами по земле и по воздуху, каталась и кидалась в разные стороны, пытаясь стряхнуть этого непонятного врага, но все сильнее и сильнее смыкалось железное кольцо, пригибавшее ее голову к темно-желтой груди. Сцепленные руки человека-обезьяны сдвигались все выше к затылку зверя, и движения львицы становились все слабее. Лунный свет упал на Тарзана, и Клейтон увидел, как вздулись громадные мускулы плеч и рук человека-обезьяны. Еще одно долгое, невероятное усилие – и шейные позвонки львицы с хрустом переломились.

Тарзан вскочил на ноги, и уже во второй раз Клейтон услышал победный крик дикаря.

А затем послышался и слабый зов Джейн:

– Сесил... Мистер Клейтон, что это? Что это?

Подбежав к двери хижины, Клейтон крикнул, что все в порядке, и попросил открыть дверь. Джейн поскорее сняла тяжелый засов и чуть ли не втащила Клейтона внутрь.

– Что это был за ужасный вопль? – шепотом спросила Джейн, приныкая к нему.

– Победный крик человека, который только что спас вам жизнь, мисс Портер. Погодите, я сейчас приведу его, чтобы вы смогли его поблагодарить.

Однако дрожащая девушка не хотела больше оставаться одна. Она вышла вместе с Клейтоном из хижины и увидела мертвое тело львицы.

Тарзан из племени обезьян исчез. Клейтон звал его несколько раз, но ответа не последовало, и не оставалось ничего, как только вернуться в убежище.

– Какой жуткий вопль! – воскликнула Джейн. – Я содрогаюсь при одном воспоминании о нем. Неужели такой омерзительный крик мог быть издан человеком?

– Но это так и есть, мисс Портер, – ответил Клейтон. – Человеком или лесным богом.

И он рассказал ей о своих приключениях в компании этого странного существа: о том, как дикарь дважды спас его от смерти, о его удивительной силе, ловкости и храбрости, а также о его загорелой коже и прекрасном лице.

– Я ничего не пойму, – заключил он свой рассказ. – Сначала я подумал, что это, вероятно, Тарзан из племени обезьян. Но он не говорит и не понимает по-английски, так что эту гипотезу придется отбросить.

– Ну что ж, кем бы он ни был, мы обязаны ему своими жизнями, – заключила Джейн. – И пусть Господь его благословит и сохранит в этих диких и хищных джунглях.

– Аминь! – горячо поддержал Клейтон.

– О, Боже милосердный, значит, я жива?!

Оба обернулись и увидели, что Эсмеральда сидит на полу, вращая глазами, словно никак не может поверить увиденному. Теперь не выдержала и Джейн Портер: ее нервы сдали и девушка, бросившись на скамейку, зашлась истерическим плачем.

Глава 16

«Весьма примечательно!»

За несколько миль к северу от хижины, на песчаном берегу стояли два пожилых джентльмена. Они спорили. Перед ними развернулась гладь Атлантического океана, за ними был Черный континент, вокруг – непроходимые джунгли. Дикие звери ревели и завывали; отовсюду до их слуха доносились зловещие и странные звуки. Джентльмены уже прошли несколько миль в поисках своего лагеря, но всякий раз выбирали неправильное направление и заблудились так основательно, как если бы по воле волшебника оказались перенесены в иной мир. В такой момент, по правде говоря, им следовало сосредоточиться и направить объединенные мыслительные усилия на решение жизненно важного вопроса: как добраться до лагеря?

– И все же, мой дорогой профессор, – говорил Сэмюэль Ти Филандер, – я продолжаю настаивать, что, не случись победы Фердинанда и Изабеллы над маврами в пятнадцатом столетии, мир мог бы сейчас быть в тысячу раз более развитым, чем он является на самом деле. Мавры были весьма толерантным, широко мыслящим, либеральным народом земледельцев, ремесленников и купцов, тем типом людей, которые создали современные цивилизации Америки и Европы, в то время как испанцы...

– Та-та-та, мой дорогой мистер Филандер, – прервал его профессор Портер, – их религия определенно препятствовала развитию тех возможностей, о которых вы говорите. Мусульманство всегда было, есть и будет губительно для научного прогресса, которым отмечено...

– О господи! Профессор! – прервал его мистер Филандер, всматриваясь в джунгли. – Смотрите! Похоже, к нам кто-то приближается!

Профессор Архимед Кью Портер поглядел туда, куда указывал близорукий мистер Филандер.

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, – ворчливо произнес он. – Как часто мне приходилось убеждать вас в том, что только полная концентрация умственных способностей позволит вам приобрести силу интеллекта, необходимую для решения основополагающих проблем, выпадающих на долю величайших умов человечества. И что же? Вы снова позволяете себе самым бесцеремонным образом прерывать мою речь, чтобы привлечь внимание к обыкновенному четвероногому из семейства кошачьих. Итак, как я уже говорил, мистер...

– О боже, профессор, значит, это лев? – вскричал мистер Филандер, тщетно пытаясь разглядеть то, что представлялось ему смутным пятном на фоне тропического кустарника.

– Да-да, мистер Филандер, если вы желаете использовать просторечия, то это так называемый лев. Итак, как я уже говорил...

– Простите, ради бога, профессор, – снова прервал его мистер Филандер, – но позвольте предположить, что разбитые в пятнадцатом веке мавры останутся в прежнем, пусть и печальном положении до того времени, когда мы сможем продолжить обсуждение этого всемирного бедствия, то есть когда у нас появится возможность наблюдать этот великолепный экземпляр *felis carnivora*¹ с несколько более далекой дистанции, откуда он будет смотреться куда лучше. Как говорится, око видит далеко, а ум еще дальше.

Тем временем величественный лев не спеша подошел к джентльменам на расстояние десяти шагов и с любопытством глядел на них. Лунный свет освещал прибрежную полосу, и вся эта странная группа смотрелась очень эффектно на фоне желтого песка.

– Весьма прискорбно, весьма прискорбно! – воскликнул профессор Портер, причем в голосе его было слышно некоторое раздражение. – Никогда еще, мистер Филандер, никогда

---

¹ Хищник из семейства кошачьих (лат.).

в жизни я не слышал, чтобы этим животным разрешали отходить так далеко от клетки. Я, безусловно, сообщу о столь вопиющем нарушении правил руководству близлежащего зоосада.

– Совершенно с вами согласен, профессор, – ответил мистер Филандер, – и чем быстрее, тем лучше. Давайте побежим туда прямо сейчас!

С этими словами мистер Филандер схватил старшего коллегу за руку и как можно скорее зашагал прочь ото льва. Однако не успели они преодолеть и десятка метров, как мистер Филандер, к своему ужасу, заметил, что лев не отстаёт. Мистер Филандер посильнее стиснул руку профессора и увеличил скорость.

– Итак, как я вам уже говорил, мистер Филандер... – начал профессор Портер.

Мистер Филандер снова быстро оглянулся назад. Лев тоже прибавил ходу и упорно держался на одном и том же расстоянии.

– Он нас преследует! – в ужасе возопил мистер Филандер и пустился бегом.

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, – с упреком заговорил профессор, – эта невиданная спешка совершенно недостойна ученых мужей. Что подумают о нас наши друзья, если они вдруг случайно попадутся нам навстречу и станут свидетелями подобной фривольности? Прошу вас, будем соблюдать приличия.

Мистер Филандер еще раз оглянулся на бегу. Лев, продвигаясь легкими прыжками, держался чуть ли не в пяти шагах от них. Мистер Филандер отпустил руку профессора и пустился вперед с такой скоростью, которая сделала бы честь участнику университетских соревнований по бегу.

– Как я вам уже говорил, мистер Филандер... – крикнул ему вдогонку профессор Портер.

Но тут он тоже оглянулся и, увидев страшные желтые глаза и полуоткрытую пасть в непосредственной близости от своей особы, задал стрекача. С развевающимися фалдами сюртука, в блестящем при лунном свете цилиндре летел профессор Архимед Кью Портер, едва не наступая на пятки мистеру Сэмюэлю Ти Филандеру.

Лесные заросли выступали к берегу небольшим узким мысом, и туда мистер Сэмюэль Ти Филандер направил свой удивительный аллюр. И как раз именно оттуда за беготней незадачливых путешественников с интересом следил человек-обезьяна.

Тарзан из племени обезьян с усмешкой наблюдал за этой странной игрой в догонялки. Он понимал, что старикам не грозит опасность: лев отказался нападать на такую легкую добычу, поскольку был сыт. Лев будет выслеживать стариков до тех пор, пока снова не проголодается. Однако вполне возможно – если только его не рассердить, – что льву просто надоест игра и он спокойно скроется в джунглях. Опасность на самом деле заключается в том, что кто-нибудь из стариков споткнется и упадет, и тогда желтый дьявол в ту же секунду окажется у него на спине. В этом случае радость убийства будет для льва слишком большим соблазном, который он не сможет преодолеть.

Поэтому Тарзан быстро перебрался на нижнюю ветвь, едва внизу показались бегущие. Когда почтенный мистер Сэмюэль Ти Филандер, задыхаясь, приблизился к Тарзану, то уже совершенно выдохся и не смог бы самостоятельно взобраться на ветку, чтобы спастись ото льва. Тарзан нагнулся и, схватив этого джентльмена за воротник, поднял и усадил рядом с собой. В следующий момент профессор Портер тоже был подхвачен Тарзаном и взлетел вверх. Сбитый с толку зверь с ревом кинулся вперед, чтобы вернуть исчезнувшую добычу.

Оба старика тяжело дышали, вцепившись в большую ветку, а Тарзан, облокотившись о ствол дерева, с любопытством рассматривал их. Первым заговорил профессор:

– Как жаль, мистер Филандер, что вы выказали так мало мужественности в присутствии низшего существа, из-за вашей робости мне пришлось догонять вас, а затем принять столь неудобное для дискуссии положение. Итак, как я говорил вам, мистер Филандер, в тот момент, когда вы меня прервали, мавры...

– Профессор Архимед Кью Портер, – прервал его ледяным тоном мистер Филандер, – пришло время, когда терпение считают преступлением, а хаос облачается в мантию добродетели. Вы обвинили меня в трусости. Вы утверждаете, будто бежали только затем, чтобы догнать меня, а не потому, что хотели избежать когтей льва. Но берегитесь, профессор Архимед Кью Портер! Не доводите меня до отчаяния! Даже у червяка может лопнуть терпение!

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, – покачал головой профессор Портер. – Вы, кажется, забываетесь.

– Я ничего не забыл, профессор Архимед Кью Портер. Однако поверьте мне, сэр, я уже нахожусь на грани того, чтобы забыть как о высоком положении, занимаемом вами в научном мире, так и о ваших сединах.

Профессор некоторое время сидел молча, и лесная тьма скрывала усмешку, искажившую его морщинистое лицо. Наконец он заговорил.

– Послушайте, Скинни Филандер, – грозно произнес профессор. – Если вы ищете драки, то снимайте свой сюртук и спускайтесь на землю. Я проучу вас, как сделал это шестьдесят лет назад за амбаром Порки Эванса.

– Арк! – воскликнул пораженный мистер Филандер. – Господи боже мой, как это замечательно сказано! Когда вы ведете себя по-человечески, Арк, я вас просто обожаю. Но иногда мне кажется, что лет двадцать назад вы забыли, что это значит – быть человеком.

Профессор протянул свою дрожащую старческую руку и нащупал плечо давнего друга.

– Прости меня, дорогой Скинни, – сказал он негромко. – Это было вовсе не двадцать лет назад, и одному Богу известно, как я старался оставаться человеком ради Джейн, а также ради вас с тех пор, как Бог забрал у меня Джейн.

Другая старческая рука – на этот раз мистера Филандера – поднялась, чтобы пожать первую. Никакой другой жест не мог бы лучше выразить дружеское расположение их душ. Некоторое время они молчали. Лев расхаживал внизу под деревом. Третий человек, сидевший у ствола, был скрыт от джентльменов густой листвой. Он тоже молчал и не двигался, словно изваяние.

– Вы очень вовремя подняли меня на это дерево, – сказал наконец профессор. – Я хотел бы вас поблагодарить. Вы спасли мне жизнь.

– Но я не поднимал вас, – ответил мистер Филандер. – Господи боже мой! Я так разволновался, что даже забыл, что и сам был поднят сюда наверх какой-то силой. Здесь, на дереве, кроме нас, должен находиться еще кто-то.

– Что-что? – выпалил профессор Портер. – Вы уверены в этом, мистер Филандер?

– Абсолютно уверен, профессор, – ответил тот и тут же добавил: – Мне кажется, нам следует поблагодарить эту особу. Возможно, он сидит рядом с вами, профессор?

– Что? Что вы такое говорите? Ай-яй-яй, мистер Филандер! – забормотал профессор Портер, осторожно подвигаясь поближе к товарищу.

Как раз в этот момент Тарзан из племени обезьян решил, что лев бродит под деревом уже слишком долго. Дикарь поднял свою молодую голову к небу, и уши двух старых джентльменов поразил ужасный вопль, который издают человекообразные обезьяны, когда вызывают своего противника на бой.

Два старичка, дрожа, прижимались друг к другу, сидя на опасном насесте. Они видели, как огромный лев, слышав этот кошмарный крик, прекратил расхаживать туда-сюда, а затем прыгнул в кусты и мгновенно исчез в джунглях.

– Даже лев трепещет от страха, – шепотом заметил мистер Филандер.

– Весьма примечательно, весьма примечательно, – пробормотал профессор Портер, изо всех сил вцепляясь в своего друга, чтобы удержать равновесие, которое он чуть не потерял от страха. К несчастью для них обоих, центр тяжести мистера Филандера в этот момент сместился, так что понадобился самый малый импульс, который и обеспечил вес профессора Пор-

тера, чтобы столкнуть преданного секретаря с ветки. Секунду они пребывали в состоянии неустойчивого равновесия, а затем, издав совместный, совсем не приличествующий ученым слабый крик, полетели вниз головой с дерева, при этом так и не разжав объятий.

Некоторое время джентльмены лежали на земле неподвижно: каждый из них был уверен, что стоит ему пошевелиться, как тут же обнаружатся многочисленные переломы и вывихи и дальше двигаться будет невозможно. Наконец профессор Портер попытался двинуть одной ногой. К его удивлению, она повиновалась его воле точно так же, как и раньше. Тогда он согнул и распрямил вторую ногу.

– Весьма примечательно, весьма примечательно, – пробормотал он.

– Слава богу, профессор, – прошептал мистер Филандер с большим чувством. – Значит, вы живы?

– Не спешите, мистер Филандер, – укоризненно произнес профессор Портер. – По правде сказать, я не могу утверждать это наверняка.

Со всеми возможными предосторожностями он согнул правую руку, и – о радость! – она оказалась цела. Затаив дыхание, он попытался помахать левой рукой над своим по-прежнему неподвижным телом – и та подчинилась!

– Весьма примечательно, весьма примечательно, – пробормотал он.

– Кому вы подаете сигналы, профессор? – с удивлением спросил мистер Филандер.

Профессор Портер не соблаговолит дать ответ на столь детский вопрос. Вместо этого он приподнял голову, а затем повертел ею во все стороны.

– Весьма примечательно, весьма примечательно, – пробормотал он. – Она совершенно цела.

Мистер Филандер лежал неподвижно там, где упал: он не решался двигаться. Да и как можно двигаться, если у тебя переломаны все кости? Один его глаз был залеплен суглинком, а второй, скосившись, наблюдал за странными круговыми движениями головы профессора Портера.

– Как это прискорбно! – вполголоса произнес мистер Филандер. – Сотрясение мозга, сопровождаемое полным помрачением ума. Как прискорбно! И это случилось с еще совсем молодым человеком!

Профессор Портер повернулся на живот и изогнул спину, как это делает дворовый кот, заведя в близости брехливого пса. Затем он сел на землю и стал ощупывать разные части своего тела.

– Все на месте! – подвел он итог. – Весьма примечательно!

После этого профессор поднялся и, презрительно взглянув на все еще лежащего на земле мистера Сэмюэля Ти Филандера, произнес:

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, сейчас совсем не время для отдыха. Пора вставать и приниматься за дело!

Мистер Филандер вытер глаз и, от гнева не находя слов, молча уставился на профессора Портера. Потом он попытался подняться. Удивлению мистера Филандера также не было предела, когда он обнаружил, что его усилия немедленно увенчались полным успехом. Однако мистера Филандера все еще раздражало от гнева при воспоминании о грубых и несправедливых словах профессора, и он уже собирался дать этим инсинуациям достойный ответ, как вдруг заметил странную фигуру: кто-то стоял всего в нескольких шагах от них.

Профессор Портер подобрал с земли цилиндр, тщательно отчистил его рукавом и снова нацепил на голову. Мистер Филандер отчаянно указывал куда-то ему за спину. Обернувшись, профессор разглядел гиганта, всю одежду которого составляла набедренная повязка. Этот человек стоял неподвижно и смотрел на них.

– Добрый вечер, сэр! – приветствовал его профессор, приподнимая цилиндр.

Вместо ответа великан показал жестом, что им надо следовать за ним, и зашагал по берегу в направлении, противоположном тому, в котором они двигались раньше.

– Я полагаю, что нам лучше пойти за ним, – сказал мистер Филандер.

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, – ответил профессор. – А ведь совсем недавно вы выдвигали весьма обоснованную теорию о том, что лагерь лежит к югу от нас. Сначала я относился к ней скептически, но затем вы сумели меня убедить. Так что теперь я абсолютно уверен: чтобы воссоединиться со своими, нам следует двигаться к югу. Следовательно, именно туда я и направляюсь.

– Однако, профессор, этот человек знает дорогу наверняка лучше, чем мы. Похоже, он житель здешних мест. Давайте последуем за ним на некотором расстоянии.

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, – ответил профессор. – Меня убедить весьма непросто, но если я в чем-то удостоверюсь, то мое решение будет непоколебимым. Я намерен продолжать двигаться в правильном направлении, даже если мне предстоит обогнуть весь Африканский континент, чтобы найти искомое.

Тут спор был прерван Тарзаном. Увидев, что эти странные люди не хотят за ним идти, он вернулся назад. Тарзан снова поманил их, но джентльмены продолжали стоять на месте и препираться. Наконец человек-обезьяна потерял терпение: невежество и глупое упрямство вывели его из себя. Он схватил испуганного мистера Филандера за плечо и, прежде чем этот достойный джентльмен успел подумать, что его собираются убить или искалечить, связал веревку петлей и надел ему на шею.

– Ай-яй-яй, мистер Филандер, – покачал головой профессор Портер. – Вы ведете себя совсем не подобающим образом, подчиняясь таким унижительным действиям.

Не успел он договорить, как его шею надежно обвила та же веревка. Затем Тарзан направился по берегу к северу, ведя за собой перепуганных профессора и его секретаря. Шагали в полном молчании, и усталым старикам путь показался очень долгим. Но в конце концов они поднялись на небольшую возвышенность, откуда, к своей радости, узрели ту самую хижину: до нее оставалась всего сотня ярдов. Тарзан развязал джентльменов и, указав на маленькое строение, исчез в зарослях.

– Весьма примечательно, весьма примечательно, – тяжело дыша, пробормотал профессор. – Вот видите, мистер Филандер, я был, как всегда, прав. И если бы не ваше упрямство, мы избежали бы унижения, не говоря об опасности. Надеюсь, в будущем, когда вам понадобится мудрый совет, вы будете руководствоваться указаниями более зрелого и практичного ума.

Мистер Сэмюэль Ти Филандер настолько обрадовался благополучному окончанию приключений, что решил не обижаться на грубые насмешки. Вместо этого он схватил своего друга за руку и потащил к хижине.

Ко всеобщему облегчению, вся компания изгнанников снова собралась вместе. Они до самого рассвета пересказывали друг другу свои невероятные приключения и гадали о том, кто же таков странный незнакомец, в лице которого они обрели защитника на этом диком берегу. А Эсмеральда была уверена: это не кто иной, как ангел Господень, посланный свыше специально для того, чтобы их охранять.

– Если бы ты видела, как он пожирает сырое мясо убитого им же льва, Эсмеральда, – смеялся Клейтон, – то ты бы убедилась, что он не бесплотный дух.

– И в его голосе нет ничего потустороннего, – сказала Джейн Портер, вздрогнув при воспоминании о жутком вопле, который последовал за убийством львицы.

– Да, его поступки не согласуются с моим априорным представлением о достоинстве, присущем божественным посланникам, – заметил профессор Портер. – Я имею в виду случай, когда этот... мм... джентльмен связал двух весьма известных в научных кругах ученых за шеи и потащил их за собой через джунгли, словно пару коров.

Глава 17

Похороны

Как только рассвело, обитатели хижины, которые не спали и не ели целые сутки, взялись за приготовление пищи. Мятажники с «Эрроу» оставили пятерым высаженным на берег небольшой запас сушеного мяса, консервированных супов и овощей, сухарей, муки, чая и кофе. Изгнанники поспешно извлекли все это на свет, чтобы утихомирить разыгравшийся аппетит.

Следующая задача заключалась в том, чтобы сделать хижину пригодной для жилья, и для этого было решено первым делом устранить следы трагедии, разыгравшейся здесь в далеком прошлом. Профессор Портер и мистер Филандер очень заинтересовались сохранившимися в хижине скелетами. Два больших, по их словам, несомненно принадлежали белым мужчине и женщине. Маленькому скелету было уделено куда меньшее внимание: его нахождение в колыбели ясно указывало на то, что это отпрыск несчастного семейства.

Когда Клейтон готовил скелет мужчины к погребению, то обнаружил массивное кольцо. Клейтон рассмотрел кольцо поближе и вскрикнул от изумления: на кольце он увидел герб дома Грейстоков! Почти одновременно Джейн обнаружила в шкафу книги и, открыв одну из них, прочла на форзаце владельческую надпись: «Джон Клейтон, Лондон». Она схватила другую книгу и прочла только одно слово: «Грейсток».

– Мистер Клейтон! – воскликнула Джейн. – Что это значит? Здесь имена каких-то ваших родственников!

– А вот это, – ответил тот со значением, – большой перстень дома Грейстоков, который был утрачен с тех пор, как исчез мой дядя, Джон Клейтон, покойный лорд Грейсток. Считается, что дядя погиб во время кораблекрушения.

– Но как объяснить то, что эти вещи находятся здесь, в диких африканских джунглях?

– Есть только один ответ, мисс Портер, – ответил Клейтон. – Покойный лорд не утонул. Он умер здесь, в этой хижине, и эти печальные останки на полу принадлежат ему.

– Тогда там лежат останки леди Грейсток, – с трепетом в голосе сказала Джейн, указывая на кровать.

– Да, прекрасной леди Элис, – кивнул Клейтон. – Я часто слышал от родителей о ее многочисленных достоинствах и удивительном обаянии. Бедная женщина! – с горечью прибавил он.

С глубоким почтением, торжественно тела покойных лорда и леди Грейсток были погребены возле их африканской хижины, а между ними поместили крошечный скелет обезьянки – сына Калы.

Когда мистер Филандер собирал хрупкие детские косточки в кусок парусины, он внимательно обследовал череп. Затем позвал профессора Портера, и они совещались шепотом еще несколько минут.

– Весьма примечательно, весьма примечательно, – заключил профессор Портер.

– Боже мой! – воскликнул мистер Филандер. – Нам следует немедленно известить о нашем открытии мистера Клейтона!

– Тише, тише, мистер Филандер, – остановил его профессор Архимед Кью Портер, – пусть мертвые погребают своих мертвецов.

Все обступили могилу, и седовласый джентльмен прочел над ней слова панихиды, в то время как четверо его товарищей по несчастью стояли вокруг, склонив непокрытые головы.

Тарзану из племени обезьян с вершины дерева была хорошо видна эта торжественная церемония, но смотрел он по большей части на милое личико и грациозную фигуру Джейн Портер. В его дикой, первозданной душе кипели новые и непонятные ему чувства. Он спра-

шивал себя: зачем ему вообще нужны эти люди и отчего он предпринял такие усилия, чтобы спасти этих троих мужчин? Однако он даже не задавался вопросом, что побудило его оттащить львицу от нежного тела девушки.

Мужчины, несомненно, были глупы, смешны и трусливы – мартышка Ману куда умнее их. И если эти существа принадлежат к его роду, то оправданна ли гордость, которую он раньше испытывал по этому поводу? Но девушка – совсем другое дело. Здесь Тарзан не рассуждал, а просто чувствовал, что она создана для того, чтобы ее защищали, а он сам – чтобы защищать ее.

И зачем они вырыли большую яму в земле и закопали в ней сухие кости? В этом не было никакого смысла: никому и в голову не придет украсть какие-то кости. Вот если бы на них оставалось мясо – тогда другое дело, нужно было бы спрятать их от гиены Данго и других падальщиков.

Могилу засыпали землей, и вся компания направилась к хижине. Эсмеральда все еще горько плакала по умершим двадцать лет назад людям, о которых не слышала вплоть до сегодняшнего дня. Но вот она случайно поглядела в сторону гавани, и рыдания ее тут же прекратились.

– Эй, поглядите-ка на этих белых негодяев! – воскликнула она, указывая на корабль. – Они уходят, они оставляют нас на проклятом Богом острове!

И действительно, «Эрроу» медленно проходил через устье бухты, направляясь в открытое море.

– Они ведь обещали оставить нам оружие и боеприпасы, – сказал Клейтон. – Безжалостные скоты!

– Это наверняка работа Снайпса, – заметила Джейн. – Кинг был, конечно, негодяем, но в нем все-таки проглядывало что-то человеческое. Если бы его не убили, он проследил бы за тем, чтобы нам оставили все нужное для выживания, прежде чем бросить нас на произвол судьбы.

– Очень жаль, что они не нанесли нам визит, прежде чем отправиться в море, – сказал профессор Портер. – Я бы потребовал от них оставить нам клад. Если они его потеряют, я буду совершенно разорен.

Джейн сочувственно посмотрела на отца.

– Не расстраивайся, дорогой папа, – сказала она. – Это все равно не привело бы ни к чему хорошему. Ведь ради сокровища они убили своих офицеров и высадили нас на этом ужасном берегу.

– Ну-ну-ну, моя деточка, – отвечал профессор Портер. – Ты прекрасная дочь, но совершенно ничего не смыслишь в практических делах.

С этими словами он развернулся и, сложив руки за спиной и глубоко задумавшись, неспешно направился на прогулку в джунгли. Дочь поглядела на него с улыбкой, а затем шепнула мистеру Филандеру:

– Будьте добры, не давайте ему уйти так далеко, как вчера. Мы очень надеемся, что вы будете присматривать за ним.

– Это с каждым днем становится все труднее, – со вздохом отвечал мистер Филандер. – Полагаю, он сейчас направляется в администрацию зоопарка с жалобой на то, что один из введенных их попечению львов был вчера выпущен из клетки. Ах, мисс Джейн, вы и не представляете, что мне приходится выносить!

– Напротив, прекрасно представляю, мистер Филандер. Пожалуйста, примите во внимание, что все мы любим его, но только вы один умеете с ним управляться. И папа, что бы он ни говорил, чрезвычайно высоко ценит вашу ученость, а потому доверяет и вашим суждениям. Он ведь не делает различия между эрудицией и мудростью.

Несколько озадаченный мистер Филандер пустился вдогонку за профессором, одновременно пытаясь решить, следует ему воспринимать столь двусмысленный комплимент мисс Портер как похвалу или как обиду.

Тарзан заметил выражение страха на лицах изгнанников, когда они наблюдали за отплытием «Эрроу». Однако для него корабль сам по себе был чем-то невиданным, и потому он поспешил к выходу из гавани, чтобы занять наблюдательную позицию: Тарзану хотелось поглядеть на корабль и узнать, куда он направляется. Человек-обезьяна пронесся по деревьям, как вихрь, и достиг нужной точки как раз в тот момент, когда корабль выходил из бухты и можно было во всех деталях рассмотреть этот удивительный плавучий дом.

Около двадцати человек сновали по палубе, вытягивая веревки. С берега дул легкий ветерок, и сначала судно шло всего под несколькими парусами. Но когда гавань оказалась позади, матросы поставили едва ли не все паруса, чтобы набрать скорость в открытом море. Тарзан следил за изящными маневрами в немом восхищении; ему хотелось быть на борту.

Но вот его острое зрение уловило совсем крошечный дымок на севере у горизонта, и Тарзан удивленно подумал: откуда может возникнуть такое явление на поверхности великой воды?

В то же самое время дымок, по-видимому, заметил и впередсмотрящий на «Эрроу», поскольку через несколько минут часть парусов была убрана. Корабль лег на другой галс, и Тарзан понял, что он направляется к берегу. Матрос то и дело закидывал с носовой части корабля за борт какую-то веревку с привязанным на конце небольшим предметом. Тарзану оставалось только гадать, зачем это делается.

В конце концов паруса были спущены, и, бросив якорь, судно встало против ветра. На палубе царила суматоха: матросы спускали на воду лодку, затем в нее был перенесен какой-то большой сундук. Целая дюжина моряков взялась за весла, и шлюпка быстро направилась к тому самому месту, где Тарзан выбрал себе наблюдательный пункт в ветвях большого дерева.

Когда лодка подошла поближе, он увидел, что у руля сидит Снайпс. Всего через несколько мгновений лодка достигла берега, матросы выпрыгнули и перенесли на песок сундук. Обитатели хижины не могли этого видеть, поскольку дело происходило на северной стороне мыса.

Некоторое время моряки ожесточенно спорили. Затем главарь в сопровождении нескольких товарищей поднялся на пригорок, где росло скрывшее Тарзана дерево. Матросы поозирались пару минут, пока Снайпс не сказал:

– Вот подходящее место.

И указал на подножие дерева.

– Да любое сгодится, – откликнулся один из его спутников. – Если нас поймают с кладом на борту, он точно пропадет. А если закопать, то кто-нибудь из нас сможет сюда вернуться, если избежит виселицы.

Снайпс позвал остававшихся возле лодки, и они тоже поднялись на пригорок, притаив с собой кирки и лопаты.

– Давай пошевеливайся! – прикрикнул на них главарь.

– А ты тут не командуй! – оборвал его один из моряков. – А то каждая креветка из себя адмирала корчит!

– Я покажу тебе, кто тут капитан, палубная швабра! – заорал в ответ Снайпс.

– А ну уймись, ребята! – попытался успокоить всех другой моряк. – Не хватало нам еще передрасться тут.

– Драться незачем, – согласился тот матрос, который ранее возмутился командным тоном Снайпса. – Но и терпеть, чтобы всякий пустобрех нос задира перед товарищами, тоже не будем.

– Копать здесь, – велел Снайпс, указывая на подножие дерева. – А пока вы копаете, пусть Питер нарисует карту, чтобы мы могли найти потом это место. Эй, Том и Билл, возьмите себе пару помощников и тащите сюда сундук!

– А ты что делать будешь? – спросил его непокорный матрос. – Надзирать за нами?

– Давай делай, что тебе сказано, – прорычал ему Снайпс. – Ты думаешь, капитан землю копать станет, да?

Матросы поглядывали на Снайпса сердито. Его никто не любил, а манера выставить напоказ свою власть после того, как он убил Кинга – настоящего предводителя мятежа, – только усиливала огонь всеобщей ненависти.

– Так, значит, ты землю копать не будешь? И вообще ничего делать не будешь? А почему? Плечо у тебя не так уж и сильно ранено, – не унимался Таррант, непокорный матрос.

– Не буду, и все, понял? – ответил Снайпс, теребя рукоятку своего револьвера.

– Ну, раз не хочешь брать лопату, – крикнул Таррант, – так держи кирку!

И одним мощным ударом он раскроил острием своего инструмента череп Снайпса. Матросы несколько секунд стояли, глядя на результат мрачной шутки своего товарища. Все молчали. Потом один из них сказал:

– Так ему, скунсу, и надо.

Другой матрос поднял свою кирку и вонзил ее в землю. Почва оказалась мягкой, и он тут же отбросил этот инструмент и взялся за лопату. Другие последовали его примеру. Про убийство никто больше не говорил, но работали моряки куда веселее, чем раньше. Когда выкопали яму достаточного размера, чтобы в ней поместился сундук, Таррант предложил углубить ее еще больше и поместить клад под тело Снайпса.

– Может, кто-нибудь начнет откапывать, увидит труп и бросит, – объяснил он.

Моряки оценили его хитрость. Посередине выкопали углубление для сундука. Его обернули в парусину и поставили так, что крышка оказалась на фут ниже дна могилы. Затем сундук засыпали, а дно плотно утрамбовали, и оно получилось совершенно ровным. Двое подняли труп Снайпса и без всяких церемоний опустили в могилу, предварительно сняв с него оружие и разные украшения, которые члены шайки решили присвоить себе. После этого могилу засыпали и также утрамбовали. Остатки вырытой земли разбросали по сторонам, а место захоронения присыпали хворостом, стараясь придать ему как можно более естественный вид, словно

никто здесь ничего и не копал. Управившись с этой работой, матросы сели в шлюпку и поскорей вернулись на «Эрроу».

Ветер значительно усилился, а дымок на горизонте был теперь отчетливо виден. Поэтому бунтовщики решили не терять времени и, подняв все паруса, направили свое судно к юго-западу.

Тарзан, с интересом наблюдавший за всеми этими действиями, по-прежнему сидел в укрытии и размышлял о смысле увиденного. Да, люди оказались куда глупее и злее, чем обитатели джунглей! Как, оказывается, ему повезло, что он может жить в покое и безопасности, скрытый великими лесами.

Тарзана, конечно, очень интересовало, что содержалось в закопанном сундуке. Если он оказался не нужен людям, почему они попросту не сбросили его в воду? Сделать это было бы куда проще. Значит, думал он, сундук им все-таки нужен. А закопали сундук потому, что собираются вернуться за ним.

Тарзан спрыгнул на землю и принялся изучать то место, где копали матросы. Он походил вокруг и вскоре обнаружил в ветвях, которые маскировали место захоронения, лопату. Тарзан схватил ее и попробовал действовать так, как это делали моряки. Поначалу получалось плохо, и он даже поранил ногу, но упорно продолжал копать, пока не показалось мертвое тело. Тарзан вытащил его из могилы, затем откопал сундук и поставил рядом с трупом. Поразмыслив, он вернул мертвеца на место, засыпал землей и набросал сверху ветвей. Теперь все выглядело как прежде.

Четверо матросов с огромным трудом тащили тяжелый сундук, а Тарзан из племени обезьян поднял его так легко, словно это был пустой ящик. С помощью веревки Тарзан закрепил лопату у себя за спиной и понес сокровища в самые густые лесные заросли. Цепляться за деревья с такой ношей было неудобно, но Тарзан держался готовых троп и потому шел довольно быстро. В течение нескольких часов он двигался к северо-востоку, пока не достиг совершенно непроходимой чащи. Тогда он взобрался на нижние ветви и минут через пятнадцать уже был в том амфитатре, где обезьяны собирались на совет или совершали обряд Дум-Дум.

В центре этой поляны, рядом с барабаном, или «алтарем», Тарзан принялся копать. Тут работа шла гораздо тяжелее, чем когда он поднимал рыхлую землю из могилы, однако Тарзан из племени обезьян не сдавался и продолжал трудиться до тех пор, пока яма не оказалась достаточно глубокой, чтобы туда поместился весь сундук.

Зачем он затратил столько усилий, чтобы спрятать сундук, ничего не зная о его содержимом? Умом Тарзан понимал, что сундук содержит нечто ценное, иначе люди не стали бы его прятать. Но он был обезьяной по своему воспитанию и образу жизни. А воспитание научило его подражать всему новому и необычному. Кроме того, любопытство – качество, общее для всех живых существ, – побуждало его открыть сундук и посмотреть, что внутри. Однако массивный замок и крепкая железная обивка не позволили Тарзану сделать это, и он закопал находку, так и не удовлетворив своего любопытства.

Затем Тарзан направился назад к хижине, по дороге он охотился, а когда добрался до места, было уже совсем темно.

В маленьком домике горел свет: Клейтон обнаружил неоткрытую жестяную банку керосина, пролежавшую целых двадцать лет, – ее отдал чете Клейтон Черный Майкл в числе других припасов. Оказалось, что лампы до сих пор находятся в рабочем состоянии, и в хижине, к невероятному изумлению Тарзана, сделалось светло, как днем.

Сам он много раз гадал о назначении лампы. Книжки давали ответ на этот вопрос, но в них не говорилось, каким образом можно заставить лампу изливать удивительный солнечный свет на все вокруг, как это было нарисовано на некоторых картинках.

Тарзан подошел к окну, расположенному возле двери, и, заглянув, увидел, что новые обитатели с помощью древесных ветвей и парусины поделили хижину на две части. Ближе к

двери помещались мужчины: старики увлеченно о чем-то спорили, в то время как молодой человек сидел на табуретке, опершись о стену, и с увлечением читал одну из книг Тарзана.

Однако мужчины приемыша обезьян не очень интересовали, и он быстро перешел к другому окну. Тарзан увидел девушку. Как она прекрасна! Как нежна ее кожа! Джейн что-то писала, сидя за столом у окна. У дальней стены на куче травы спала негритянка.

В течение целого часа Джейн была занята рукописью, и целый час глаза Тарзана наслаждались этим зрелищем. Ему очень хотелось заговорить с девушкой, но он не решался, ведь она, как и ранее мужчина, все равно не поймет его. Кроме того, Тарзан боялся ее спугнуть.

В конце концов Джейн поднялась и, оставив рукопись на столе, направилась к постели, устроенной из нескольких слоев свежей травы. Она взбила импровизированный матрас, а затем распустила свои густые золотистые волосы. Целый водопад волос, превращенный заходящим солнцем в золото, обрамляя ее нежное лицо, пролился вниз. Тарзан был заморожен.

Джейн погасила лампу, и все в хижине погрузилось в непроглядную тьму. Однако Тарзан продолжал наблюдение. Присев под окном, он выжидал и прислушивался еще не менее получаса. Наконец его старания были вознаграждены: он услышал ровное дыхание девушки и понял, что она уснула. Тогда Тарзан осторожно просунул руку между перекладинами решетки и дотянулся до стола. Он нащупал листки бумаги, на которых писала Джейн Портер, и осторожно вытащил через окно драгоценное сокровище. Тарзан свернул бумагу в трубочку и воткнул ее в колчан между стрелами.

Затем он бесшумно слился с джунглями, как привидение.

Глава 18

Жертва джунглей

Тарзан проснулся рано утром и сразу подумал о рукописи, спрятанной в колчане. Он поскорее достал ее, надеясь, что сумеет прочесть написанное прекрасной белой девушкой. Однако уже первый взгляд на почерк Джейн принес горькое разочарование. То, что послание златовласой богини, столь неожиданно вторгшейся в его жизнь, было адресовано другому человеку, Тарзана не смущало: ведь оно выражало ее мысли, вот что важно. Никогда раньше не возникало у Тарзана такого страстного желания разобрать рукописный текст. И вдруг неожиданное препятствие: буквы в рукописи отличались и от написания в книгах, и от почерка в письмах, обнаруженных Тарзаном в хижине. Даже в черной записной книжке буквы-жучки были хорошо ему знакомы, и только их сочетания не имели смысла. Здесь же сами жучки выглядели как-то иначе и непонятно.

Минут двадцать Тарзан пристально разглядывал их, и вдруг буквы начали приобретать знакомые очертания! Да, это были его старые знакомые, но только сильно искаленные. То там, то здесь стали всплывать известные ему слова. Сердце Тарзана преисполнилось радости. Он может прочесть эту рукопись, и он ее прочтет! Еще через полчаса он уже легко понимал почти все, за исключением нескольких незнакомых слов.

Вот что было в письме.

*Адресовано Хейзел Стронг,
Балтимор, штат Мэриленд
Моя дорогая Хейзел!*

Наверное, это глупо с моей стороны – писать тебе письмо, не будучи уверенной в том, что мы когда-либо увидимся, однако мне просто необходимо рассказать кому-нибудь об ужасных событиях, случившихся с нами после отплытия из Европы на злосчастном «Эрроу». Если нам не суждено вернуться в цивилизованный мир – а это очень вероятно, – пусть письмо хотя бы известит всех о том, что привело нас к печальному итогу, каков бы он ни был.

Как ты знаешь, мы намеревались отправиться в научную экспедицию в Конго. Все полагали, что папа лелеет планы подтвердить свою удивительную теорию о существовании немислимо древней цивилизации, остатки которой погребены где-то в долине Конго. И только после выхода в море открылись подлинные цели путешествия.

Выяснилось следующее. Один старый книжный червь, владелец лавки древностей и курьезов в Балтиморе, обнаружил среди страниц старинного испанского манускрипта письмо, написанное в 1550 году. В письме подробно рассказывалось о приключениях матросов-мятежников с испанского галеона, направлявшегося из Испании в Южную Африку с большим грузом неких «дублонов» и «пиастров» (если я не ошибаюсь, пусть будет так: эти слова звучат и необычно, и по-пиратски).

Автором письма был член команды, а обращался он к своему сыну – капитану испанского торгового судна. Много лет прошло с тех пор, когда имели место события, впервые описанные и раскрытые в письме, и старик, его автор, сделался уважаемым жителем одного из неизвестных мне испанских городов, однако страсть к золоту оставалась в его душе все еще столь сильной, что он рискнул поведать сыну о возможности обретения сказочного богатства.

Старый моряк рассказал, что через неделю после выхода из испанского порта команда взбунтовалась и перебила всех офицеров, а также не примкнувших к бунтовщикам матросов. Но тем самым они лишили себя средств к достижению цели: на борту не осталось ни одного человека, способного управлять судном.

В течение двух месяцев корабль носило по воле волн, пока матросы, уже полумертвые от цинги, голода и жажды, не оказались выброшены на маленький островок. Галеон выкинуло приливом на берег, где он разбился на части. Однако десять человек, сумевших выжить после кораблекрушения, спасли большой сундук с золотом. Они закопали его на острове, а затем прожили там еще три года, продолжая надеяться на спасение.

Один за другим они заболевали и умирали, и вот в живых остался последний – это и был автор письма. Матросы сумели построить лодку из обломков галеона. Однако они совершенно не представляли себе, где расположен их остров, и потому не решились выйти в море. Когда умерли все, кроме одного, ужас одиночества так подействовал на него, что он не выдержал и решил рискнуть, предпочитая смерть в волнах безумию на необитаемом острове. Прожив в одиночестве почти год, он поднял парус и вышел в море.

Ему повезло: он держал курс на север и уже через неделю оказался в местах, где ходят испанские торговые суда, курсирующие между Вест-Индией и Испанией. Его подобрало одно судно, направлявшееся на родину.

Моряк рассказал своим спасителям только о кораблекрушении, в котором выжили несколько человек, да и те умерли потом на острове – все, кроме него. Ни о восстании, ни о зарытом сокровище он не произнес ни слова. Капитан судна помог спасшемуся определить координаты острова, где тот был вынужден провести не один год своей жизни: судя по месту, где бедолагу подобрали, и по направлению ветров в последнюю неделю, это мог быть один из группы островов Зеленого Мыса, находящихся у западного берега Африки между 16-м и 17-м градусом северной широты.

Письмо подробно описывало и остров, и местонахождение клада. К нему прилагался очень неумело и забавно нарисованный план с деревьями и скалами. Место, где зарыт клад, было помечено крестиком.

Когда папа объяснил, куда и зачем мы направляемся, мое сердце чуть не остановилось: я хорошо знала, каким непрактичным мечтателем он всегда был, и испугалась, что его снова обманули: он отдал за письмо и карту целую тысячу долларов!

К тому же выяснилось, что он одолжил десять тысяч долларов у Роберта Кэнлера и дал ему вексель на эту сумму. Мистер Кэнлер не потребовал обеспечения, и ты понимаешь, моя дорогая, что случится со мной, если папа не сможет вернуть долг. Ах, как я ненавижу этого Кэнлера!

Все мы старались смотреть в будущее с оптимизмом, однако в душе и мистер Филандер, и мистер Клейтон – он присоединился к нам в Лондоне просто из жажды приключений – относились к происходящему с тем же скепсисом, что и я сама.

*Пропускаю многие события. Итак, нам удалось найти и остров, и сокровище. Это оказался большой, обитый железом сундук, обернутый в несколько кусков промасленной парусины, такой же крепкой, как двести лет назад, когда клад был закопан. Сундук **просто лопнул** от золотых монет и был таким тяжелым, что четверо матросов выбились из сил, пока тащили его.*

Однако сокровища приносят только смерть и несчастья всем, хоть сколько-нибудь к ним причастным. Не прошло и трех дней после нашего отплытия с островов Зеленого Мыса, как команда взбунтовалась и перебила всех офицеров. Ах, я не могу даже описать этот ужас! Они собирались убить и нас, но один матрос, их предводитель по имени Кинг, не позволил так поступить, и тогда негодяи направились на юг вдоль берега, чтобы отыскать глухой уголок и высадить нас.

Сегодня они отплыли и увезли с собой сокровище. Но, как сказал мистер Клейтон, их ждет та же судьба, что и бунтовщиков на старинном галеоне: один из матросов в день высадки на берег убил Кинга, а тот был единственным, кто имел представление о навигации.

Мне хотелось бы, чтобы ты познакомилась с мистером Клейтоном: он милейший человек и, если я не ошибаюсь, влюблен в меня по уши. Он единственный сын лорда Грейстока и когда-нибудь унаследует титул и поместья (хотя и так очень богат). Но меня несколько не радует, что он станет английским лордом: ты ведь знаешь, как я отношусь к американским девушкам, которые выходят замуж за титулованных иностранцев. Ах, был бы он американским джентльменом! Но ведь он не выбирал родословную и во всем остальном мог бы оказать честь моей Родине, а это величайший комплимент, который я способна сделать мужчине.

После того как мы сошли на берег, с нами приключилось множество самых невероятных событий. Папа и мистер Филандер заблудились в джунглях, и за ними погнался самый настоящий лев! Мистер Клейтон тоже заблудился, и на него дважды напали дикие звери. Мы с Эсмеральдой оказались загнаны в старую хижину львицей-людоедкой. Это была просто «ужасность», как говорит Эсмеральда.

Но самое странное – это удивительное существо, которое постоянно нас спасает. Я никогда его не видела, но мистер Клейтон, папа и мистер Филандер с ним встречались. И они рассказывают, что это богоподобной красоты белый человек, очень загорелый, обладающий слоновьей силой, обезьяньей ловкостью и храбростью льва. Он не говорит по-английски и исчезает так же быстро и загадочно, как совершает свои доблестные подвиги, словно это не человек, а бесплотный дух.

Есть у нас и другой странный сосед. Он оставил нам письмо, написанное по-английски красивыми печатными буквами. Письмо это было прикреплено к двери хижины, которой мы завладели, и содержало предупреждение: не уничтожать ничего из вещей хозяина. Подписался он так: «Тарзан из племени обезьян». Автора послания мы тоже никогда не видели, хотя он, по-видимому, бродит где-то неподалеку. Об этом говорит следующий случай: один из матросов собирался выстрелить в спину мистеру Клейтону, но некто невидимый метнул из зарослей копьё и попал негодяю в плечо.

Бунтовщики почти не оставили нам еды. У нас есть револьвер всего с тремя патронами. Поэтому мы не знаем, как добыть мяса, хотя мистер Филандер говорит, что можно питаться дикими фруктами и орехами, которые в изобилии произрастают в джунглях.

Я очень устала и хочу прилечь на свою забавную кровать из трав, собранных для меня мистером Клейтоном. В дальнейшем по ходу событий я буду дополнять это письмо.

С любовью,

Джейн Портер

3 (?) февраля 1909 года

Западный берег Африки,

около 10 градусов южной широты (по словам мистера Клейтона)

Прочитав письмо, Тарзан долго сидел в задумчивости. Он узнал столько нового и удивительного, что у него голова шла кругом. Итак, его новые знакомые не догадываются, что он и есть Тарзан из племени обезьян. Ну что ж, он им об этом сообщит. У него был сделан на дереве грубый навес из листьев и веток для защиты от дождя, туда он принес свои сокровища из хижины и среди прочего несколько карандашей. Взяв карандаш, он написал ниже подписи Джейн Портер: «Я Тарзан из племени обезьян».

Ему казалось, что этого достаточно. Позднее он вернет письмо в хижину. Что касается пищи, думал Тарзан, то об этом они могут не беспокоиться: он обеспечит их всем необходимым.

На следующее утро Джейн обнаружила пропавшее письмо на том же самом месте, откуда оно исчезло позавчера. Это ее озадачило, а когда девушка увидела написанные печатными

буквами слова под своей подписью, у нее по спине пробежали мурашки. Она показала письмо – точнее, последнюю его страницу – Клейтону.

– Подумать только, – сказала Джейн, – ведь это непонятное существо, по-видимому, наблюдало за мной, пока я писала. О господи! Как страшно!

– Но этот Тарзан, скорее всего, настроен к нам дружелюбно, – заверил ее Клейтон, – раз он вернул письмо и не причинил вам ни малейшего зла. Кроме того, если я не ошибаюсь, ночью он оставил весьма весомое доказательство своих дружеских намерений у дверей. Утром я обнаружил там тушу дикого кабана.

Теперь не проходило и дня, чтобы возле хижины не появлялась дичь или какая-нибудь другая еда. Иногда это был молодой олень, а иногда не сырая, а странным образом приготовленная пища: лепешки из маниоки, похищенные Тарзаном из деревни Мбонги. Приносил он и туши кабанов, леопардов, а однажды даже тушу льва.

Тарзан получал огромное удовольствие, охотясь для незнакомцев. Он чувствовал, что в мире нет большей радости, чем заботиться о благополучии и безопасности прекрасной белой девушки. Настанет день, когда он решится прийти в хижину при свете дня и поговорит с ее обитателями с помощью маленьких жучков, которые знакомы и им, и ему. Но он никак не мог преодолеть робость, присущую влюбленному человеку, и день проходил за днем, а его добрые намерения так и не воплощались в жизнь.

Изгнанники тем временем все лучше осваивались в новой обстановке и с каждым днем решались заходить все дальше в джунгли в поисках орехов и фруктов. Почти ежедневно профессор Портер, погружившись в свои мысли, забредал в такие места, где оказывался на волосок от смерти. Мистер Сэмюэль Ти Филандер, который всегда был довольно худым, теперь и вовсе высох как щепка: профессор то и дело доставлял ему поводы для беспокойства и тревоги.

Прошел месяц, и Тарзан наконец решился посетить лагерь днем.

Было около полудня. Клейтон отправился к выходу из гавани – поджидать, не пройдет ли мимо корабль. Он приготовил на мысу большую кучу хвороста, чтобы поджечь ее в качестве сигнала, если какой-нибудь пароход или парусник появится на горизонте. Профессор Портер в сопровождении мистера Филандера бродил по берегу, секретарь уговаривал профессора повернуть назад, пока не поздно и они оба не стали добычей диких зверей. В отсутствие мужчин Джейн и Эсмеральда направились в джунгли, чтобы собрать фрукты, они удалялись от своего жилища все дальше и дальше.

Тарзан решил дожидаться их возвращения возле хижины. Все его мысли были о прекрасной белой девушке; впрочем, он теперь всегда о ней думал. Тарзан очень переживал, не испугается ли она его, и из-за этого был почти готов отказаться от своих планов. Скоро ему стало невмоготу ждать – так хотелось приблизить минуту, когда она окажется рядом. Человек-обезьяна не исповедовал никакой религии, но он был готов молиться новообретенному божеству так горячо, как не молился еще ни один смертный. Ожидая появления Джейн, он использовал время для того, чтобы написать ей письмо. Тарзан сам не знал, решится ли он вручить его возлюбленной, но ему доставляло неизъяснимое удовольствие выражать свои мысли на бумаге, и в этом отношении его нельзя было назвать нецивилизованным.

Вот что он писал:

Я Тарзан из племени обезьян. Я хочу тебя. Я твой. Ты моя. Мы будем жить здесь вместе всегда в моем доме. Я буду приносить тебе лучшие фрукты, самых нежных оленей, самое лучшее мясо в джунглях. Я буду охотиться для тебя. Я самый сильный боец в джунглях. Я буду сражаться для тебя. Я самый сильный. Ты Джейн Портер, я прочитал это в твоём письме. Когда ты увидишь это, ты будешь знать, что это для тебя и что Тарзан из племени обезьян тебя любит.

Он стоял, стройный, как молодой индеец, у двери хижины и ожидал, когда Джейн вернется. Вдруг чуткий слух Тарзана уловил знакомый звук: какая-то большая обезьяна пронеслась неподалеку по нижним ветвям дерева. Несколько секунд Тарзан внимательно прислушивался, а затем из леса донесся отчаянный женский крик, и человек-обезьяна, бросив на землю первое в своей жизни любовное письмо, кинулся, как барс, в чащу.

Клейтон, профессор Портер и мистер Филандер также слышали крик, и через несколько минут все они, задыхаясь от бега и взволнованно задавая друг другу вопросы, собрались возле хижины.

Клейтон немедленно направился в джунгли, и за ним поспешили оба старика. Все трое громко звали девушку. Целых полчаса они блуждали по окрестностям, пока Клейтон совершенно случайно не наткнулся на лежащую без сознания Эсмеральду. Он остановился возле нее, пощупал пульс и убедился, что сердце бьется. Она была жива. Клейтон потряс негритянку за плечи.

– Эсмеральда! – крикнул он прямо ей в ухо. – Эсмеральда! Где мисс Портер? Ради бога, Эсмеральда, что случилось?

Негритянка медленно открыла глаза и увидела Клейтона. Потом она перевела взгляд на окружающие их джунгли и закричала:

– О, Гаврииле! – И снова потеряла сознание.

Подшли профессор Портер и мистер Филандер.

– Что же нам делать, мистер Клейтон? – спросил старый ученый. – Где искать Джейн? Бог не может быть столь немилосердным, он не заберет у меня мою девочку!

– Сначала надо привести в чувство Эсмеральду, – ответил Клейтон. – Она расскажет, что случилось. Эсмеральда! – снова крикнул он, сильно встряхивая негритянку.

– О, Гаврииле, дай мне умереть! – взмолилась бедная женщина, по-прежнему не открывая глаз. – Дай мне умереть, дорогой Господь, не дай мне снова увидеть эту страшную рожу.

– Ну-ну, Эсмеральда, успокойся, – сказал Клейтон. – И я не Господь, а мистер Клейтон. Открой глаза.

Эсмеральда послушалась:

– О, Гаврииле! Слава Господу!

– Где мисс Портер? Что случилось? – допытывался Клейтон.

– А разве мисс Джейн тут нет? – удивилась Эсмеральда, с необыкновенным для ее габаритов проворством приподнимаясь с земли. – О господи, теперь я припоминаю! Оно, наверное, утатило ее!

И негритянка разразилась рыданиями.

– Кто уташил?! – вскричал профессор Портер.

– Огромный черт, весь покрытый шерстью.

– Это была горилла, Эсмеральда? – спросил мистер Филандер, и у всех троих мужчин перехватило дыхание от этого ужасного слова.

– Это был сам дьявол! А может, и кто из этих, из гориллов. Ах, моя бедная крошка, ах, моя куколка!

И Эсмеральда снова залилась слезами. Клейтон попытался отыскать какие-нибудь следы, но не обнаружил ничего, кроме помятой травы неподалеку. Его способности ориентироваться в лесу были слишком слабы для того, чтобы сделать выводы на основании увиденного.

Весь остаток дня мужчины бродили по джунглям, но с наступлением сумерек поиски пришлось прекратить: ведь никто из них не знал даже, в каком направлении это существо утащило Джейн. До хижины добрались уже в полной темноте. Пораженные горем, они молча сидели в своем крошечном жилище.

Профессор Портер первым нарушил молчание. Теперь он говорил уже не тоном ученого педанта. В его голосе появились нотки, выражающие полную готовность действовать и в то же время неопишное отчаяние и скорбь, на которые сердце Клейтона отзывалось болью.

– Я сейчас прилягу, – сказал старик, – и попробую поспать. А рано утром, как только рассветет, я возьму столько еды, сколько смогу унести, и отправлюсь на поиски. И буду искать, пока не найду Джейн. Без нее я не вернусь.

Его товарищи ответили не сразу. Каждый был погружен в печальные мысли, и каждый понимал, что значили слова профессора: он не вернется из джунглей.

Наконец Клейтон встал и мягко положил руку на плечо профессора.

– Я, разумеется, пойду с вами, – сказал он.

– Я знал, что вы захотите пойти, мистер Клейтон. Но прошу вас: не нужно. Джейн уже не помочь. Но тело моей дорогой девочки не должно лежать в одиночестве в этих ужасных джунглях. Пусть нас покроют те же листья и стебли, пусть на нас льются одни и те же дожди. И когда дух ее покойной матери посетит эти места, он увидит, что после смерти мы так же неразлучны, как и при жизни. Нет, я должен идти один, потому что она моя дочь. Она – все, что у меня есть.

– Я пойду с вами, – просто сказал Клейтон.

Старик поднял голову и внимательно посмотрел на прекрасное лицо Уильяма Сесила Клейтона. Возможно, он прочел на нем знаки любви, которая жила в сердце молодого человека, – любви к его дочери. В прошлом профессор был слишком занят научными проблемами, чтобы придавать значение разным мелочам, случайным словам, которые для более наблюдательного человека могли свидетельствовать о том, что Джейн и мистера Клейтона все больше и больше тянет друг к другу. Теперь же профессор стал припоминать многие из таких мелочей одну за другой.

– Что ж, как хотите, – ответил он.

– Можете также положиться на меня, – сказал мистер Филандер.

– Ну нет, мой дорогой друг, – сказал профессор Портер. – Вам идти не следует. Было бы слишком жестоко оставлять бедняжку Эсмеральду здесь в одиночестве. Втроем мы добьемся не большего успеха, чем вдвоем. Довольно мертвецов этим жестоким лесам! А теперь давайте немного поспим.

Глава 19

Первобытный зов

Со времени, когда Тарзан покинул ставшее ему родным племя больших человекообразных обезьян, там не прекращались борьба и раздоры. Теркоз оказался жестоким и капризным вожаком, и многие из более старых и слабых самцов, по отношению к которым он вел себя особенно резко, один за другим покидали сородичей, забирая и свои семьи, чтобы пожить в спокойствии и безопасности в глубине освоенной территории. В конце концов и оставшиеся пришли в отчаяние от постоянных жестокостей и несправедливостей, и один из самцов припомнил совет, который Тарзан дал им на прощание:

– Если у вас окажется жестокий вождь, не пытайтесь восстать против него в одиночку. Соберитесь втроем или вчетвером и нападите на него вместе. После этого ни один вождь не посмеет вести себя по-прежнему, потому что четверо всегда смогут убить одного.

Самец, который припомнил этот мудрый совет, повторил его другим обезьянам, и когда появился Теркоз, его ожидала «теплая» встреча. Особых церемоний обезьяны не придумывали. Как только Теркоз приблизился, аж пять огромных волосатых зверей накинулись на него.

В душе Теркоз был законченным трусом, какими бывают наглецы и драчуны и среди обезьян, и среди людей. Поэтому он предпочел не вступить в бой и умереть, а поскорей сбежать и скрыться в спасительных ветвях близлежащих деревьев. После этого он дважды пытался вернуться, но его каждый раз прогоняли прочь. В конце концов Теркоз сдался и окончательно удалился в джунгли, пылая ненавистью.

В течение нескольких дней он бродил по лесам, лелея свою злобу и высматривая, на ком можно отыграться. Именно в этом настроении ужасный человекообразный зверь, перелетая с дерева на дерево, заметил в джунглях двух женщин.

Джейн Портер сначала увидела, что рядом с ней приземлилось огромное волосатое тело, а затем буквально в футах от нее показалась рычащая морда с оскаленной пастью. Джейн издала пронзительный крик, когда зверь схватил ее одной лапой и привлек к себе, чтобы перекусить жуткими клыками ее горло.

Теркоз уже прикоснулся мордой к прекрасной белой коже, но вдруг передумал. Его самки остались в племени, а эта белая обезьяна вполне может заменить их и стать его женой. И вот Теркоз перекинул Джейн через плечо и вскочил на ветви, чтобы унести ее подальше.

В первую секунду ужасный крик Эсмеральды слился с криком Джейн, но затем, как уже случилось с негритянкой в моменты опасности, она упала в обморок.

Джейн не потеряла сознания. Безобразная обезьяна и ее смрадное дыхание вызывали отвращение и ужас, однако ум Джейн продолжал работать, и она осознавала, что происходит. Со скоростью, которая казалась Джейн невероятной, зверь тащил ее через лес, но девушка не кричала и не сопротивлялась. Неожданное появление обезьяны сбило ее с толку: ей казалось, будто они движутся по направлению к берегу. Поэтому она решила сберечь силы и голос до того момента, когда окажется достаточно близко к хижине и сможет позвать на помощь. Джейн не знала, что на самом деле Теркоз тащил ее в противоположном направлении: все дальше и дальше в непроходимые джунгли.

Крик, который привлек внимание Клейтона и бродивших в лесу стариков, привел Тарзана из племени обезьян напрямик к тому месту, где лежала Эсмеральда. Но искал он не ее. Тарзан только взглянул на негритянку мельком и сразу понял, что она невинна. Несколько секунд он изучал участок земли и росшие над ним деревья. За эти мгновения он так ясно понял, что здесь произошло, словно видел все собственными глазами. После этого Тарзан вскочил на дерево и двинулся по следу, который ни один человеческий взгляд не смог бы ни заметить, ни тем более истолковать.

Главной приметой было смещение ветвей, за которые цеплялся Теркоз, перелетая с дерева на дерево, однако оно не указывало направления, куда тот двигался: ветвь всегда пригибается книзу, независимо от того, прыгает ли обезьяна с нее или на нее. Но ближе к стволу дерева, где следы на ветвях оказываются слабее, можно разглядеть и приметы, указывающие направление. Вот тут, на этой ветви, растоптана гигантской стопой гусеница, и Тарзан догадывается, куда эта стопа могла приземлиться при следующем прыжке. А вот крошечный кусочек раздавленной личинки – размером с капельку. В другом месте ободрана древесная кора, и по этой примете можно определить направление, в котором двигался Теркоз. Или же Теркоз коснулся какой-нибудь крупной ветви или ствола дерева, и на них теперь заметен крошечный клочок его шерсти. И Тарзан понимает, что двигается правильно.

При этом человеку-обезьяне вовсе не нужно было снижать скорость, чтобы обнаруживать еле заметные следы зверя. Тарзан нашел бы их среди myriad иных отметин, шумов и знаков на своем пути. Сильнее всего чувствовался запах: Тарзан шел по направлению ветра, а его ноздри были не менее чуткими, чем у собаки.

Есть люди, которые считают, будто бы низшие виды специально задуманы природой так, что их обонятельные способности выше, чем у человека, но на самом деле это всего лишь вопрос тренировки. Жизнь человека не слишком зависит от того, насколько развиты его пять чувств, и они до определенной степени атрофировались. Другое дело – Тарзан из племени обезьян. С самого раннего детства его жизнь зависела от остроты зрения, слуха, обоняния, осязания. Менее всего у Тарзана было развито чувство вкуса: он мог поглощать сочные фрукты или долго хранившееся в земле сырое мясо с одинаковым аппетитом; в этом, впрочем, он мало отличался от куда более цивилизованных эпикурейцев.

Человек-обезьяна шел по следу Теркоза почти бесшумно, но все же преследуемый услышал погоню и попробовал двигаться быстрее. Теркоз преодолел три мили, прежде чем Тарзан сумел его настичь. Увидев, что дальнейшее бегство бессмысленно, Теркоз спрыгнул на небольшую поляну, где можно было сразиться за добычу или же беспрепятственно сбежать, если преследователь окажется гораздо сильнее.

Теркоз все еще не отпускал Джейн, придерживая ее одной лапой, когда Тарзан, как леопард, ринулся на арену, которую сама природа предоставила для этой первобытной битвы. Увидев своего преследователя, Теркоз решил, что самка принадлежит Тарзану, поскольку была из той же породы – белых и безволосых. Это обрадовало Теркоза: ему очень хотелось отомстить ненавистному противнику.

А для Джейн появление этого богоподобного человека было сопоставимо только с чудом. Вспомнив слова Клейтона, отца и мистера Филандера, она поняла, что это и есть их необыкновенный спаситель, и теперь уповала на него как на своего единственного друга и защитника.

Теркоз отбросил девушку в сторону, чтобы ответить на вызов Тарзана. Джейн увидела, какая мощь заключена в огромной фигуре самца, как страшны его клыки, и сердце ее сжалось. Кто сможет победить столь грозного соперника?

Словно два разъяренных быка, враги вступили в бой и, как два волка, нацелились схватить друг друга за горло. Снова длинным и острым клыкам обезьяны предстояло помериться силами с ножом человека.

От волнения Джейн прислонилась к стволу большого дерева, прижав руки к груди. С ужасом, нетерпением и восхищением она следила за битвой первобытной обезьяны с первобытным человеком за обладание женщиной – за нее. Когда мощные мускулы Тарзана вздулись от напряжения и сумели остановить страшные клыки, вся история человеческой цивилизации потеряла значение для девушки из Балтимора. Когда длинный нож раз десять глубоко вошел в сердце Теркоза и огромное тело рухнуло бездыханным на землю, то первобытная женщина с протянутыми руками ринулась к первобытному мужчине, который выиграл бой и завоевал ее.

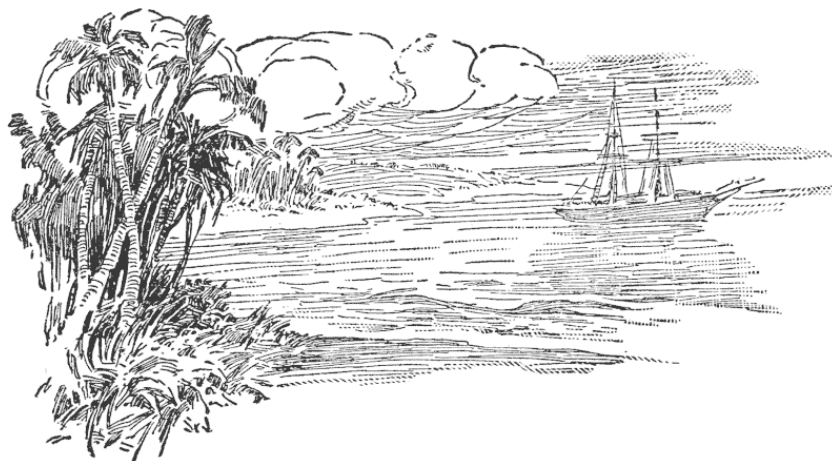
А что же Тарзан? Он поступил так, как свойственно людям, в чьих жилах течет горячая кровь. Не нуждаясь в уроках любви, он принял Джейн в объятия и осыпал ее поцелуями.

Несколько секунд глаза Джейн оставались полуприкрытыми, и в эти несколько секунд она – впервые в своей жизни – поняла значение любви. Но затем, вспомнив о приличиях, Джейн залилась краской смущения и стыда. Она оттолкнула от себя Тарзана из племени обезьян и закрыла лицо руками.

Тарзан был изумлен: девушка сначала сама кинулась к нему в объятия, а теперь отвергла его. Он приблизился к Джейн снова и взял за руку. Но девушка бросилась на него, как тигрица, колотя своими крошечными кулачками в его мощную грудь.

Тарзан ничего не понимал. Еще несколько секунд назад он собирался вернуть Джейн ее народу, но теперь это желание исчезло. Несколько секунд назад Тарзан из племени обезьян почувствовал, как теплое гибкое тело прижимается к нему, как совершенные губы сливаются с его собственными в огненных поцелуях, и все это в один миг как будто выжгли каленым железом.

Он снова коснулся руки Джейн, и она снова его оттолкнула. И тогда Тарзан из племени обезьян совершил то, что, безусловно, сделал бы и его отдаленный предок. Он подхватил свою женщину на руки и понес ее в джунгли.

Рано утром обитатели маленькой хижины на берегу океана были разбужены грохотом пушечного выстрела. Клейтон первым выскочил наружу и, к своему удивлению, увидел два корабля, стоящих у входа в гавань, – «Эрроу» и французский крейсер.

На борту крейсера толпились моряки, высматривая что-то на берегу. Клейтон решил – и с ним согласились его товарищи, – что крейсер пытался пушечным выстрелом привлечь внимание. Вероятно, французские моряки хотели таким образом узнать, есть ли на острове люди. Но оба корабля находились довольно далеко от берега, и вряд ли моряки могли рассмотреть даже в подзорные трубы четырех человечков, машущих им шляпами. Эсмеральда сняла свой красный передник и отчаянно крутила им над головой. Однако Клейтон все же сомневался, что моряки их увидят, и поспешил к северной оконечности гавани, где был сложен хворост для сигнального костра.

Клейтону показалось, что он добирался до места целую вечность, и то же чувство испытывали его взволнованные товарищи. Когда Клейтон выбрался из зарослей и снова увидел корабли, к его ужасу, оказалось, что «Эрроу» уже поднял паруса, а крейсер отходит от берега. Клейтон быстро поджег сигнальный костер сразу в нескольких местах, а сам поспешил на крайнюю точку мыса. Там он снял рубашку, привязал ее к ветке и принялся махать над головой.

Однако корабли продолжали удаляться. Клейтон уже оставил всякую надежду, когда огромный столб дыма устремился в небо над лесом. Дым был сразу замечен дозорным на крейсере, и десяток биноклей и подзорных труб обратились к берегу.

Наконец Клейтон увидел, что корабли повернули. «Эрроу» лег в дрейф, а крейсер медленно направился к суше. Затем с него была спущена шлюпка. Когда она достигла берега, из нее вышел молодой офицер.

– Мсье Клейтон, полагаю? – спросил он.

– Слава богу, наконец-то вы здесь! – воскликнул англичанин. – И может быть, вы успели прийти вовремя.

– Что вы имеете в виду, мсье?

Клейтон рассказал о несчастье, постигшем Джейн Портер, и объяснил, что для продолжения поисков нужна группа вооруженных людей.

– Mon Dieu!² – ужаснулся француз. – Еще вчера, наверное, было не поздно. Но сегодня, возможно, будет лучше, если мы не найдем несчастную леди. Это ужасно, мсье. Это совершенно ужасно!

С крейсера были спущены и другие шлюпки, и Клейтон, указав офицеру путь в гавань, сел вместе с ним в одну из них, и все направились к маленькой закрытой бухте. Скоро моряки высадились на берег, где их встретили профессор Портер, мистер Филандер и всхлипывающая Эсмеральда.

На одной из последних шлюпок прибыл и командир крейсера. Когда он услышал историю похищения Джейн, он кликнул добровольцев, готовых сопровождать профессора и Клейтона в поисках. Не было ни одного из офицеров и матросов, этих храбрых и симпатичных французов, кто не проявил бы самого горячего желания участвовать в экспедиции. Командир отобрал двадцать матросов и двух офицеров, лейтенантов Д'Арно и Шарпантье. На крейсер отправили шлюпку за провизией, боеприпасами и карабинами. Кроме того, у матросов имелись револьверы.

Клейтон расспросил французов, почему они встали на якорь у берега и сделали выстрел из сигнальной пушки. Капитан Дюфранн объяснил, что месяц назад они заметили «Эрроу»: корабль шел на юго-запад под большим количеством парусов. Крейсер дал сигнал приблизиться, однако в ответ судно только прибавило ходу. Французы пустились вдогонку, сделали по «Эрроу» пару выстрелов и продолжили преследование до самой темноты. Наутро странное судно исчезло без следа. Французы курсировали вдоль берега в течение еще нескольких недель и уже почти забыли инцидент с ушедшим от них кораблем, как вдруг однажды – это было несколько дней назад – впередсмотрящий заметил судно: шторм кидал его из стороны в сторону, как если бы им никто не управлял.

Когда французы подошли поближе, то с удивлением узнали то самое судно, которое ускользнуло от них несколько недель назад. Его фока-стаксель и паруса на бизани были поставлены так, будто команда пыталась удержать корабль по ветру, но шторм разодрал эти паруса в клочья.

---

² Боже мой! (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.